ОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1843.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXIX.

ОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ъ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1843.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 – 1161

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

ЛУДОВИКЪ XIV.

Отъ Редакціи Современника. «Профессоръ здѣшняго Университета, М. С. Куторга, позволилъ намъ украсить Современникъ нѣсколькими отрывками изъ его *Историческихъ Очерковъ*. Въ предисловіи къ одной изъ брошюръ, имъ изданныхъ *(Политическое устройство Германцевъ)*, онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ объ историческомъ занятіи.

«Всякая эпоха можетъ быть представлена съ трехъ сторонъ. Сочинитель можетъ обратить все свое вниманіе и весь свой трудъ только на одни факты, на одни внѣшнія проявленія идеи: онъ ихъ собираетъ, опредѣляетъ ихъ достоинство, вѣроятность; онъ отыскиваетъ, подобно анатомику, самыя сокровенныя и едва замѣтныя части тѣла. Такое занятіе, которое не-

«минуемо предшествуетъ всѣмъ прочимъ, называется «*критическимъ.* Но существованіе тѣла предполагаетъ «душу; внѣшніе факты указываютъ на внутренніе за«коны, всѣмъ управляющіе. Это раждаетъ новый во«просъ. Открыть, постигнуть, представить эти законы, «оживить тѣло духомъ—вотъ высокая задача историка. «Такое занятіе называется *умозрительнымъ.* Наконецъ «факты собраны, внутренніе законы узнаны: что же «остается писателю? Онъ дѣлается драматургомъ: вы«водитъ на сцену прежнія событія, прежнія лица и «заставляетъ ихъ развиваться и дѣйствовать такъ, что «читатель видитъ предъ собою живую картину «протекшаго времени. Это послѣднее дѣло исто«рика, извѣстное подъ именемъ *описательнаго.*»

Читатели Современника тотчасъ увидятъ, къ какому изъ означенныхъ родовъ принадлежатъ пред-лагаемые здѣсь *Историческіе Очерки.* Публика по-лучаетъ чтеніе самое занимательное по содержанію самое увлекательное по изложенію, и самое наставни-тельное по выводамъ, которые доставитъ чтеніе Авторъ удовлетворяетъ двумъ главнѣйшимъ требова-ніямъ читателя образованнаго: онъ вводитъ его въ святилище сокровенныхъ тайнъ, откуда возникали событія, и предлагаетъ ихъ со всею ясностію, съ всей простотою и даже любезностію благовоспитан-наго человѣка. Наука, въ его устахъ, перестаетъ быть чѣмъ-то тяготѣющимъ надъ душею читателя требующимъ отъ него безпрерывнаго напряжені

умственныхъ силъ. Она превращена въ естественную, лучшую нашу атмосферу, гдѣ дышать и жить отрадно. Но въ этой наукѣ столько напаяющаго умъ опытами и ихъ мудростію, что убѣждаешься вполнѣ въ превосходствѣ Исторіи передъ прочими знаніями. Изученіе лучшихъ, подлинныхъ матеріаловъ исторіи, личное знакомство съ знаменитыми, современными по этой части писателями за границею, путешествіе и наблюденія тамъ, гдѣ совершались важнѣйшія изъ событій, послѣдовательное вниманіе къ новымъ явленіямъ литературы исторической, наконецъ живая любовь къ предмету, избранному цѣлію всей жизни—вотъ гдѣ заключаются причины раннихъ успѣховъ, которыхъ нельзя не признать въ авторѣ, какъ ученомъ и какъ литераторѣ.»

*

Разсматривая исторію народовъ западной Европы, мы не можемъ не замѣтить, что каждый изъ нихъ выражаетъ собою отдѣльное направленіе въ образованіи, что каждый идетъ по своему собственному пути, но что всѣ, взятые вмѣстѣ, составляютъ одно цѣлое. Такое отдѣльное направленіе дозволяетъ различнымъ народамъ достигать совершенства въ ихъ частномъ назначеніи, даетъ имъ ихъ отличительный характеръ и дѣлаетъ ихъ порознь представителями извѣстнаго періода времени. Общее европейское образованіе, проходя всѣ степени своего развитія, ос-

танавливалось всегда, при каждомъ новомъ періодѣ, на одномъ какомъ-нибудь народѣ преимущественно предъ другими, и доставляло ему тѣмъ самымъ славу быть средоточіемъ всей западной европейской исторіи. Такимъ образомъ Германія первенствовала въ западной Европѣ во время реформаціи, Франція господствовала въ царствованіе Лудовика XIV.

Образованіе можетъ быть двоякаго рода; оно относится къ дѣятельности каждаго, или какъ человѣка, или какъ гражданина; къ успѣхамъ ума и къ успѣхамъ гражданственности, къ усовершенствованію человѣчества и къ усовершенствованію общества. Но только тамъ, гдѣ внѣшнее положеніе человѣка улучшено, гдѣ значеніе его какъ гражданина признано и утверждено, гдѣ притомъ внутренняя природа человѣка является во всемъ блескѣ и величіи, только тамъ существуетъ истинное образованіе. Эти два направленія никогда не раздѣляются; они существуютъ непремѣнно вмѣстѣ, идутъ рука-объ-руку. Но не смотря на то, каждое изъ нихъ можетъ первенствовать и давать особенный характеръ народу.

Европа представляетъ въ этомъ отношеніи необыкновенное разнообразіе. Англія шествуетъ къ усовершенствованію общественному, къ успѣхамъ гражданственности. Въ ней мы видимъ безпрестанное улучшеніе политическаго быта, утвержденіе правосудія и законности, развитіе внѣшняго положенія человѣка

Однимъ словомъ, тамъ находимъ гражданина. Отъ того общество имѣетъ въ Англіи болѣе значенія, нежели человѣчность; государственныя выгоды обнаруживаютъ бо́льшую силу, нежели общія философскія идеи, и цѣлая нація является въ большемъ блескѣ, нежели человѣкъ. Это направленіе англійскаго характера выражается во всѣхъ частностяхъ. Англичане народъ суровый, пасмурный, молчаливый, презирающій всѣхъ и все, народъ-эгоистъ въ высшей степени. Сообщество съ Англичанами тягостно, утомительно и убійственно для иностранца. Даже самые философы, каковы Бѐконъ, Локъ и Шотландцы, не смотря на то, что предметъ ихъ развитіе мысли, принадлежатъ къ философской школѣ, которую можно назвать практическою. Но эти же самые Англичане превзошли всѣ прочіе народы безъ исключенія въ жизни практической и въ гражданственности.

Оставя Англію и перейдя на твердую землю, съ перваго взгляда встрѣчаемъ двѣ части, одна другой совершенно противоположныя: Европу западную и Европу восточную. Одна принадлежитъ Славянамъ, другая Германцамъ. Каждое изъ сихъ двухъ племенъ существовало и существуетъ отдѣльно, своею собственною жизнію, и точно такъ, какъ первые находились нѣкогда въ противоположности къ Римлянамъ восточнымъ, вторые были въ такомъ же отношеніи къ Римлянамъ западнымъ. Эти двѣ послѣднія стороны, міръ Германскій и міръ Римскій, бывшія въ

борьбѣ въ-теченія всѣхъ среднихъ вѣковъ, совершенно раздѣлились реформаціею шестнадцатаго вѣка. Народы Романскіе, которые имѣли свое значеніе и свое цвѣтущее время въ средніе вѣки, сошли теперь большею частію съ политическаго поприща и обратились къ искуствамъ, въ которыхъ они и занимаютъ первое мѣсто; между-тѣмъ какъ чисто-Германскіе народы являются въ полной дѣятельности. Но направленіе сихъ послѣднихъ преимущественно теоретическое: они довольствуются своимъ господствомъ въ области мысли, и не столько заботятся о самомъ государствѣ, сколько объ его идеальномъ и систематическомъ разложеніи и изученіи.

Такимъ образомъ одно племя господствуетъ преимущественно въ области мысли, между-тѣмъ какъ дѣятельность другаго обращена къ сторонѣ практической, и каждое изъ нихъ опередило другихъ въ своей особной сферѣ. Чтобы соединить оба направленія, потребна была борьба элемента Романскаго съ Германскимъ; и это могло произойти въ странѣ, которая бы сама въ себѣ заключала сіи обѣ стороны, которая бы соединяла Германскую мыслительность съ Романскою живостію и воспріимчивостію. Такая страна — Франція. Она всегда была страною двойственности, раздѣленія, противоположности; она принадлежала своимъ сѣверомъ Германіи, и своимъ югомъ Риму; въ ней Франки и Романцы, языкъ Уа и языкъ Окъ (la langue d'Oye и la langue d'Oc), право

обычное и писанные законы (le droit coutumier и droit écrit), труверы и трубадуры. Эти два элемента, въ началѣ отдѣленные одинъ отъ другаго, мало-помалу сближались, сталкивались и проникались взаимно, наконецъ совершенно соединились, составивъ нѣчто особенное, не похожее ни на Германію, ни на Римъ, и отразившее въ себѣ однако и то и другое вмѣстѣ. Вотъ причина, почему Франція, въ царствованіе Лудовика XIV, была средоточіемъ историческаго движенія въ западной Европѣ, и ея главныя событія и перевороты не были въ то время частными и отдѣльными, а общими западно-Европейскими. И такъ-какъ она осталась единственною католическою страною, въ которой протестанство успѣло удержаться; страною, гдѣ мы встрѣчаемъ невѣжество подлѣ самой высокой образованности, тьму подлѣ свѣта, понятія чистыя подлѣ суевѣрія и невѣрія, все это на одной и той же почвѣ: то и понятно, почему эта борьба, которая не была возможна ни у чисто-Германскихъ, ни у чисто-Романскихъ народовъ, возникла во Франціи.

Это предназначеніе Франціи выражается и въ характерѣ ея народа. Въ немъ много воспріимчивости и общественности; въ немъ нѣтъ ничего отталкивающаго, оскорбительнаго, но много напротивъ легкаго, граціознаго, милаго. Къ этому присоединяется чрезвычайная живость и необыкновенная перемѣнчивость характера, которая безпрестанно ищетъ новаго и про-

изводитъ перевороты, заставляющіе дѣйствовать даже самыхъ спокойныхъ и хладнокровныхъ. Французы питаютъ, наконецъ, въ себѣ въ высочайшей степени чувство народной гордости и чести, которая вовсе не похожа на безжизненную grandezza Испанскую, и побуждаетъ ихъ къ дѣятельности, храбрости и славѣ.

Вотъ причины, сдѣлавшія тогда Францію средоточіемъ западной Европы. Съ одной стороны происхожденіе народа, его внутренній составъ, его элементы; съ другой его особенный характеръ, который даетъ исторіи великое драматическое значеніе, безпрестанно производитъ что нибудь новое и невольно за собою увлекаетъ. Но если Франція служила выраженіемъ запада, то и она сама выразилась въ лицѣ, которое совершенно-справедливо можетъ почесться олицетвореніемъ и воплощеніемъ сего народа: это Лудовикъ XIV. Но этотъ государь остался одинокимъ: его дѣла не нашли преемниковъ, его слава осталась только при немъ одномъ, и его предначертанія, потрясавшія нѣкогда всю Европу, сошли съ нимъ въ могилу.

Лудовикъ XIV выражаетъ собою высочайшую степень, до которой только достигала королевская власть во Франціи. Онъ началъ свое поприще знаменитымъ изреченіемъ, произнесеннымъ въ полномъ собраніи парламента: *Я государство* (l'état c'est moi).

Это изреченіе показываетъ, какъ нельзя лучше, измѣненіе въ государственномъ правленіи и въ самомъ понятіи о правительствѣ, измѣненіе, происшедшее послѣ управленія кардиналовъ Ришелье и Мазарина. Всѣ независимыя части сей страны теряли мало-по-малу свои особенныя права и составили наконецъ одно цѣлое государство, которое тогда явилось въ могущественной общности, въ лицѣ короля. Въ изреченіи Лудовика XIV единодержавіе представляется въ первый разъ какъ мысль, какъ идея, какъ выраженіе органическаго единства. Государство, послѣ продолжительныхъ переходовъ и опытовъ, достигло наконецъ самосознанія; оно тѣло нераздѣлимое, цѣлое, имѣющее жизнь и душу; эта душа — король, который не можетъ быть разлученъ съ нимъ, и который говоритъ съ полною увѣренностію: я государство.

«Только одинъ Богъ», говоритъ Лудовикъ XIV въ своихъ сочиненіяхъ, «требуетъ отчета отъ королей въ ихъ поступкахъ. Король намѣстникъ Бога на землѣ, и всѣ подданные ему повинуются. Онъ источникъ милости, силы и правосудія; онъ законодатель и исполнитель; ему одному принадлежатъ слава и величіе государства.»

Но такое понятіе о государствѣ и его представителѣ родилось не вдругъ, не мгновенно, а развивалось мало-по-малу, постепенно, и весьма долгое время. Въ первый разъ оно проявляется въ феодальномъ

вѣкѣ, коего назначеніе состояло именно въ томъ, чтобы положить первое основаніе государству, въ истинномъ значеніи сего слова. Для водворенія въ немъ сего новаго понятія, требовалось однако, чтобы уже существовали всѣ необходимые для того элементы. Для того, чтобы было постигнуто государство, надобно было, чтобы существовалъ народъ. Но что такое народъ? Онъ недѣлимое цѣлое, составленное изъ множества, повидимому разнообразныхъ, но въ сущности совершенно однородныхъ частей, имѣющихъ одну цѣль, одно назначеніе; онъ есть тѣло, имѣющее свою душу, свой разумъ, свое слово. Его душа народный характеръ, его слово — языкъ. И такъ прежде, нежели явилось государство, надобно было, чтобы происхожденіе народа уже кончилось. Эти два требованія взаимно себя условливаютъ.

Постепенное образованіе, или происхожденіе народа, составляетъ вопросъ чрезвычайно важный и чрезвычайно занимательный. Первоначально нѣтъ не только государства, но и народа. Извѣстное пространство земли занято отдѣльными колѣнами, которыя живутъ совершенно независимо, покланяясь своимъ собственнымъ богамъ-покровителямъ, имѣя свои суды и своихъ предводителей. Мало-по-малу однако же колѣна сближаются, вступаютъ въ тѣсныя связи и тѣмъ самымъ теряютъ обоюдно свои особенности и изъ всего этаго происходитъ наконецъ народъ, принимая это слово въ вышеопредѣленномъ смыслѣ.

Окончательное образованіе народа принадлежитъ
зъ западной Европѣ концу IX столѣтія. Въ это
ремя Франція, Италія и Германія, соединенныя Кар-
омъ-Великимъ, отдѣлились одна отъ другой и, какъ
ажется, навсегда ; къ этому же времени относятся
ачатки языковъ Французскаго, Нѣмецкаго, Итальян-
каго. Каждая изъ сихъ странъ представляла едини-
тво, только не въ государственномъ, а въ народ-
омъ отношеніи.

Это единство не могло быть продолжительнымъ.
Европа распалась опять на множество отдѣльныхъ
астей , но уже въ отношеніи государственномъ,
. е. для того , чтобы начать теперь въ свою
чередь постепенное образованіе единства госу-
арственнаго. Народы слѣдуютъ въ своемъ развитіи
звѣстнымъ, непреложнымъ законамъ; они проходятъ
азличныя степени прежде, нежели достигнутъ пол-
аго совершенства. Путь , принимаемый ими, совер-
енно логическій: онъ идетъ отъ частнаго къ обще-
у. Точно такъ, какъ изъ колѣнъ произошелъ на-
одъ, точно такъ же изъ троякаго рода феодальныхъ
ладѣтелей образовались три государственныя сосло-
ія. Общность раждается изъ частности. Западная
Европа раздробилась для того , чтобы произ-
ести ленныя , общинныя и церковныя владѣ-
ія, родоначальниковъ дворянства , средняго со-
ловія и духовенства. Феодальная система состоитъ
зъ означенныхъ трехъ частей; но онѣ не только-что

не составляли никакаго общаго союза, но даже каждая изъ нихъ представляла множество отдѣльныхъ и совершенно-независимыхъ владѣтелей. На одномъ и томъ же пространствѣ находилось все, но раздѣленное, самобытное и одно съ другимъ воюющее. Однако мало-по-малу они начали сближаться и вступать въ связи, только еще каждая часть въ отдѣльности, а не всѣ три взаимно между собою. Ихъ самостоятельность ослабѣвала болѣе и болѣе, и наконецъ, въ XIV вѣкѣ, феодальная система пала, исполнивъ свое высокое назначеніе. Происхожденіе государственныхъ сословій совершилось.

XIV столѣтіе есть вѣкъ начала политическаго единства; каждая страна представляетъ одно цѣлое и притомъ не только въ отношеніи народномъ, но и государственномъ. Въ это самое время начинаетъ утверждаться власть королевская. Впрочемъ политическое единство было только внѣшнимъ: внутри государства было все раздѣлено. Оно состояло изъ трехъ сословій, совершенно самостоятельныхъ, независимыхъ и отдѣленныхъ одно отъ другаго, правда не территоріальнымъ образомъ, не мѣстностію, а политически. Члены сихъ сословій пользовались законодательною и судебною властію во всей обширности сего слова, потому-что они наслѣдовали ее отъ своихъ отцовъ и предковъ, исполнявшихъ оную въ графствахъ, герцогствахъ и общинахъ. Гдѣ же единство? Оно было достигнуто такъ называемыми собраніями

земскихъ сословій, извѣстными въ Германіи подъ именемъ Landstände, во Франціи États généraux, въ Испаніи Cortés и въ Англіи Парламента *. Выборные трехъ сословій рѣшили всѣ дѣла въ подобномъ собраніи.

Мы старались показать, въ чертахъ самыхъ короткихъ и самыхъ общихъ, постепенный ходъ государствъ западной Европы, до того времени, когда королевская власть, какъ идея политическаго единства и политической общности, положила прочное основаніе своему величію. Обратимся къ собственному нашему предмету, къ Лудовику XIV.

Сей государь есть въ полной мѣрѣ выраженіе королевской власти въ западной Европѣ, и въ то же время выраженіе Франціи. Французы совершенно его постигли, или, лучше сказать, онъ постигъ Французовъ, онъ олицетворилъ сей народъ. Напрасно думаютъ, что народъ есть что-нибудь безжизненное, мертвое. Онъ имѣетъ, напротивъ, душу и сердце; его впечатлѣнія сильнѣе, нежели у всякаго отдѣльнаго человѣка; у него есть разумъ; онъ мыслитъ

* Обыкновенно ихъ называютъ въ Русскихъ сочиненіяхъ генеральными штатами, или государственными чинами, но совершенно несправедливо, потому-что état не значитъ чинъ, а сословіе. Я перевожу земскими сословіями, основываясь на томъ, что совѣтъ 1613 года, на коемъ былъ избранъ Царь Михаилъ Θеодоровичъ, называется земскимъ соборомъ.

глубоко, основательно; его предначертанiя полн
славы и величiя; но онъ передаетъ исполненi
другимъ, вручая имъ полномочiе дѣйствовать. Эт
исполнители суть такъ называемые великiе люди
Между ними и народомъ находится гармонiя, симпатiя
союзъ, который не расторгнетъ никакая человѣческа
сила.

Но говоря о королевской власти во Францiи
Лудовикѣ XIV, нельзя не упомянуть о человѣкѣ, ко
торый все приготовилъ, все основалъ, и который, н
бывъ королемъ, посвятилъ всю свою жизнь для утвер
жденiя королевской власти. Мы разумѣемъ кардина
ла Ришелье. Одаренный умомъ, богатымъ великими
замыслами, и обладая волею, болѣе-нежели твердою
онъ невольно заставлялъ себѣ удивляться и въ то ж
время трепетать предъ собою. Предназначивъ себ
однажды цѣль, онъ достигалъ ея, разрушая и низвергая
все встрѣчавшееся на пути, а отъ того многiе поступки
его были жестокими, тиранскими. Но эта жестокост
происходила не отъ малодушiя, а отъ силы убѣжде
нiя. Есть люди, имѣющiе столь слабый характеръ и
столь слабую душу, что они не въ состоянiи удер-
живать своихъ порывовъ и невольно предаются стра-
стямъ своимъ. Первый важный поступокъ увлекает
ихъ и рѣшитъ навсегда ихъ судьбу и ихъ образ
жизни. Если къ несчастiю этотъ поступокъ будет
жестокостiю, то они дѣлаются тиранами безъ мысли,
безъ намѣренiя, безъ предначертанiй. Совѣсть ищетъ

успокоенія, она должна быть по крайней мѣрѣ заглушена; одна жертва ищетъ другой, одна жертва слѣдуетъ за другою, Человѣкъ увлекается, и, подобно тому, который, страдая отъ чрезмѣрнаго пьянства, прибѣгаетъ въ отчаяніи къ самому же вину, онъ наноситъ одинъ ударъ за другимъ и утопаетъ въ жестокости. Таковы Неронъ, Калигула, Каракалла. Есть другіе, напротивъ, владѣющіе такою энергіею духа, что они возвышаются надъ всѣмъ, ихъ окружающимъ, и имѣющіе столь высокія предначертанія, что они едва могутъ быть постигнуты. Для исполненія своихъ плановъ они принуждены дѣйствовать твердо и даже жестоко; но эта жестокость есть средство, а не цѣль, есть мѣра необходимости, а не упоеніе страсти. Таковъ кардиналъ Ришелье, котораго самъ Великій Петръ назвалъ великимъ. По этому весьма справедливо говоритъ о немъ госпожа Мотвиль (Madame de Moteville), бывшая, впрочемъ, его открытою непріятельницею: » Онъ ни сколько не заслуживалъ той ненависти, которою его преслѣдовали и которая происходила отъ зависти. Напротивъ, онъ былъ величайшій правитель своего вѣка, и даже прошедшія столѣтія не представляютъ никого, кто бы могъ превзойти его. Онъ слѣдовалъ правилу: подчинять свои планы, мысли и предначертанія государственнымъ цѣлямъ и общему благу. Посему онъ и смотрѣлъ на жизнь и смерть человѣка, какъ на средства для утвержденія славы и величія Франціи.» То же свидѣтельствуетъ и Гуго Гроцій, говоря о немъ въ

письмѣ къ Оксенштернѣ, что онъ не только способенъ къ дѣламъ государственнымъ, но и выше ихъ, est non tantum par negotiis, sed et supra.

Арманъ Жанъ дю Плеси (Armand Jean du Plessis), въ послѣдствіи кардиналъ и герцогъ Ришелье, родился въ Парижѣ 5 го сентября 1585 года. Какъ младшій сынъ, онъ былъ предназначенъ своими родителями къ военной службѣ. Но когда старшій братъ его, епископъ Люсонскій, удалился въ монастырь, и Генрихъ IV обѣщалъ ему это епископство, то онъ посвятилъ себя сему званію, пріобрѣлъ степень доктора богословія и былъ посвященъ въ епископы въ Римѣ 1607 года. Онъ исполнялъ свои обязанности съ ревностію. Часто самъ говорилъ проповѣди, говорилъ даже два раза въ присутствіи королевы и всего двора (1607 и 1610 года), и съ большимъ успѣхомъ. Не смотря на то, его желаніе получить какое-нибудь высокое мѣсто въ государственномъ управленіи по смерти Генриха IV не было исполнено, пока наконецъ, покровительствуемый сильнымъ маршаломъ д'Анкръ, онъ назначенъ былъ 1615 года государственнымъ совѣтникомъ и 1616 года государственнымъ секретаремъ. Но онъ лишился всего этаго тотчасъ по кончинѣ маршала и принужденъ былъ бѣжать въ Блуа вмѣстѣ съ вдовствующею королевою, откуда удалился въ Люсонъ и наконецъ въ aпрѣлѣ 1618 года въ Авиньйонъ. Въ семъ уединеніи онъ снова посвятилъ себя богословскимъ занятіямъ и

издалъ два сочиненія: общій католическій «Катихизисъ» и «Защищеніе вѣры». Между-тѣмъ внутреннія междоусобія, произведенныя королевою, тяготѣли надъ Франціею и томили ея жителей; всѣ желали мира, въ томъ числѣ и король и королева. Ришелье очень искусно умѣлъ воспользоваться симъ положеніемъ, былъ посредникомъ въ переговорахъ и заключилъ наконецъ миръ между матерью и сыномъ. За такія услуги онъ награжденъ былъ титуломъ кардинала, пожалованнымъ папою по предстательству королевы.

Король упорствовалъ однако долгое время, не соглашаясь возвратить ему прежняго мѣста; но послѣ долгихъ ожиданій, желаніе кардинала наконецъ исполнилось, и 1624 года 29 апрѣля онъ сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Послушаемъ самаго Ришелье, какъ онъ расказываетъ это происшествіе.

«Мои враги», говоритъ онъ, «употребляли всѣ усилія, чтобы удалить меня отъ совѣта, ибо они знали, что во мнѣ есть нѣсколько разсудка, и притомъ предчувствовали, что король вручитъ мнѣ управленіе дѣлами, однажды со мною ознакомясь. Но когда наконецъ Вьевиль (Vieuville) не могъ болѣе противиться моему вступленію въ государственный совѣтъ, то онъ старался поставить меня въ такое положеніе, чтобы на мнѣ лежала большая отвѣтственность при весьма огра-

ниченномъ кругѣ дѣйствія. Тогда я объявилъ, что мое слабое здоровье едва позволяетъ мнѣ заниматься дѣлами: я не хотѣлъ быть средствомъ для его собственныхъ цѣлей. Между-тѣмъ Вьевиль дѣлалъ одну ошибку за другою, такъ-что наконецъ король рѣшился удалить его. Я сказалъ тогда королю откровенно, что онъ такъ часто мѣнялъ своихъ министровъ и такъ часто замѣщалъ однаго ничтожнаго другимъ болѣе ничтожнымъ, что надобно даже опасаться сильнаго переворота, если онъ и теперь изберетъ недостойнаго.»

Въ слѣдъ за симъ разговоромъ, кардиналъ облеченъ былъ властію перваго министра. Но положеніе Франціи было чрезвычайно затруднительно. «Когда я принялъ дѣла», продолжаетъ Ришелье, «вся страна раздѣлена была между гугенотами и королемъ; вельможи поступали такъ, какъ будто бы они не были подданными, а намѣстники провинцій дѣйствовали какъ независимые владѣтели. Каждый мѣрялъ свои заслуги только своею смѣлостію; никто не довольствовался тѣмъ, что ему принадлежало и что онъ заслуживалъ; самые предпріимчивые и дерзкіе считались умнѣйшими и весьма часто успѣвали. Переговоры и союзы съ чужеземными народами были въ совершенномъ пренебреженіи; общественное благо подчиняемо частнымъ выгодамъ, и королевская власть въ презрѣніи и забвеніи.»

Какъ все измѣнилось въ девятнадцатилѣтнее ıравленіе кардинала. Внутренніе безпорядки и междоусобія прекратились; независимость вельможъ униıтожилась; правосудіе получило силу; низшій классъ ıашелъ въ законахъ защиту и успокоеніе; внутреннее ıправленіе получило правильный ходъ, а вмѣстѣ съ ıѣмъ и сама королевская власть утвердилась. Сильıая и спокойная внутри, Франція обратила свое вниıаніе на общія дѣла Европейскія и, руководимая ıмною политикою герцога Ришелье, пріобрѣла рѣшиıельное вліяніе въ тридцатилѣтней войнѣ.

Впрочемъ, оставимъ всякое дальнѣйшее сужденіе ıбъ этомъ человѣкѣ и выпишемъ нѣсколько отрывковъ ıъ его политическаго завѣщанія (testament politique), ıѣ онъ говоритъ самъ о себѣ ясно, просто и со ıею откровенностію великаго человѣка, не боящагося ıстины.

«Между сословіями государства», говоритъ онъ, ıерковь занимаетъ первое мѣсто; за ней слѣдуетъ ıорянство, и потомъ среднее сословіе. Дворянство ıслуживаетъ высокаго покровительства престола; но ıли оно не исполняетъ своихъ военныхъ обязанıстей, то не только дѣлается безполезнымъ и ıгостнымъ, но и стоитъ быть лишеннымъ своихъ ıеимуществъ, и должно нести всѣ тѣ же подати, коıрыя наложены на народъ. Обычай, по которому ıѣ дѣти дворянъ вступаютъ въ бракъ, хотя и осла-

бляетъ это сословіе, но такъ-какъ чрезъ это увеличивается народонаселеніе, то нѣтъ причины его уничтожить. Впрочемъ это сословіе могло бы возвыситься, если бы уничтожена была продажность мѣстъ, и если бы дворяне, одаренные способностями, пользовались особенными преимуществами.

«Чрезвычайно важно, чтобы законовѣдцы занимались только однимъ правосудіемъ; они совершенно незнакомы съ государственными дѣлами и, не смотря на свою самонадѣянность и гордость, вовсе неспособны подавать объ нихъ полновѣсныя сужденія. Парламенты годятся только для исполнительной власти; хорошія головы сами-по-себѣ очень рѣдки, а въ большихъ корпораціяхъ онѣ совершенно заглушены посредственными и даже худыми.

«Слишкомъ большое число финансовыхъ чиновниковъ должно уменьшить, и притомъ надъ всѣми имѣть строгій надзоръ: но вмѣстѣ съ тѣмъ доставить имъ самое независимое положеніе; въ противномъ случаѣ, само правительство дастъ имъ нѣкоторое право утѣснять и красть. Самая лучшая финансовая система состоитъ впрочемъ въ томъ, чтобы удовлетворять только необходимости и никогда не быть расточительнымъ. Увеличеніе налоговъ влечетъ за собою возвышеніе цѣнъ и уменьшеніе числа потребителей.

«Государство налагаетъ подати на всѣхъ, а не на одинъ только классъ бѣдный; въ крайнихъ случаяхъ правительство должно обращаться къ богатымъ; было бы и несправедливо и опасно пускать безпрестанно кровь только однимъ бѣднымъ.

«Безпрестанная перемѣна какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновниковъ вредна: она производитъ утѣсненіе и эгоизмъ. Кромѣ того никогда не должно употреблять одно и то же лицо въ различныхъ частяхъ управленія; каждому, напротивъ, назначается одинъ разъ навсегда кругъ его дѣйствія.

«Совѣтникъ короля долженъ обладать слѣдующими четырьмя свойствами: способностію, вѣрностію, твердостію и трудолюбіемъ.

«Его способность вовсе не состоитъ въ педантскихъ познаніяхъ; напротивъ, ничто не можетъ быть хуже, если министры управляютъ государствомъ только по тѣмъ правиламъ, которыя они вычитали въ книгахъ. Весьма часто они причиняютъ зло при всей своей доброй волѣ. Государевъ совѣтникъ долженъ обладать добротою и твердостію души, здравымъ разсудкомъ и общими свѣдѣніями, познаніемъ исторіи и политическаго состоянія всѣхъ земель, а въ особенности своей собственной. Тѣ люди, въ головѣ коихъ болѣе ртути, нежели свинцу, весьма опасны и вредны для правленія. Они, правда, плодовиты пред-

начертаніями и планами, но такъ непостоянны, что измѣняютъ вечеромъ то, что весьма ревностно начали утромъ. Кто не можетъ посовѣтовать самому-себѣ, рѣдко можетъ дать хорошій совѣтъ другому; кто не принимаетъ чужихъ совѣтовъ, забываетъ, что наиболѣе опытный человѣкъ можетъ научиться отъ наименѣе опытнаго.

«Государственный человѣкъ долженъ быть вѣренъ Богу, государству, людямъ и самому-себѣ. Его честность не состоитъ въ чрезмѣрно боязливой совѣстности; правда, что отъ недостатка совѣсти происходятъ утѣсненія и жестокости, но весьма часто излишняя доброта имѣетъ тѣ же самыя послѣдствія.

«Если онъ хочетъ быть справедливымъ, то обязанъ слѣдовать неизмѣнно законамъ, дозволять все благоразумное, отвергать съ твердостію все неблагоразумное, никогда не жить на счетъ другаго и всегда говорить истину смѣло и открыто. Совершенно безполезны всѣ тѣ, которые вопіютъ противъ злоупотребленій, не умѣя ихъ исправить, и безпрестанно говорятъ объ общемъ благѣ, о любви къ отечеству, гоняясь, между-тѣмъ, только за своими собственными видами. Государственный человѣкъ долженъ забывать месть; онъ долженъ сносить клеветы великодушно и никогда не терять терпѣнія: подобно звѣздамъ, на которыя лаютъ собаки, онъ всегда свѣтитъ и неизмѣнно продолжаетъ путь свой.

«Твердость духа и характера несравненно важнѣе силы и крѣпости, потому-что государство управляется не рукою, а головою. Министръ не долженъ знать страха, но въ то же время и не быть дерзкимъ. Самое важное правило: не презирать малыхъ опасностей и не страшиться большихъ.

«Наконецъ, трудолюбіе государственнаго человѣка состоитъ не въ безпрерывной работѣ, которая утомляетъ и дѣлаетъ неспособнымъ къ великимъ мыслямъ, а въ томъ, чтобы онъ занимался дѣлами съ любовью, чтобы они занимали всѣ его мысли, чтобы онъ радовался ихъ успѣху, однимъ словомъ, чтобъ онъ сроднился съ ними.

«Придворныя интриги происходятъ большею частію отъ женщинъ. Природа создала ихъ лѣнивыми и болтливыми и слишкомъ подверженными страстямъ своимъ. Отъ-того онѣ мало слушаются разсудка и справедливости. Даже ихъ самыя лучшія мысли не годятся для мужчинъ, потому-что онѣ всегда проистекаютъ изъ страстей; отсюда и происходитъ, что женщины или слишкомъ слабы, или слишкомъ притѣснительны и всегда прихотливы и несправедливы.

«Вездѣ долженъ господствовать разумъ: сила только налагаетъ оковы, умъ напротивъ убѣждаетъ; и гораздо лучше управлять людьми посредствомъ мѣръ кроткихъ, отъ которыхъ они мало-по-малу и

непримѣтно теряютъ свою собственную волю и навсегда подчиняются, нежели употреблять суровыя мѣры, которыя только тогда исполняются, пока принуждаетъ къ тому сила. Но все то, что рѣшено послѣ долгаго совѣщанія и что со всѣхъ сторонъ обдумано, должно быть приведено въ дѣйствіе со всею точностію и строптивые строго наказаны. Народы охотнѣе повинуются государямъ твердымъ и постояннымъ, нежели слабымъ и равнодушнымъ. Но, когда всѣ недовольны, не помогутъ ни строгость, ни доброта. Недовольные похожи на свиней: на хрюканье одной сбѣгаются и хрюкаютъ всѣ. Двѣсти лисицъ соединились, чтобы сжечь хлѣбъ Филистимлянъ, но никогда не соединялись даже и двѣ, чтобы стеречь курицу.

«Частое измѣненіе законовъ показываетъ только, что государство больно, а правительство слабо.

«Строгость противъ тѣхъ, которые поставляютъ себѣ въ честь не повиноваться законамъ, есть благодѣяніе для всего народа; а ненаказанность такихъ людей величайшее преступленіе противъ государства. Почти всѣ безпорядки во Франціи происходили отъ излишняго милосердія. Мы всѣ начинаемъ съ величайшимъ ревніемъ и оканчиваемъ съ холодностію; мы утомляемся одинаково и войною и миромъ. Безъ большаго терпѣнія нельзя управлять Французами. Они легкомысленны и непостоянны, а отъ-того у насъ

гораздо болѣе перемѣнъ, нежели у народовъ болѣе степенныхъ.«

Эти отрывки изъ «завѣщанія« Ришелье обнаруживаютъ въ полной мѣрѣ его характеръ и его правила: мы не имѣемъ нужды прибавлять что-либо къ его характеристикѣ. Этотъ человѣкъ остался вѣрнымъ самому-себѣ и на ложѣ смерти. Обратясь къ Лудовику XIII, посѣтившему его за нѣсколько часовъ до его кончины, онъ сказалъ съ спокойствіемъ: «Мнѣ доставляетъ утѣшеніе, государь, что я передаю вамъ королевство въ столь хорошемъ состояніи». Духовникъ убѣждалъ его раскаяться и простить своимъ врагамъ. «Отецъ мой», отвѣчалъ Ришелье, «я никогда не имѣлъ другихъ враговъ, кромѣ враговъ государства.« Эти слова его были послѣдними; онъ умеръ 4-го декабря 1642 года.

Труды кардинала Ришелье не остались тщетными; они приготовили царствованіе Лудовика XIV: они утвердили королевскую власть. Сія послѣдняя относилась къ тремъ предметамъ: 1) земскимъ сословіямъ; 2) къ внутреннему управленію и 3) къ устройству двора.

1) Мы видѣли, какъ Франція была раздѣлена въ политическомъ отношеніи тремя сословіями, какъ эти сословія пользовались законодательною властію и составляли такъ-называемыя собранія земскихъ сосло-

вій. Весьма естественно, что такое состояніе не могло быть продолжительнымъ, и что государство должно было явиться въ совершенномъ единствѣ. Вся послѣдующая исторія, до Лудовика XIV, представляетъ постепенное образованіе королевской власти и ослабленіе могущества сословій. Прежде всего потеряло свою силу и независимость сословіе среднее. Лудовикъ X нанесъ ему ударъ рѣшительный; съ того времени оно почти вовсе не имѣло значенія. Оно засѣдало въ парламентахъ; но кругъ ихъ дѣйствія былъ ограниченъ высшимъ судопроизводствомъ и обнародованіемъ законовъ. Самыя земскія сословія, начиная съ 1614 года не были болѣе созываемы, и когда въ 1626 году кардиналъ Ришелье призвалъ въ Парижъ депутатовъ изъ всей Франціи для разсужденія о дѣлахъ наибольшей важности, то это уже не были земскія сословія, а именитая дума (réunion des notables), куда были приглашены маршалы, государственные совѣтники, архіепископы, епископы, высшее дворянство, президенты парламентовъ, предводитель Парижскаго купечества, однимъ-словомъ всѣ, но только не среднее сословіе.

Вскорѣ за нимъ послѣдовало и духовенство; и оно перестало существовать какъ классъ законодательный и самобытный. Реформація поколебала, а войны лиги совершенно уничтожили его независимость и самостоятельность. Екатерина Медичи ускорила его паденіе, и ея сынъ, стрѣляя изъ окна Луврскаго

дворца въ своихъ собственныхъ подданныхъ гугенотовъ, наносилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и смертельные удары католическимъ епископамъ, которые сами благословляли его на такой подвигъ, обѣщая вѣчное блаженство. Наконецъ, въ царствованіе Генриха IV, они потеряли всю свою прежнюю силу и все прежнее свое вліяніе. Духовенство перестало быть единственнымъ представителемъ наукъ и не приводило болѣе въ удивленіе своею высокою образованностію. Но оно обладало большими богатствами, которыми наградили его набожные люди среднихъ вѣковъ, и многими привиллегіями, постепенно пріобрѣтенными. Вмѣстѣ съ Генрихомъ IV раздача всѣхъ сихъ бенефицій перешла окончательно въ руки короля, а съ тѣмъ вмѣстѣ и совершенная зависимость духовенства отъ королевской власти. Короли Французскіе всѣмъ располагали и весьма часто назначали пенсіи изъ епископствъ и аббатствъ людямъ свѣтскимъ и вовсе не принадлежащимъ къ духовному званію. Дворянскія фамиліи воспользовались этимъ и смотрѣли на церковныя мѣста, какъ на собственность; младшія дѣти посвящаемы были въ духовное званіе и тотчасъ дѣлались епископами. Въ весьма короткое время все высшее духовенство состояло изъ аристократіи. Въ слѣдствіе связей съ родственниками, занимавшими государственныя должности, и придворной жизни, явилось мало-по-малу новое духовенство, коего члены были людьми весьма образованными, тонкими и любезными, но совершенно несвѣдущими въ теологіи и большею частію не забо-

тившимися о своихъ обязанностяхъ. Они были при дворѣ и принимали самое живое участіе во всемъ, что тамъ происходило, но только не въ религіи, къ которой они были совершенно равнодушны, точно-такъ, какъ и къ самому папѣ. Не смотря однако на то, Лудовикъ XIV никогда не передавалъ духовнымъ лицамъ управленія государственными дѣлами, и послѣ Мазарина не было ни однаго епископа въ его совѣтѣ.

Долѣе всѣхъ сохранилось дворянство, но и оно пало во время фронды. Это сословіе, стремившееся въ Феодальное время къ независимости самодержавной, королевской, и, во время земскихъ сословій, къ полной самостоятельности и къ власти законодательной, боролось теперь за преимущество управлять Франціею, въ званіи министровъ. Война фронды — послѣднее покушеніе аристократіи противъ королевской власти. Напряженіе ея было такъ велико, что она разстроила душевныя силы. Аристократія пала.

Эти дворяне уже вовсе не были похожи на тѣхъ Феодальныхъ бароновъ, которые свободно повелѣвали своими вассалами, вели между собою войны и заключали мирныя условія, какъ самодержавные владѣтели. Съ тѣхъ-поръ, какъ пали ихъ замки, съ тѣхъ-поръ, какъ законъ началъ имѣть столько силы, что могъ наказывать притѣсненія и несправедливости, вельможи должны были повиноваться, и сдѣлались

одданными, подобно остальному классу народа. Они ставили свои уединенныя жилища и поселились въ арижѣ, чтобъ имѣть честь служить при дворѣ, гдѣ ни облечены были всѣми званіями. Сей новый обзъ жизни требовалъ блеска и пышности, что было ричиною совершеннаго разстройства состоянія вельожъ и сдѣлало ихъ наконецъ тягостными при Лудовикѣ XV и XVI.

Таковъ былъ переворотъ, утвердившій королевую власть и сдѣлавшій изъ Франціи государство въ лномъ значеніи сего слова. Всѣ разнородныя части лотились въ одно цѣлое; враждующіе классы потели свою силу; земскія сословія были оставлены; рламентъ въ повиновеніи, и наконецъ вельможи и сшее духовенство обратились ко двору. Все сосреточилось въ Лудовикѣ XIV, который и могъ сказать раведливо: « Я государство. »

2.) Внутреннее управленіе соотвѣтствовало совершнно своему предназначенію: оно представляло изъ я централизацію, соединившую государство въ ю цѣлое. Эта централизація простиралась:

а) На войско, какъ на подпору трона. Войско менъ новѣйшихъ совершенно отличается отъ вой- временъ среднихъ. Прежде всякій ленный владель собиралъ своихъ вассаловъ при начатіи войны аспускалъ ихъ по окончаніи ея. Въ XVII столѣ-

тіи, напротивъ, образовалось войско, отдѣленное от народа, всегда вооруженное и повинующееся одно мысли. Если заслуга Лудовика XIV въ государствен номъ отношеніи состояла въ уничтоженіи всѣхъ осо бенностей и индивидуальности, то ему же принадл житъ честь учрежденія войска, которое является ка одно понятіе, имѣющее свои части, свои ученія и сво секты. Мундиръ доставилъ войску совершенное одн образіе и во внѣшнемъ видѣ; вооруженіе, содержан и искуство предводительствовать пріобрѣли опред ленность и сдѣлались наукою. Право рекрутска набора, принадлежавшее областнымъ правителям перешло равномѣрно въ собственное вѣдѣніе корол Чины, награды и отличія раздавались только одним имъ, точно такъ, какъ въ немъ же сосредоточив лась вся военная честь и слава. Учрежденіе орд новъ придало войску новый блескъ, а инвалидны домы спокойствіе и прибѣжище въ старости и въ б лѣзни.

Ь) На собственное внутреннее управленіе. В этомъ отношеніи Лудовикъ XIV нашелъ въ Сюлл Ришелье и Мазарини достойныхъ предшественников приготовившихъ ему великое, цѣлое централизаці Его важнѣйшая заслуга состоитъ въ томъ, что он съ необыкновеннымъ искуствомъ успѣлъ воспольз ваться ихъ дѣлами и усиліями и привести все это полную систему, что онъ обладалъ твердостію, кот рая дала жизнь и душу новому созданію, и что

конецъ блескъ его царствованія пріобрѣлъ ему не только привязанность, но и восторгъ Французовъ. Но въ двухъ отношеніяхъ онъ является основателемъ: въ учрежденіи полиціи и въ устройствѣ финансовъ. Эти два предмета принадлежатъ собственно его правленію.

Есть періоды, въ которыхъ раждаются новыя правительственныя мѣры, чрезъ соединеніе двухъ, прежде-совершенно противоположныхъ сторонъ въ одно цѣлое. Сначала эти мѣры бываютъ странны и нѣсколько стѣснительны, но потомъ такъ совпадаютъ ъ самою идеею государства, что онѣ служатъ даже я выраженіемъ. Таковы были въ средніе вѣки ры-арскіе ордена, соединявшіе въ себѣ званіе воинское ъ монашескимъ, мечь съ крестомъ, храбрость съ мо-итвою. Въ феодальное время, они служили къ сохра-енію спокойствія и правосудія. Подобное же двой-твенное учрежденіе была полиція, явившаяся въ цар-твованіе Лудовика XIV и имъ самимъ основанная. то новое созданіе соединяетъ въ себѣ судью и воина, равосудіе перваго, скорость и дѣятельность втора-). Когда государство освободилось отъ всѣхъ ча-тностей, то рѣшеніе многихъ дѣлъ не могло быть ередаваемо обыкновенному суду, всегда медленному о самому характеру своему, точно такъ, какъ и вой-ко не могло входить въ самые мелкіе раздоры и езпорядки. Это надобно было предоставить людямъ, оторые по внѣшнему виду, по быстротѣ и дисци-линѣ представляли бы силу военную, а по образу

дѣйствія принадлежали бы юстиціи. Весьма натурально, что подобное учрежденіе было первоначально тягостно и утомительно, но мало-по-малу начали къ нему привыкать и болѣе съ нимъ знакомиться; а когда увидѣли, что полиція ограждаетъ удовольствія богатыхъ и заботится о здоровьи и неприкосновенности бѣдныхъ, то съ нею совершенно сроднились и смотрѣли на нее какъ на необходимое условіе правительства. Посредствомъ этаго, государство пріобрѣло сознаніе, котораго оно до того вовсе не имѣло; оно пріобрѣло глазъ, который проникалъ въ самыя сокровенныя части. Это изобрѣтеніе д'Аржансона болѣе и болѣе совершенствовалось, и перешло изъ Франціи во всѣ государства Европы.

Кромѣ полиціи особенное заслуживаютъ вниманіе финансы; и въ этомъ отношеніи правленіе Людовика XIV чрезвычайно-важно. Подъ словомъ «финансы» разумѣется сосредоточеніе необходимыхъ средствъ и попеченіе объ ихъ сохранности и употребленіи. По этому сюда принадлежитъ все, что поддерживаетъ матеріальную жизнь государства, какъ-то: торговля и промыслы, фабрики и мануфактуры; сюда же относятся подати, налоги, пошлины, акцизы и все, что соединено съ ними. Средніе вѣки не могли имѣть ничего подобнаго, потому-что государство не было разсматриваемо какъ мысль и не пришло еще въ самосознаніе. Притомъ средніе вѣки суть вѣки частностей и особенностей, а отъ того и финансовое устройство вовсе

не имѣло единства, было болѣе случайностію, нежели наукою, и не распространялось на всѣхъ людей и всѣ предметы. Такъ-какъ королевство сдѣлалось духовнымъ соединеніемъ всѣхъ частей одной страны, то и было необходимо, чтобы всѣ сіи части способствовали къ его существованію и приносили ему свою дань, что и выражается податями и налогами. Послѣ сего будетъ уже понятно, почему финансовое искусство только въ XVII столѣтіи начало вполнѣ развиваться и почему оно пріобрѣло такую необыкновенную важность въ новѣйшихъ государствахъ. Начиная съ Кольбера, всѣ смотрѣли на торговлю, какъ на волшебство, доставляющее неисчерпаемыя средства. Съ нимъ присоединились и промыслы, на которые тоже обращено было вниманіе только въ отношеніи налоговъ, но которые въ скоромъ времени достигнули высокой степени совершенства. Тогда установилось различіе между ремесломъ и искуствомъ: различіе, прежде несуществовавшее и доставившее славу изобрѣтательности и вкусу. Въ послѣднемъ отношеніи ни одна страна не могла и не можетъ сравниться съ Франціею. Труды Кольбера увѣнчались полнымъ успѣхомъ; множество фабрикъ приготовляли самыя лучшія произведенія; Фламандцы и Итальянцы поселились въ сей странѣ, принеся въ нее свое трудолюбіе и свое искуство; но это были только одни начатки: ими воспользовались Французы съ своею природною легкостію, быстротою и геніальностію, и довели ихъ до образцоваго совершенства.

Предначертанія Кольбера въ полной мѣрѣ исполнились: чрезъ увеличившуюся торговлю возрасли общественные доходы; народонаселеніе умножалось, не смотря на войны, и Франція въ состояніи была удовлетворить пышности своего государя, превосходящей всякое описаніе.

3.) Перейдемъ, наконецъ, къ устройству самаго двора. И здѣсь мы найдемъ одинъ духъ, одну цѣль, одно направленіе. Если въ лицѣ Лудовика XIV сосредоточилось все государство, то и все, что было знатнаго и богатаго, все, что гордилось древностію своего рода и своимъ положеніемъ, все равномѣрно сосредоточилось въ его дворѣ для его собственной прислуги. Пока королевская власть не имѣла еще сего значенія, пока король не былъ олицетвореніемъ всего королевства и раздѣлялъ свою власть съ земскими сословіями и парламентами, аристократіею и духовенствомъ, онъ и жилъ въ Луврѣ, Тюльйери, Пале-Руайалѣ; онъ жилъ, однимъ словомъ, въ Парижѣ, столицѣ Франціи, среди всѣхъ тѣхъ, которые составляли Францію. Но когда королевская власть достигла того высокаго значенія, въ которомъ мы ее теперь находимъ, то и король удалился изъ Парижа. Онъ требовалъ мѣстопребыванія отдѣльнаго и отъ всѣхъ удаленнаго; онъ не соединялся ни съ кѣмъ и самымъ мѣстомъ жительства; онъ былъ внѣ всего и выше всего.

Тотчасъ по вступленіи въ управленіе, послѣ мерти кардинала Мазарина, Лудовикъ XIV оставилъ арижъ и поселился въ Сенъ-Жерменѣ. Это уединенэе мѣсто вдругъ оживилось какъ бы волшебствомъ сдѣлалось собраніемъ самаго блестящаго общества. ь скоромъ времени Сенъ-Жерменскій замокъ, котоый былъ такъ великъ для двора прежнихъ королей, дѣлался тѣснымъ для Лудовика XIV, и онъ принуденъ былъ искать другаго мѣста. Вотъ причина остройки Версаля. Тамъ Лудовикъ XIV могъ явитьи во всемъ своемъ блескѣ и величіи; его взоръ останаливался съ самодовольствіемъ на этомъ великолѣпомъ зданіи, вмѣщавшемъ въ себѣ всю Францію, и ыражавшемъ въ полной мѣрѣ новое преобразованіе оролевства.

Но только такое зданіе и могло достойнымъ бразомъ принять въ себя человѣка, подобнаго удовику XIV, который обладалъ, кромѣ качествъ ушевныхъ, и всѣми внѣшними преимуществами, оимъ удивлялись его современники. Онъ имѣлъ преасный ростъ, благородныя черты лица, важную оступь и взоръ столь величественный, что требовалось всего присутствія духа, чтобы не смутиться, оворя съ нимъ во время торжественныхъ аудіенцій. се, даже до малѣйшаго движенія, до малѣйшаго лова, въ немъ было благородно, пристойно и приомъ естественно и ни сколько непринужденно. Онъ бладалъ въ высочайшей степени искуствомъ награ-

ждать и наказывать: его взоръ, его улыбка, движе-
ніе руки его счастливили придворныхъ.

Дворъ Лудовика XIV уже вовсе не былъ по-
хожъ на дворъ прежнихъ королей и даже его мате-
ри, королевы Анны; все было подчинено самом
строгому и самому утонченному этикету. Лицо коро-
ля было священно, его жилище недоступно; никт
не могъ его видѣть, никто не могъ съ нимъ гово-
рить безъ особеннаго позволенія. Находиться при е
особѣ считалось величайшимъ отличіемъ, и тольк
принцамъ крови и важнѣйшимъ государственным
сановникамъ предоставлено было право присутство-
вать при его пробужденіи и участвовать въ его одѣ-
ваніи. Самъ великій Конде, увѣнчанный лаврами
посѣдѣвшій въ побѣдахъ, почелъ себя въ высочайше
степени оскорбленнымъ и требовалъ примѣрнаго на-
казанія, когда одинъ молодой Швейцарецъ взялъ, п
неопытности, изъ его рукъ двѣ свѣчи и понесъ ихъ
предъ королемъ. Это право имѣлъ только онъ одинъ.
Всѣ министры занимались съ Лудовикомъ стоя,
когда Шамильяръ (Chamillart) не могъ однажды го-
ворить отъ слабости, то ему позволено было вый-
ти, но не предложено сѣсть.

Такой этикетъ былъ неизвѣстенъ при Аннѣ. В
то время, нѣкто Кастильйонъ увезъ дѣвицу Бутвил
(M-lle de Bouteville), впрочемъ, съ ея собственнаг
согласія, но только противъ воли родителей. Мат

этой дѣвицы пріѣхала во дворецъ въ полночь, проникла въ самую спальню королевы, разбудила ее и жаловалась на похищеніе, прося защиты и наказанія. Королева выслушала ее хладнокровно и совѣтовала успокоиться. Герцогъ Бофоръ простиралъ свою дерзость до того, что часто отворачивался отъ королевы, когда она подходила къ нему и начинала съ нимъ говорить; а однажды, узнавъ, что королева находилась въ ваннѣ, онъ вошелъ, оставался тамъ долгое время, не смотря на всѣ требованія и угрозы.

(До слѣдующаго №.)

МОНАДЫ И НОМАДЫ *.

«Всѣ существа,» началъ Кандидатъ, «имѣютъ во глубинѣ своего основанія, въ субстанціи своей, простую единицу, душу... однимъ словомъ, монаду.»

«Что такое?» спросила Гофмаршальша и подняла глаза.

«Монаду, или простую, несложную единицу,» продолжалъ Кандидатъ.» Монады однородны по субстанціи, но существенно различаются между собой свойствами, величиной и силой. Есть монады наро-

* Продолженіе романа Фредерики Бремеръ: *«Семейство, или домашнія радости и огорченія.»* (Соврем. Т. XXVIII, стран. 1, третьей нумераціи). Для новыхъ подписчиковъ на Современникъ, въ Редакціи его, заготовлены особые оттиски первыхъ Главъ романа, которые безденежно высылаются по требованіямъ желающихъ получить ихъ.

овъ, монады людей, монады животныхъ, монады астеній, однимъ словомъ: міръ наполненъ монадами, онѣ составляютъ міръ...»

«Любезнѣйшій, я ни слова не понимаю изо всего гаго!» воскликнула Гофмаршальша съ неудовольгвіемъ. «Что это значитъ? Что за монады... ими наолненъ свѣтъ? Я не вижу никакихъ монадъ.»

«Однако вы видите меня, милостивая государыя, и вы, вы сами, также монада.»

«Я монада?»

«Конечно! точно такъ, какъ и всѣ живыя вари...»

«Такъ я же вамъ скажу, любезнѣйшій, что я ни онада, ни тварь, а человѣкъ — правда, грѣшный еловѣкъ, но котораго Богъ создалъ по образу и по одобію своему.»

«Я въ томъ совершенно согласенъ съ вами и не грицаю существованія высшей монады, отъ которой сѣ другія монады исходятъ...»

«Что вы это? По-вашему и Господь Богъ также онада?»

«Его можно назвать такъ — чтобы сохранить единство и въ наименованіи. Впрочемъ я полагаю, что монады были отъ-вѣка одарены самостоятельной силой, посредствомъ которой онѣ принимаютъ вещественную оболочку, т. е. воплощаются, живутъ, дѣйствуютъ, даже умираютъ, т е. перемѣняются изъ одной оболочки или изъ одпаго тѣла въ другое, безъ непосредственнаго вліянія высшей монады. Монады находятся въ безпрестанномъ движеніи, въ безпрестанномъ странствованіи; онѣ группируются и располагаются по собственной своей силѣ и породѣ. Кто смотритъ на міръ съ этой точки, тому онъ представляется въ самомъ свѣтломъ и стройномъ видѣ. Во всѣхъ сферахъ жизни, монады высшаго разряда окружаютъ себя низшими въ видѣ органовъ или членовъ. Такъ образуются народы, государства, науки, искуства; такъ каждый человѣкъ создаетъ себѣ свой міръ и царствуетъ въ немъ сообразно своимъ силамъ , потому-что человѣкъ руководствуется не свободнымъ выборомъ , какъ онъ обыкновенно воображаетъ, а своей монадой, которая даетъ ему средства и направленіе къ. - - .»

«Я этому не вѣрю,» возразила Гофмаршальша рѣшительнымъ тономъ, «потому-что если бы моя душа или монада руководствовала мною по своему произволу, то она бы вовлекла меня въ тяжкія прегрѣшенія; и если бы Господь Богъ не смирилъ ея и благодатію Своею не обратилъ на путь истины, то—

сдѣлайте милость, не трогайте моей ваты!—то, могу увѣрить васъ, моя номадная душа пропала бы навѣки.

«Сохрани меня Боже, сударыня, чтобы я отвергалъ влiянiе высшей монады, напротивъ того я его допускаю; допускаю и то, что именно отъ этаго влiянiя на вашу монаду...»

«А я», возразила опять Гофмаршальша съ жаромъ, «положительно утверждаю, что свѣтъ перевернется вверхъ дномъ, если вы вздумаете ввести номадное управленiе на-мѣсто Господняго. Что мнѣ за прибыль знать, какъ ваши номады...»

«Монады», поправилъ Кандидатъ.

«Какъ ваши монады», продолжала съ сердцемъ Гофмаршальша», «быстро движутся и мудрено группируются? Что мнѣ отъ нихъ въ часы искушенiй и бѣдствiй? Мнѣ кажется, что гораздо лучше и благоразумнѣе думать, какъ я думаю и утверждаю, что нами управляетъ и руководствуетъ высшее Провидѣнiе по законамъ Своей мудрости и благости, нежели полагать, что толпа номадъ...»

«Монадъ, монадъ!» закричалъ Кандидатъ.

«Монадъ или номадъ,» отвѣчала задыхаясь Гуипилла,» это все равно! Оставьте въ покоѣ мою вату она мнѣ самой нужна. Какъ бы ни превосходны и ни сильны были ваши номады, какъ бы онѣ ни управляли собой, какъ бы ни жили и ни умирали по законамъ своей собственной мудрости, я не вижу, чтобъ это на одинъ волосъ способствовало къ улучшенію міра, или чтобы онъ черезъ то выигралъ въ глазахъ нашихъ. Напротивъ того: отъ чего свѣтъ такъ порочень? Отъ того, что на свѣтѣ есть много такихъ господчиковъ, какъ вы, которые считаютъ себя всесильными монадами, слишкомъ полагаются на свои собственныя силы и не хотятъ знать, что всѣ они жалкіе грѣшники, которымъ бы только молить Господа Бога о вразумленіи ихъ жалкихъ номадныхъ душонокъ, чтобы имъ быть немножко потолковѣе ихъ. Но именно этакимъ-то номаднымъ идеямъ мы и обязаны всѣми проказами, бунтами и разбитыми окнами. Если бы они были поменьше номадами, а побольше разумными людьми, то на свѣтѣ спокойнѣе было бы жить.»

Кандидатъ совершенно остолбенѣлъ. Никогда еще онъ не слышалъ разсужденій въ такомъ родѣ. Онъ смотрѣлъ на Гофмаршальшу, разинувъ ротъ, а Пиррусъ, между-тѣмъ, настроенный сердитымъ тономъ своей госпожи, вспрыгнулъ на столъ и началъ лаять на Кандидата. Элиза не могла скрывать долѣе веселости, которую возбудилъ въ ней этотъ споръ, и расхохоталась вмѣстѣ съ Кандидатомъ; но у Гофмар-

шальши лице еще не прояснилось, и Кандидатъ неустрашимо продолжалъ.

«Помилуйте, сударыня: какъ же вы не хотите понять меня? Мы вѣдь говоримъ только объ особомъ способѣ воззрѣнія на міръ, способѣ, которымъ удовлетворительно объясняются чудеса его. Монадологія, если только ее понимать, какъ слѣдуетъ, не противорѣчитъ Христіанской религіи, какъ я вамъ сейчасъ докажу. Объективное откровеніе показываетъ намъ именно субъективно-объективное и объективно-субъективное, которое . . . . . »

«Полно дичь-то пороть!» сказала Гофмаршальша, закинувъ назадъ голову; «меня не переучите. По-мнѣ пожалуй, пусть хоть и будутъ номады, но человѣка я зову человѣкомъ, кошку кошкой, а цвѣтокъ цвѣткомъ; а Господь Богъ для меня всегда будетъ Господь Богъ, а не номада.

»Монада, монада!» кричалъ Кандидатъ съ какимъ-то комическимъ отчаяніемъ.» Что же касается собственно до этаго слова, то философія, наравнѣ съ другими науками, имѣетъ право усвоивать себѣ извѣстныя слова для означенія извѣстныхъ понятій!»

Между-тѣмъ въ дверяхъ гостиной дѣти уже нѣсколько времени производили разныя подозрительныя движенія. Они стали приближаться и наконецъ

зашли Кандидату въ тылъ, прося мать разными таинственными минами и знаками, чтобы она показывала видъ, будто ничего не замѣчаетъ. Петрея и Фанни шли впереди на цыпочкахъ и несли вдвоемъ огромную свинцовую для шитья подушку, вѣсившую по крайней мѣрѣ пять фунтовъ. Кандидатъ въ это время стоялъ, и въ самую ту минуту, когда онъ съ жаромъ защищалъ права философіи, подушка вдругъ погрузилась въ задній карманъ его фрака. Во всемъ тѣлѣ Кандидата произошло сотрясеніе, и онъ погнулся назадъ; фракъ его совершенно скривился. Оконечности рта судорожно приподнялись; и онъ, продолжая свою рѣчь, какъ будто заикался. Маленькіе заговорщики ожидали ужаснаго взрыва отъ подкопа, столь ловко ими устроеннаго, и потому поспѣшно удалились, но, о чудо! Кандидатъ стоялъ совершенно спокойно и, казалось, вовсе не замѣтилъ того, что произошло съ его карманомъ. Между-тѣмъ онъ втайнѣ чувствовалъ такую сильную охоту смѣяться, что поскорѣе началъ расказывать анекдотъ, который доставилъ ему случай расхохотаться. Номады ли Гофмаршальши разстроили его систему, или маленькая толпа номадовъ, которая овладѣла его карманами—только онъ во весь вечеръ не касался болѣе этаго предмета и повидимому всячески старался веселымъ разговоромъ развлечь фру Гуниллу. Въ самомъ-дѣлѣ, онъ совершенно въ томъ успѣлъ; въ его обращеніи съ нею было такъ много непринужденной любезности, что Элиза начала раздумывать, не обладаетъ ли она дѣйствительно луч-

имъ и счастливѣйшимъ способомъ вести ученый азговоръ.

Между-тѣмъ дѣти подстерегали малѣйшія двиенія Кандидата.» Вотъ, вотъ! какъ станетъ ходить, ікъ и почувствуетъ свинецъ въ карманѣ! Онъ скоро ойдетъ за книгой. Вотъ онъ идетъ! Ахъ!» Кандитъ дѣйствительно отправился въ свою комнату за ингой и съ стоическимъ спокойствіемъ и безобраз-кривыми фалдами промаршировалъ мимо изумленй толпы малютокъ и вышелъ въ сѣни.

Когда онъ воротился, фракъ его сидѣлъ прямо; душки явно уже не было въ карманѣ. Удивленіе лютокъ достигло высшей степени, и догадкамъ не іло конца. Пчелка полагала, что въ карманѣ Кандата была дыра, и что подушка вывалилась на стницѣ. Маленькая Петрея, которая была зачинщий проказы, очень начала безпокоиться объ участи инцовой подушки. Невиннымъ малюткамъ совсѣмъ не приходило на мысль, что Кандидатъ притвоился, чтобы предназначенный ему испугъ обратить нихъ самихъ.

»Какимъ образомъ познакомились вы съ Гофэршальшей?» спросила Элиза, когда та ушла.

Кандидатъ отвѣчалъ:» Когда я, года два тому адъ, посѣщалъ *** университетъ, я нанялъ комнат-

ку на чердакѣ въ томъ домѣ, гдѣ жила Гофмаршальша. Доходы мои тогда были очень плохи, и я бралъ кушанье, какое отпускалось на домъ по самой дешевой цѣнѣ; но оно было такъ худо, что я часто отсылалъ его почти нетронутое, и потомъ отправлялся гулять, чтобы какъ-нибудь забыть голодъ. Такъ я прожилъ нѣсколько времени и между-тѣмъ ужасно исхудалъ, какъ вдругъ Гофмаршальша, которой я лично совсѣмъ не зналъ, черезъ свою ключницу предложила кормить меня по той же цѣнѣ, какую я до тѣхъ поръ платилъ за столъ свой. Я былъ столько же удивленъ, сколько обрадованъ этимъ предложеніемъ, и принялъ его съ благодарностію. Скоро я увидѣлъ, что Гофмаршальша искала только случая непремѣнно благодѣтельствовать мнѣ такъ, чтобы мнѣ не нужно было благодарить ее; и съ тѣхъ поръ я жилъ въ настоящемъ изобиліи. Но добродушіе ея этимъ не удовольствовалось. Въ одну очень холодную зиму, когда я бѣгалъ по улицамъ въ тоненькомъ сертукѣ, мнѣ вдругъ приносятъ неожиданно совсѣмъ готовую прекрасную шубу; откуда? вотъ чего я долго не могъ добиться; наконецъ случай навелъ меня на слѣды и указалъ Гофмаршальшу. Чтожъ, вы думаете, она приняла мою благодарность? Она не только ея не приняла, но еще не на-шутку разсердилась и разбранила меня, когда я хотѣлъ изъявить ей благодарность, которую такъ живо чувствовалъ и всегда чувствовать буду.

На глазахъ Кандидата навернулись слезы. Элиза и Эрнстъ слушали его съ видимымъ наслажденіемъ.

«Это доказываетъ,» сказалъ Лагманъ, » какъ на землѣ много добра, хотя при поверхностномъ взглядѣ и можно въ томъ сомнѣваться Зло обыкновенно производитъ шумъ, отъ того оно и отдается со всѣхъ сторонъ, о немъ толкуютъ и въ газетахъ и въ гостиныхъ; но добро — подобно солнцу — обходитъ міръ безмолвно.

НЕПРІЯТНЫЯ ВѢСТИ.

Маленькая «стычка» (такъ фру Гунилла называла всякій маленькій споръ), которая произошла между нею и Кандидатомъ на счетъ монадъ и номадъ, не только не была имъ непріятна, но, казалось, даже пріохотила ихъ къ подобнымъ спорамъ, и такъ-какъ Элиза, которая не любила сидѣть по-вечерамъ одна съ Кандидатомъ, часто приглашала фру Гуниллу на чай, то и эти пренія повторялись довольно часто. Иногда и Ассесоръ присоединялся къ нимъ, и тогда завязывался споръ не на-шутку. Кандидатъ выходилъ изъ себя, кричалъ и горячился: но такъ какъ онъ былъ одинъ противъ двоихъ, то обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что онъ по-неволѣ сдавался; Гофмаршальша и Ассесоръ, которые наединѣ были всегда различнаго мнѣнія, на Якоби нападали общими силами, не

смотря на то, что онъ часто былъ правъ и выносилъ свое пораженіе съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Можетъ быть, онъ бы наконецъ, какъ онъ самъ увѣрялъ, потерялъ голосъ и обезсилѣлъ въ этой неровной борьбѣ, если бъ онъ не поспѣшилъ оставить поле сраженія. Кандидатъ вдругъ почти совершенно исчезъ изъ маленькихъ вечернихъ собраній. «Куда-то дѣвался нашъ Кандидатъ?» спрашивала иногда фру Гунилла; я бы желала знать, не отправилась ли его монада или номада съ нимъ въ царство номадовъ? Хе, хе, хе, хе!»

Лагманъ и Элиза начали также поговаривать съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: «куда-то дѣвался нашъ Кандидатъ?»

Нашъ Кандидатъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые легко наживаютъ множество легкомысленныхъ друзей. Его веселый, открытый характеръ, дарованія и обходительность заставляли любить его и искать его общества, особенно въ небольшихъ кругахъ. Такимъ образомъ, онъ теперь, какъ и прежде во время студенческой жизни, увлеченъ былъ въ общество разгульныхъ товарищей, не слишкомъ строгихъ въ выборѣ удовольствій; они высоко оцѣнили таланты и веселый нравъ Кандидата. Частію по легкомыслію онъ согласился участвовать въ разныхъ проказахъ, которыя, отъ вліянія двухъ или трехъ членовъ клуба, приняли мало-по-малу предосудительный характеръ,

и нашъ Кандидатъ, самъ того не зная, болѣе и болѣе вдавался въ гулливую жизнь, которая очень вредила его дѣламъ. По вечерамъ онъ поздно приходилъ домой, по-утрамъ вставалъ поздно съ тяжелой головою и безъ охоты къ занятіямъ.

Скоро нашлись добрые пріятели, которые поспѣшили извѣстить о томъ Лагмана. Его это разсердило, а Элизу истинно опечалило: она начинала любить Якоби и ждала отъ него много пользы для дѣтей.

«Эго не можетъ такъ остаться», ворчалъ Лагманъ,» и я, во что бы то ни стало, скоро положу конецъ этому. Славныя продѣлки, нечего сказать! Я ему скажу, что если онъ... но, душа моя, ты также немного виновата. Ты должна была болѣе заниматься имъ, а твое обхожденіе съ нимъ такъ спѣсиво и холодно! И что ему за удовольствіе сидѣть по-вечерамъ дома! Споры съ Гофмаршальшей и Мунтеромъ не могутъ особенно нравиться ему, тѣмъ болѣе, что онъ всегда принужденъ уступать. Гораздо лучше и пріятнѣе было бы для него, если бы ты заставляла его читать тебѣ вслухъ—пожалуй хоть романы, или что-нибудь другое! Ты должна была поощрять его талантъ къ музыкѣ; это было бы пріятно и для тебя самой; иногда бы и пофилософствовала съ нимъ, вмѣсто того, чтобы спорить о вещахъ, которыхъ ни ты ни онъ не понимаете. Если бы ты дѣлала это с

самаго начала, то изъ него никогда бы не вышло такаго повѣсы, какъ теперь. Теперь надобно будетъ шумѣть, чтобы сохранить въ домѣ порядокъ и благочиніе. Я не позволю такаго образа жизни, и завтра же поговорю съ нимъ о томъ. Я его такъ отдѣлаю, что онъ у меня будетъ помнить.»

«Ради Бога, не будь слишкомъ строгъ, «сказала Элиза»; «Якоби добръ, и я увѣрена, что кротость и снисходительность подѣйствуютъ на него болѣе, нежели излишняя строгость.»

Лагманъ не отвѣчалъ ни слова, но пыхтѣлъ и продолжалъ угрюмо ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Сказать ли вамъ новость о вашемъ сосѣдѣ, сочинителѣ пасквилей?» сказалъ Ассесоръ Мунтеръ, входя въ комнату съ растроеннымъ лицемъ. Онъ при смерти боленъ, въ сильнѣйшей чахоткѣ; теперь ему ужъ больше не писать пасквилей!»

«Кто смотритъ за его малюткой?» спросила Элиза; «я вижу иногда, какъ она, будто дикая кошка, бѣгаетъ къ воротамъ и на улицу.»

«Да, за нею славно смотрятъ!» заревѣлъ Ассесоръ. «Тамъ есть въ домѣ женщина, я говорю женщина, хотя бы ее справедливѣе было назы-

вать животнымъ или скорѣе дьяволомъ, которая дол-
жна завѣдывать хозяйствомъ, но которая обкрады-
ваетъ и своего господина, и губитъ его ребенка. Повѣ-
рите ли вы, что она съ двумя взрослыми сыновьями
забавляется тѣмъ, что пугаетъ дѣвочку; они въ-су-
мерки наряжаются въ уродливыя платья и играютъ
роль привидѣній. Удивительно будетъ, если она не
сойдетъ съ ума.»

«Безсовѣстные», вскричалъ Лагманъ въ гнѣвѣ
негодованіи.» Господи, сколько разврата, сколько
преступленій, которыхъ рука закона никогда не ко-
снется! А отецъ, отецъ этой дѣвочки, какъ онъ мо-
жетъ терпѣть, чтобы съ нею такъ поступали?»

«Имъ совершенно владѣетъ эта тварь, ключница.
Да къ-тому же онъ теперь лежитъ въ постелѣ
вовсе не знаетъ, что дѣлается въ домѣ.»

«А ежели онъ умретъ—есть ли кто-нибудь, кто
бы принялъ участіе въ дѣвочкѣ? Есть ли у нея род-
ственники, друзья?»

«Никого нѣтъ! Я ужъ объ этомъ освѣдомлялся.
Птичка лѣсная не такъ безпріютна, какъ этотъ ре-
бенокъ. Притомъ, кажется, въ домѣ крайняя бѣд-
ность, а когда и случатся кой-какія крохи, то ихъ
прибираетъ къ рукамъ животное, ключница.»

«Что же дѣлать?» спросилъ Лагманъ съ видимымъ безпокойствомъ. «Не знаешь ли ты, Мунтеръ, какъ бы помочь бѣдѣ?»

«Теперь это невозможно; до времени надобно все предоставить обстоятельствамъ. Я бы никому не совѣтовалъ соваться туда теперь, потому-что отецъ во власти ключницы, а она во власти дьявола; онъ хочетъ, чтобы дѣвочка весь день оставалась при немъ и даетъ ей полную волю. Но этому адскому житью вѣроятно будетъ скоро конецъ. Черезъ мѣсяцъ, его, можетъ быть, не станетъ—и Тотъ, Кто замѣчаетъ даже паденье воробья, призритъ конечно и бѣдную сироту. Теперь никто не можетъ освободить ее отъ этихъ чудовищъ. За-тѣмъ добрый вечеръ! Я долженъ былъ придти и расказать вамъ все, потому-что это тяготило мое сердце; да притомъ ужъ человѣкъ такъ созданъ, что любитъ сваливать свою ношу на другихъ, чтобы самому было легче. Прощайте!»

Лагманъ во весь этотъ вечеръ былъ очень разстроенъ. Слышанный имъ расказъ навѣялъ ему грусть на душу. «По странному опредѣленію судьбы, сказалъ онъ,» я часто сталкивался съ господиномъ N. на пути жизни. У него хорошія способности, но нравственность его никуда не годится; и потому я въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ мѣшать его предпріятіямъ по службѣ, слѣдовательно и его счастію. Естественно, что онъ сдѣлался моимъ врагомъ, но я

на то не обращалъ вниманія. Теперь я намѣренъ... Несчастный въ такомъ горестномъ положеніи! А ребенокъ, бѣдный, бѣдный ребенокъ! Стрёмъ! дома ли Кандидатъ? Нѣтъ? а уже одиннадцатый часъ въ исходѣ! Вотъ я его!.. Завтра онъ узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

ПОРУЧЕНІЯ.

Когда Лагманъ на другое утро поднялъ штору, солнце—столь величественное въ своемъ безмолвіи и лучезарномъ блескѣ—вдругъ освѣтило комнату. Его лучи проникли прямо въ сердцѣ Лагмана.

«Другъ мой!» сказалъ онъ женѣ, когда она проснулась, »у меня сегодня много дѣла. Не лучше ли *тебѣ* поговорить съ Якоби и пожурить его? Въ такихъ случаяхъ женщины часто дѣйствуютъ на мущинъ лучше самихъ мущинъ. Притомъ же то, что можно согнуть, не надобно ломать, и однимъ словомъ, я думаю, что ты устроишь это дѣло лучше меня. Нынче такой прекрасный день! Не расположена ли ты прогуляться съ дѣтьми за городъ? Это было бы хорошо и для тебя и для нихъ, а на до-

рогѣ ты бы такъ легко могла найти случай приступить къ объясненію. Когда же это не поможетъ, то я... Но я не желалъ бы ссориться съ нимъ; и безъ того довольно непріятностей въ жизни!»

Не однаго Лагмана утреннее солнце заставило подумать о прогулкѣ. Кандидатъ, дня два тому назадъ, обѣщалъ дѣтямъ когда-нибудь, въ самую ясную погоду, свести ихъ въ рощу, гдѣ много орѣховыхъ деревьевъ и гдѣ имъ можно будетъ нарвать себѣ орѣховъ въ-волю. У дѣтей непостижимая память на такія обѣщанія, и малютки Франкъ въ тотъ день увѣряли, что ужъ лучшей погоды не возможно дождаться для прогулки. Когда же они узнали, что Кандидатъ и родители соглашаются съ ихъ желаніемъ, то радость ихъ превратилась въ настоящій восторгъ. Бригитта не могла сладить съ Фанни и Петреей; когда она ихъ одѣвала, онѣ такъ и прыгали подъ руками ея.

Тотчасъ послѣ обѣда пустились въ походъ. Впереди шли Генрихъ и пчелка, а за ними Петрея между Фанни и Леонорой; у каждой висѣла на рукѣ корзинка съ кускомъ хлѣба на дорогу. Элиза и рядомъ съ нею Кандидатъ заключали шествіе, послѣдній везъ плетеную колясочку, гдѣ сидѣла маленькая Габріэль, которая очень важно повертывала свои большіе черные глаза.

«Маленькая Африка», такъ называли дѣти темноокую дѣвочку, недавно поселившуюся въ ихъ сосѣдствѣ, стояла у воротъ, когда наши маленькіе странники вышли изъ дому. Петрея, чувствуя неодолимое желаніе познакомиться съ »маленькой Африкой», тотчасъ подбѣжала къ ней и, кивнувъ головою, подала ей ломоть хлѣба изъ своей корзинки. Маленькая дикарка съ жадностью выхватила его изъ рукъ Петрея и, показавъ свои бѣлые зубы, исчезла за калиткой. Между-тѣмъ Элиза взяла Петрею за руку и долго держала ее такимъ образомъ, чтобы не дать слишкомъ много воли ея безпокойной живости.

Вышли за городскія ворота, и тутъ дѣтямъ дана была полная свобода. Они прыгали и рѣзвились, какъ маленькіе телята въ первый разъ вырвавшись въ поле. Мы должны признаться, что даже пчелка позволила себѣ кое-какія шалости, напримѣръ, прыгала черезъ ровъ на самомъ широкомъ мѣстѣ, и пугала миролюбивыхъ воронъ, крича и хлопая въ ладоши; однако жъ она скоро оставила эти затѣи и, предпочитая болѣе скромные подвиги, усердно принялась рвать попадавшійся ей по дорогѣ жесткій тысячелистникъ, или блиставшій въ лѣсу шиповникъ; она для домашняго обихода собирала ихъ въ свой передникъ. Генрихъ часто подбѣгалъ къ колясочкѣ, цѣловалъ малютку, и давалъ ей самые крошечные цвѣточки, какіе только могъ найти. Петрея нѣсколько разъ падала на носъ, но, какъ будто ни въ чемъ не бывало, опять вскаки-

вала и продолжала свои прыжки. Кандидатъ, котораго чистый воздухъ и природа также расположили къ веселости, затянулъ своимъ прекраснымъ теноромъ: «Сѣни героевъ, старыя рощи!» Дѣти тоже начали подтягивать тоненькимъ дискантомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ маршировали въ тактъ. Элиза, наслаждаясь прекрасной погодой и всеобщей радостью, не могла рѣшиться, да и не хотѣла разстроить прогулку непріятнымъ объясненіемъ, которое было отложено до-времени.

«Ахъ! смотрите, смотрите, сестрица! Смотри, Генрихъ! кричала махая руками и прыгая отъ восхищенія, маленькая Петрея, которая просунула носъ въ рѣшетку высокихъ, великолѣпныхъ воротъ, за которыми виденъ былъ вычищенный, остриженный и убранный въ старинномъ вкусѣ паркъ. Скоро къ рѣшеткѣ прильнуло нѣсколько маленькихъ головокъ. Паркъ показался дѣтямъ раемъ. Тутъ подошелъ и Кандидатъ, но не какъ херувимъ съ претительнымъ мечемъ, а какъ добрый ангелъ: онъ растворилъ райскія двери передъ восхищенными дѣтьми. Эта неожиданность была приготовлена имъ Элизой и Кандидатомъ, которые выпросили у вдовы графини С** позволеніе пройти въ орѣшникъ черезъ ея паркъ.

Здѣсь все было предметомъ удивленія, или давало поводъ къ вопросамъ. Элиза и Кандидатъ не поспѣвали отвѣчать на нихъ. Тутъ маленькой неуклюжій купидонъ, который стоялъ и плакалъ надъ

безводнымъ фонтаномъ, возбуждалъ соболѣзнованіе малютокъ. «О чемъ онъ плачетъ?» спрашивали они. «Вѣроятно о томъ, что воды нѣтъ», отвѣчалъ съ улыбкою Кандидатъ. Тамъ взоры ихъ очаровывались Китайскимъ храмомъ, въ которомъ, какъ имъ казалось, собраны были всѣ сокровища міра, а гдѣ въ самомъ дѣлѣ содержались куры; далѣе ихъ изумляли пирамидальныя деревья — никогда они не видали ничего прелестнѣе, чуднѣе. Но главныя чудеса были еще впереди. Вошли въ чащу парка Вдругъ послышались заунывные звуки, безсвязные, но довольно пріятные при безпрерывномъ плескѣ какъ будто воды. Дѣти пошли медленнѣе и прижались другъ къ другу въ напряженномъ ожиданіи и съ какимъ-то боязливымъ любопытствомъ. Звуки и журчаніе воды слышались все ближе и ближе. Мрачно и густо окружалъ ихъ сосновый лѣсъ. Но вотъ съ правой стороны открылась прогалина, и глазамъ представился гротъ со сводомъ, увѣнчаннымъ зеленью и пушистыми деревьями. Во глубинѣ грота стояла большая бѣлая фигура старика съ сѣдыми волосами, длинной бородой, согбеннымъ станомъ, козлиными ногами. Онъ приложилъ губы къ свирѣли, изъ трубочекъ которой, казалось, выходили чудные звуки. Маленькіе каскады били мѣстами изъ каменныхъ стѣнъ и лились въ находившійся у ногъ старика бассейнъ, въ которомъ онъ задумчивымъ взоромъ какъ будто разсматривалъ свое отраженіе и зеленый сводъ, надъ нимъ подымавшійся. Это «лѣсной богъ, Панъ», объяснилъ Кандидатъ, по

что онъ далѣе объяснялъ о вѣрованіи древнихъ въ это божество—того никто не слушалъ, кромѣ пчелки и Элизы. Пчелка качала головой, удивляясь, что Греки могли вѣровать въ такаго бога; Элизѣ пріятно было видѣть уже въ древности то вѣрованіе въ богоподобную жизнь природы, которое еще и нынѣ существуетъ, но въ смыслѣ болѣе истинномъ и, какъ мы надѣемся, болѣе божественномъ. Неожиданное зрѣлище въ гротѣ болѣе или менѣе подѣйствовало на всѣхъ малыхъ и большихъ; но въ воображеніи Петреи оно произвело какое-то обаяніе и даже смятеніе. Лѣсной богъ, съ своими обворожительными звуками, съ своей полу-человѣчьей, полу-звѣрской наружностью—не смотря на всѣ старанія Кандидата объяснить ей, что это исчадіе смутной фантазіи, гипсовая фигура, безжизненный, безчувственный истуканъ—принялъ въ ея фантазіи образъ живаго, дѣйствительнаго и чуднаго существа. Только она его и видѣла, только и думала о лѣсномъ богѣ: въ душѣ ея пробудилось предчувствіе какаго-то новаго, дивнаго міра, и сладкій трепетъ проникалъ ее.

Между-тѣмъ Кандидатъ повелъ Элизу на тропинку, извивавшуюся по горѣ, въ которой былъ гротъ. По сторонамъ росла береза и ольха. Тамъ, на свѣтломъ, веселомъ холмикѣ, посреди зелени, озаренной яркимъ солнцемъ, ожидали гуляющихъ фрукты и ягоды. Этотъ сюрпризъ Элизѣ и дѣтямъ былъ приготовленъ Кандидатомъ, который страстно любилъ угощать и подчивать. Едва ли ког-

-да-нибудь бывалъ сюрпризъ пріятнѣе и радостнѣе этаго. Впрочемъ самый благодарный трудъ на свѣтѣ — доставлять удовольствіе дѣтямъ, а въ-добавокъ спискиваешь тѣмъ и благосклонность маменьки.

На зеленомъ скатѣ, въ тѣни шиповника, еще покрытаго любимыми цвѣтами Элизы, Кандидатъ разложилъ свой плащъ для нея и малютки, которую высадили изъ колясочки; тутъ сняли съ нея зеленую шелковую шляпку, и солнце облило своимъ блескомъ ея золотые кудри. Кандидатъ выбралъ лучшіе фрукты для нея и для маменьки, потомъ сѣлъ возлѣ крошки, забавлялъ ее и свѣвалъ розовой вѣткой комаровъ съ рукъ Элизы и дѣтской головки, между-тѣмъ какъ другія дѣти, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, рѣзвились и бѣгали, наслаждаясь свободой и убирая крыжовникъ со всѣмъ усердіемъ ихъ возраста. Теплый вѣтерокъ тихо колыхалъ деревья, и легкій шорохъ листьевъ сливался съ сладкозвучнымъ стономъ лѣснаго бога и журчаніемъ воды. То была дивная минута, и душа Элизы вкусила всю ея прелесть. Солнце, благоуханіе розъ, смѣшанный напѣвъ деревьевъ, воды и свирѣли, прекрасные виды кругомъ и радость дѣтей пробудили въ ея груди тотъ сердечный жаръ, который всѣ мысли и чувства какъ будто превращаетъ въ цвѣты и придаетъ жизни такую легкость, такую сладость. Она почувствовала сильное влеченіе дружбы къ тому, кто такъ хорошо понялъ

ее, и чьи глаза, исполненные добросердечія, останавливались то на голубомъ безоблачномъ небѣ, то на ея крокомъ свѣтломъ лицѣ, съ выраженіемъ такой искренней преданности и такаго чистаго желанія нравитьс какаго онъ прежде никогда не показывалъ. Эли чувствовала, что настала благопріятная минута дл извѣстнаго объясненія; она чувствовала, что могла гворить съ нимъ откровенно и искренно, какъ сестра, что правда, которую она должна была ему сказат не оскорбитъ и не огорчитъ его. Но едва она успѣ немного дрожащимъ голосомъ произнесть нѣсколь словъ, какъ вдругъ ее прервало шумное движен между дѣтьми; они чего-то искали въ кустахъ, бѣгал вокругъ деревьевъ, и слова «Петрея! Петрея!» безпр станно повторялись разными голосами и тонам Элиза съ безпокойствомъ начала осматриваться, Кандидатъ побѣжалъ узнать, что случилось. У Переи была привычка иногда отдѣляться отъ своих сестеръ, чтобы въ одиночествѣ предаваться своим дѣтскимъ мечтамъ, и потому отсутствіе ея во врем полдника никого не поразило. Элиза и Кандидат были заняты своими ощущеніями; дѣти сперва думали: «придетъ, небось!» но такъ-какъ она не приходил то они начали искать ее. Кандидатъ и Элиза явили къ нимъ на помощь. Воротились къ пещерѣ пап искали, звали, кричали—но тщетно. Петреи нигдѣ н было, и безпокойство нашихъ друзей скоро достигл высшей степени.

Мы съ своей стороны постараемся отыскать Петрею. Какъ будто околдованная лѣснымъ богомъ и его звуками, она вдругъ поворотила назадъ съ тропинки, по которой уже начала-было подыматься съ другими, и побѣжала къ пещерѣ. Чудеса, тамъ ею видѣнныя, такъ восхитили ее, что она внезапно почувствовала сильное желаніе расказать отцу и Бригиттѣ, что она видѣла — лѣснаго бога. Намѣреніе и его исполненіе одно и тоже для женщины, а тѣмъ болѣе для ребенка. Притти прежде другихъ къ отцу съ повѣствованіемъ о видѣнныхъ чудесахъ и сказать: «папа, я видѣла лѣснаго бога!» было неодолимымъ искушеніемъ для честолюбивой и сообщительной Петреи. Она слышала, что намѣревались отдохнуть на пригоркѣ, и такъ-какъ память мѣстности была у нея такъ же слаба, какъ было сильно воображеніе, то она ни на минуту не усомнилась, что успѣетъ сбѣгать домой и воротиться прежде, нежели замѣтятъ ея отсутствіе. Впрочемъ, если сказать правду, она, кажется, и не потрудилась обдумать это дѣло; сердце ея сильно билось, слова: «папа, мы видѣли лѣснаго бога!» такъ и просились съ языка ея; она сдѣлала скачекъ и пустилась на крыльяхъ воображенія летѣть, или лучше сказать, бѣжать со всѣхъ своихъ маленькихъ ногъ по дорогѣ, совершенно противоположной той, которая вела къ ея дому, и также удалявшей ее отъ пещеры. Петрея еще не знала, что дорогъ на свѣтѣ много. Скоро она принуждена была остановиться, чтобы отдохнуть. Все около нея было прекрасно:

полевые цвѣты наполняли воздухъ благоуханіемъ, птички пѣли, небо было ясно, и здѣсь, гдѣ не было ни купидоновъ, ни китайскихъ храмовъ, столь ослѣпительныхъ для ея воображенія, образъ Пана на минуту исчезъ изъ ея души, и вмѣсто него овладѣла ею мысль, или лучше сказать, чувство, прекрасное и святое, которое съ раннихъ лѣтъ было взлелѣяно матерью въ ея младенческой душѣ. Петрея видѣла, что она одна, и однако же чувствовала, что съ нею былъ какой-то невидимый духъ; въ живительномъ дыханіи воздуха, въ красотахъ природы чувствовала она присутствіе Ангела-хранителя, котораго мать научила ее называть небеснымъ отцемъ. Чувствуя въ эту минуту живѣе, нежели когда либо, его милосердіе и благость, сердце ея такъ проникнулось какою-то невыразимою нѣжностью, что какъ будто готово было все превратиться въ любовь и блаженство. Она упала на траву, и ей казалось, что она летитъ на небеса. Но увы! туда не такъ легко попасть, и эти прекрасныя небесныя мечты разсѣеваются въ дѣтскомъ воображеніи такъ же скоро, какъ и въ воображеніи взрослыхъ людей. Петреинъ полетъ на небо былъ прерванъ маленькою бѣлкою, которая бѣжала по дорогѣ. Петрея тотчасъ погналась за нею.» Поймать и принесть домой такаго проворнаго живаго звѣрка было бы величайшимъ торжествомъ. А что бы сказали братъ и сестры! Какъ бы заговорили о томъ въ городѣ! Можетъ быть, даже напечатали бы въ газетахъ; можетъ быть, самъ король узналъ бы о томъ! «Такъ

думала Петрея, и разгоряченная своими честолюбивыми мечтами, она, сломя голову, неслась въ кустарникъ и скакала по пнямъ. Она изорвала свое платье, перецарапала руки и ноги, но что за дѣло! она этаго и не замѣчала, и вотъ наконецъ, о блаженство! она упала на носъ, но въ туже минуту поймала дрожащими руками бѣлку. Петрея громко вскрикнула отъ радости, и начала звать мать, брата и сестеръ, которые не могли ее слышать.» Ахъ, ты, мой миленькій звѣречекъ!» продолжала Петрея, сбираясь поцѣловать свою маленькую плѣнницу.

Но «миленькій звѣречекъ» такъ вцѣпился зубами въ подбородокъ Петреи, что она начала кричать отъ испуга и боли; однако жъ, хотя кровь такъ и текла изъ раны, она не выпустила бѣлки изъ рукъ. Петрея опять принялась бѣжать, не понимая, куда дѣвалась высокія рѣшетчатыя ворота, черезъ которыя она должна была пройти, чтобы попасть домой. Между-тѣмъ, какъ она размышляла о томъ, продолжая бѣжать и бороться съ своей неугомонной плѣнницей, она увидѣла господина, идущаго ей на-встрѣчу. Петрея вообразила, что это не могъ быть никто другой, кромѣ ея отца, и, внѣ себя отъ радости, она ему закричала:» знаешь, папа! я видѣла лѣснаго бога. «Неожиданное названіе:» папа «очень удивило молодаго человѣка, и онъ, опустилъ книгу, которую читалъ, посмотрѣлъ на Петрею, улыбнулся и сказалъ:» ты ошибаешься, душенька, твой папа пошелъ вонъ куда!»

и онъ показалъ въ ту сторону, откуда Петрея пришла. Петрея поняла, что онъ говорилъ о Кандидатѣ. «Ахъ нѣтъ, это не онъ!» воскликнула она съ безпокойствомъ; тутъ ей пришло на умъ, что она заблудилась, и она вдругъ поворотила назадъ. Оставя мысль бѣжать домой, она теперь только и думала, какъ бы ей найти тѣхъ, отъ кого она такъ неблагоразумно удалилась. Она побѣжала назадъ по той же дорогѣ, по которой пришла; но, достигнувъ мѣста, гдѣ начинались два пути, она ошиблась въ выборѣ, очутилась въ глуши, и замѣтя, что совсѣмъ заблудилась, не знала куда итти, чтобы попасть на настоящую дорогу. Въ отчаяніи бросилась она на траву и заплакала. Забывъ свои честолюбивые замыслы, она выпустила изъ рукъ бѣлку, и предалась своему горю. Она вздумала, какъ ужасно должна безпокоиться мать ея, и стала плакать о ней и о своемъ безразсудствѣ. Но скоро утѣшительныя мысли вытѣснили эти горестныя размышленія. Петрея отерла глаза платьемъ (носовой платокъ она потеряла) и, поднявъ ихъ, вдругъ увидѣла прекрасную малину, которая росла въ щеляхъ скалы.» Ахъ, малина, маменькины любимыя ягоды!» и вотъ наша маленькая Петрея карабкается съ величайшимъ трудомъ на скалу, чтобы достать малины.» Я наберу ея цѣлый пукъ, и съ нимъ брошусь къ ногамъ маменьки и буду просить у нея прощенія.» Такъ думала Петрея, срывая вѣтки съ помощію зубовъ, и сердце ея забилось надеждой и бодростью. И—кабы можно было взобраться еще

выше—оттуда она бы увидѣла, гдѣ она, увидѣла бы мать, отца, брата и сестеръ, цѣлый міръ? Безъ сомнѣнія. Какая свѣтлая мысль! И вотъ Петрея, съ пучкомъ малины въ одной рукѣ, карабкается вверхъ, помогая себѣ другою, но вдругъ на гладкомъ мѣстѣ скользитъ сперва одна нога, потомъ и другая; она не можетъ повиснуть на одной лѣвой рукѣ, а изъ правой не хочетъ выпустить малины. Мигъ ужаса и напряженія—и Петрея катится со скалы и падаетъ прямо въ кучу изъ хвороста и крапивы, въ которой мы покамѣсть оставимъ ее и между-тѣмъ возвратимся къ Элизѣ.

Легко можно вообразить, какъ встревожилась бѣдная мать, когда она, цѣлый часъ проискавъ Петрею съ помощію Кандидата и Генриха (пчелка осталась при дѣтяхъ вблизи пещеры), не нашла дочери. Въ паркѣ было нѣсколько прудовъ: не упала ли она въ воду? Эта мысль ужасала Элизу; и волосы дыбомъ становились у нея, когда она думала, какъ воротится къ мужу безъ одного ребенка, безъ его любимицы, которую она потеряла по своей неосторожности. Ахъ, лучше умереть! Блѣдна, какъ смерть, и изнуренная, она бѣгала по парку, и отъ изнеможенія едва могла держаться на ногахъ. Напрасно умолялъ ее Кандидатъ поберечь себя, успокоиться и положиться на его старанія къ отысканію Петреи. Она его не слушала и въ ужасномъ смятеніи продолжала искать потерянное сокровище. Кандидатъ боялся надолго оставлять ее

одну и часто возвращался къ ней, между-тѣмъ как Генрихъ искалъ и громко звалъ сестру свою на другомъ концѣ парка.

После двухъ часовъ тщетныхъ поисковъ, когда Кандидатъ опять на-минуту воротился къ несчастной матери, взоры ихъ вдругъ были поражены однимъ и тѣмъ же предметомъ. Этотъ предметъ былъ—Петрея. Она лежала въ кучѣ хвороста, у подошвы скалы; платье и лице были покрыты кровавыми пятнами; а вокругъ шеи блистало на солнцѣ страшное кольцо. Ея шея была обвита змѣей съ золотыми пятнами. Петрея лежала неподвижно и по видимому спала. Слабый крикъ ужаса вырвался изъ груди матери. Она было-бросилась бѣжать, но Кондидатъ остановилъ ее. «Ради Бога успокойтесь!» сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, поблѣднѣвъ и смутившись:» может быть, еще она не ужалена, но это ехидна, самая ядовитая змѣя въ нашихъ лѣсахъ. Одно неосторожное прикосновеніе, и вы обѣ погибли! Нѣтъ, вы не пойдете, вы не должны итти! Ваша жизнь слишкомъ дорога—тогда какъ моя .... обѣщайтесь мнѣ остаться въ покоѣ и... «Но Элиза почти не помнила себя. «Пустите, пустите меня!» говорила она и слабыми руками отталкивала Якоби. Она хотѣла итти, но колѣна ея подгибались. Она пошатнулась и упала.

Между-тѣмъ Кандидатъ былъ уже у Петреи. Онъ съ необыкновенною ловкостію и присутствіемъ

духа захватилъ змѣю за затылокъ и отбросилъ ее. Тутъ Петрея проснулась, вздрогнула, вытаращила глаза и, осматриваясь, сказала:» Ахъ..... знаешь, папа! Я видѣла лѣснаго бога.» «Благослови тебя Господь съ твоимъ лѣснымъ богомъ!» сказалъ Кандидатъ внѣ себя отъ радости при этомъ несомнѣнномъ знакѣ жизни и невредимости, онъ взялъ дѣвочку на руки, прижалъ ее къ груди и понесъ къ Элизѣ. Но та ничего не видѣла и не слышала, потому-что лежала въ сильномъ обморокѣ. Наконецъ поцѣлуи и слезы Генриха привели ее въ себя. Она осмотрѣлась: во взорѣ ея видны были ужасъ и смятеніе. «Она умерла?» сказала она едва слышнымъ голосомъ. «Нѣтъ, нѣтъ, она жива, она здорова!» воскликнулъ Кандидатъ, стоя на колѣнахъ подлѣ Элизы, а подлѣ него стояла маленькая Петрея; она протягивала руку съ пукомъ малины и говорила, громко рыдая: «ахъ, прости, прости мнѣ, маменька!»

Тутъ Элиза воскресла; она поспѣшно встала и съ пронзительнымъ крикомъ радости прижала къ сердцу такъ чудно спасенное дитя. «Благодарю Тебя, о Боже мой,« сказала она, вознося руки къ небу. Потомъ она безмолвно протянула ихъ къ Якоби и сквозь слезъ смотрѣла на него; взоръ ея былъ краснорѣчивѣе всего, что бы она могла сказать ему. «Слава Богу, слава Богу!» говорилъ Якоби, съ глубокимъ умиленіемъ прижимая руки Элизы къ губамъ и къ сердцу. Онъ былъ такъ несказанно счастливъ.

Всѣ спѣшили удалиться отъ опаснаго сосѣдства змѣи, послѣ того какъ Якоби и Генрихъ, по просьбѣ Элизы, отказались отъ безполезнаго, какъ мы думаемъ, предпріятія отыскать и убить это ядовитое, но невинное животное.

Передъ пещерой сидѣла маленькая пчелка и старалась утѣшить сестеръ, а между-тѣмъ сама вмѣстѣ съ ними горько плакала о Петреѣ, которую малютки считали на-вѣки потерянною. Тѣмъ живѣе излилась ихъ радость, когда онѣ вдругъ увидѣли, что Кандидатъ несетъ ее на рукахъ. Всѣ бросились ласкать и обнимать его, когда узнали отъ матери, что онъ спасъ ихъ сестру отъ смерти. Что касается до Петреи, то она такъ горько плакала о своей необдуманности и объ огорченіи, какое причинила матери и сестрамъ, что не знали, какъ ее утѣшить и развеселить. О своемъ паденіи она только помнила, что у нея сильно закружилась голова, и что она не могла встать, а потомъ заснула и видѣла во снѣ лѣснаго бога.

Между-тѣмъ стало поздно; о собираніи орѣховъ нечего было и думать; къ тому же надобно было торопиться домой какъ для Элизы, такъ и для Петреи. Прочія дѣти вѣроятно очень тужили бы о несостоявшейся прогулкѣ въ орѣшникъ, если бъ ими не овладѣло сильное нетерпѣніе расказать домашнимъ о случившихся приключеніяхъ. При возвращеніи домой представились новыя затрудненія; Петрея, которая

ужасно устала и притомъ очень ушиблась и перецарапалась при своемъ паденіи, не могла итти пѣшкомъ, и потому было рѣшено, что она сядетъ въ коляску, а Габріэль перейдетъ на руки къ Кандидату. Но когда крошка увидѣла, что Кандидатъ былъ безъ перчатокъ, то она ни за что не хотѣла итти къ нему и подняла ужасный крикъ; однако же онъ смѣясь взялъ къ себѣ на руки «старушку», какъ называлъ ее, не обращая никакаго вниманія на ея сопротивленіе. Кандидатъ и Элиза всячески старались развлечь ее, но тщетно, за то прыжки и ласки Генриха взяли свое. Малютка замолчала; слезы, текшія по щекамъ, остановились на половинѣ дороги въ ямочкахъ, которыя вдругъ образовались отъ прелестнѣйшей улыбки. Петрея, послѣ пароксизма горести и раскаянія, нѣсколько успокоилась и теперь находила и себя и свои похожденія чрезвычайно интересными. Она преважно сидѣла въ колясочкѣ, окруженная сестрами, которыя не могли наслушаться ея расказовъ обо всемъ случившемся и оспаривали другъ у друга удовольствіе подталкивать сзади колясочку. А Кандидатъ?— онъ везъ Петрею, которая всю дорогу болтала безъ умолку, несъ на рукахъ малютку, которая скоро заснула на его плечѣ, пѣлъ пѣсни и расказывалъ анекдоты, чтобы развлечь Элизу, блѣдную и взволнованную отъ претерпѣннаго страха и безпокойства.

Наконецъ воротились домой. Расказамъ не было конца. Бригитта поплакала о своемъ «ангельчикѣ

мамзель Петреѣ», а Лагманъ крѣпко прижалъ къ сердцу Якоби. Элиза занялась Петреей, омыла и вымазала ея ушибы и царапины рижскимъ бальзамомъ, потомъ, чтобы вознаградить дѣтей за неудачную прогулку, заказала къ ужину блинки и кремъ изъ битыхъ сливокъ съ малиннымъ вареньемъ. Дѣти отъ радости прыгали кругомъ стола, а Петрея, которой за ея бѣдствія досталась въ придачу братняя порція крему, приняла завѣрное, что на небѣ безпрестанно кушаютъ такой кремъ, почему она и предложила называть его «небеснымъ кушаньемъ.» Это предложеніе было одобрено всѣми и съ тѣхъ поръ «небесное кушанье» получило право гражданства въ Франковомъ семействѣ.

Петрея пролила на грудь отца еще нѣсколько горькихъ слезъ, вызванныхъ его кроткимъ увѣщаніемъ; а потомъ заснула у него на рукахъ.

А куда дѣвалось наставленіе Кандидату? «Останьтесь сегодня вечеромъ съ нами!» сказала ему Элиза съ привѣтливымъ, умоляющимъ взоромъ. Кандидатъ остался.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

НОВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ УЧЕНЫХЪ ВЪ СИБИРЬ.

Еще въ 1837 году въ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ сдѣлано было предложеніе отправить ученую экспедицію къ самой сѣверной оконечности Сибири, гдѣ берегъ, между рѣками Пясидою и Хотангою, выдается въ Ледовитое море широкимъ полуостровомъ и потомъ двумя узкими косами, для произведенія тамъ продолжительныхъ физическихъ наблюденій, для изслѣдованія географическихъ и этнографическихъ замѣчательностей того края, и собранія свойственныхъ ему естественныхъ произведеній. По ближайшемъ разборѣ этихъ предложеній оказалось, что доселѣ имѣющіяся объ этой странѣ свѣдѣнія ограничиваются только самыми общими выписками изъ путевыхъ донесеній морскихъ офицеровъ, которые, лѣтъ за 100 передъ симъ, въ царствованіе Анны Іоанновны были отряжены для съемки сѣвернаго берега Сибири, и что эти свѣдѣнія

были даже недостаточны для того, чтобы указат средства къ отправленію къ берегу Ледовитаго мор общества ученыхъ съ потребными снарядами. А п сему рѣшено было, чрезъ посредство г-на Генерал Губернатора Западной Сибири, изъявившаго сво готовность содѣйствовать ученымъ предпріятіямъ, Губернатора Енисейскаго, изъ Туруханска, как ближняго города, собрать справки о нынѣшнемъ обра зѣ путешествія въ вышеозначенной странѣ и сношеніяхъ между Туруханскомъ и берегомъ Ледо витаго моря, равно какъ и о общихъ естественных свойствахъ странъ къ сѣверу отъ Туруханска.

Прежде-нежели могли быть получены отвѣты на эти вопросы, вниманіе не только здѣшней Академіи, но и всего ученаго свѣта обратилось на другой пунктъ Сибири. Г. Шергинъ, купецъ въ Якутскѣ, въ 1830 году, намѣреваясь устроить колодезь, вырылъ на дворѣ своемъ шахту въ 50 фут. глубины и нашелъ землю все еще замерзшею. По вызову бывшаго тамъ проѣздомъ адмирала барона Врангеля, онъ продол-жалъ эту работу пять лѣтъ сряду на счетъ Россійско-Американской Компаніи, и потомъ еще двѣ зимы изъ своихъ собственныхъ средствъ. Въ 1837 году онъ донесъ, что уже достигнута имъ глубина 382 Русскихъ футовъ, и что въ этой глубинѣ земля, кажется, начинаетъ рыхлѣть, но термометръ на днѣ колодезя или шахты все еще показываетъ температуру —½° Реом., между тѣмъ какъ ближе къ поверхности, на глубинѣ

77 фут.; температура составляетъ не болѣе — 5⅛° Реом. Это донесеніе, которое было сообщено Академіи и обнародовано ею, возбудило большое удивленіе, потому-что бо́льшая часть физиковъ не полагала, чтобы холодъ могъ проникать такъ далеко во-внутрь земли; иные, напротивъ, были того мнѣнія, что если на-верху температура составляетъ около—6° Реом., то въ глубинѣ 382 фут. еще не могутъ быть достигнуты тѣ слои, въ которыхъ прекращается постоянный ледъ и уже попадается текучая вода. Но вообще придерживались того мнѣнія, что такая толща земнаго льда не прежде можетъ быть принята за достовѣрный фактъ, пока какой-либо ученый не подтвердитъ донесеній г. Шергина и не произведетъ такихъ наблюденій надъ постояннымъ прибываніемъ температуры въ глубину, въ которыхъ вліяніе внѣшней температуры воздуха было бы устранено болѣе, нежели въ наблюденіяхъ Шергина. Наша Академія немедленно опредѣлила снабдить г. Шергина инструкціей для произведенія продолжительныхъ, точнѣйшихъ наблюденій и 26-ю на этотъ конецъ изготовленными термометрами, но получила отъ г. Шергина извѣщеніе, что онъ, готовясь оставить Якутскъ, не можетъ принять на себя этаго порученія.

Между-тѣмъ королевское географическое Общество въ Лондонѣ опредѣлило произвесть рядъ соотвѣтственныхъ наблюденій въ сѣверной Америкѣ и

отправило физическіе инструменты съ надлежащими инструкціями во владѣнія Компаніи Гудзонова залива.

Наша Академія признала необходимымъ отправить въ Якутскъ физика-наблюдателя для учиненія въ случайно-раскрытой до такой глубины землѣ наблюденій, столь важныхъ для физическаго познанія земли и для которыхъ подобный случай едва ли опять представится въ теченіе столѣтій.

Но прежде приступленія къ этому, она считала нужнымъ обождать прибытія отвѣтовъ на пересланные въ Туруханскъ запросы, чтобы потомъ, буде можно, соединить обѣ задачи.

Отвѣты сіи были наконецъ доставлены въ началѣ 1841 года г-мъ Турчаниновымъ, тогда исправлявшимъ должность Губернатора Енисейскаго. Сколько они ни были съ одной стороны удовлетворительны по своей полнотѣ, однако доказывали, что изъ Туруханска не могутъ быть указаны средства къ отправленію экспедиціи изъ нѣсколькихъ лицъ до рѣки Таймура. Продолжительное пребываніе на самомъ берегу казалось невозможнымъ. По сей причинѣ Академія увидѣла себя вынужденною совсѣмъ отказаться, покрайней мѣрѣ теперь, отъ выполненія первоначальнаго своего плана; но она опредѣлила искать молодаго естествоиспытателя, который съ однимъ или двумя спутниками проникъ

бы въ страну далѣе Туруханска для изслѣдованія физическаго ея свойства и, пробравшись одною изъ тамошнихъ рѣкъ до Ледовитаго моря, развѣдалъ бы у самыхъ уроженцевъ, какими средствами можно достигнуть рѣки Таймура, а оттуда обоихъ мысовъ сѣверо-восточнаго и сѣверо-западнаго Таймурскаго, которые хотя и обозначены на нашихъ картахъ, но свойство которыхъ неизвѣстно и коихъ крайняя оконечность вѣроятно не была достигнута и экспедиціями въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, потому-что въ прежнихъ донесеніяхъ даже не показано опредѣленія широты восточнаго мыса. Тому же самому естествоиспытателю положено было поручить и разысканія надъ Якутскимъ колодеземъ.

Для приведенія въ дѣйствіе этаго предпріятія, Академіи былъ отрекомендованъ г. Профессоръ Миддендорфъ изъ Кіева, какъ особенно способный къ тому по своимъ умственнымъ и тѣлеснымъ качествамъ, и онъ самъ изъявилъ свою готовность для выполненія возлагаемаго на него порученія. По ассигнованіи Государемъ Императоромъ въ прошедшемъ году 13,000 руб. серебр. для экспедиціи, изъ каковой суммы Академія назначила 3,000 для отдѣльной лингвистической и этнографической, и 10,000 для вышеозначенной экспедиціи, и по прибытіи сюда г-на Миддендорфа для начатія путешествія (что воспослѣдовало 14 Ноября, 1842 г.), Академія утвердила инструкцію и смѣту издержкамъ. Коммиссія, занимавшаяся

составленіемъ инструкціи, раздѣлила ее на общую и частную.

Въ первой порученія Академіи указаны только въ общихъ очеркахъ, потому-что нельзя предвидѣть, сколько путешественнику, при данныхъ ему средствахъ, удастся выполнить отдѣльныхъ предположеній. Особыя порученія, преимущественно относительно естественныхъ коллекцій, сообщены путешественнику частнымъ образомъ. Но, по упованію Коммиссіи, извѣстныя познанія и любовь къ наукамъ путешественника, а равно предуготовительное его долговременное ученіе служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что онъ по мѣрѣ средствъ своихъ будетъ содѣйствовать къ разширенію познаній объ Отечествѣ. Но чтобы всѣ желанія могли тѣмъ скорѣе исполниться и усердіе путешественника не встрѣтило никакихъ препятствій, Академія, по ходатайству Коммиссіи, приняла еще двѣ мѣры.

1. Испрошено у Почтоваго Департамента открытое предписаніе, чтобы всѣ почтовыя вѣдомства принимали отъ Экспедиціи ученыхъ въ Сибирь посылки на имя Академіи вѣсомъ до однаго пуда и пересылали ихъ безденежно; каковое предписаніе должно быть вручено г. Миддендорфу.

2. Академія безотлагательно обратилась къ генералъ-губернатору восточной Сибири съ просьбою

выдать открытое приказаніе всѣмъ вѣдомствамъ въ восточной Сибири содѣйствовать г. Миддендорфу и его сопутникамъ всѣми состоящими въ ихъ распоряженіи мѣрами и средствами къ достиженію цѣли ихъ путешествія, а особенно въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ регулярныхъ почтовыхъ сообщеній, и чтобы ему вездѣ, гдѣ онъ найдетъ то необходимымъ, былъ предоставляемъ въ распоряженіе чиновникъ или нѣсколько казаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила г. генералъ-губернатора восточной Сибири заблаговременно отправить это приказаніе въ Красноярскъ, дабы экспедиція нашла его тамъ по прибытіи туда около средины зимы. Хотя, по предварительно составленному Коммиссіею плану, экспедиція только проѣздомъ коснется западной Сибири, но подобное письмо и къ г. генералъ-губернатору западной Сибири найдено не излишнимъ, потому-что путешественники, можетъ быть, предпримутъ еще побочную экспедицію въ Нарымъ или Сургутъ, гдѣ можно ожидать крайняго предѣла земнаго льда. Это послѣднее письмо будетъ вручено самимъ путешественникамъ.

ЛИСТКИ
ИЗЪ СКАНДИНАВСКАГО МІРА.

I.

Недовольный обращеніемъ однаго чиновника въ Императорской Публичной Библіотекѣ, авторъ * при этомъ случаѣ замѣчаетъ, что, какъ онъ прежде уже слышалъ, «когда придется имѣть дѣло съ какимъ-нибудь *tschinovnic* (чиновникомъ низшаго разряда), то часто ничего не возьмешь *одною* вѣжливостью, а надобно сверхъ того *montrer les dents*. Передъ начальниками своими, или тѣми, отъ которыхъ они могутъ опасаться или ожидать чего-нибудь, они готовы пресмыкаться и раболѣпствовать, но бываютъ исполнены высокомѣрія и недоброжелательства къ другимъ,

* Окончаніе выписокъ изъ книги: *Замѣтки о Россіи,* писанныя Шведскимъ путешественникомъ. Смотр: Современ. Т. XXVIII, стран. 41, *первой нумераціи.*

и чтобы справиться съ ними, иногда необходимо прибѣгнуть къ правилу Иппократа: *quod medicamina non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis sanat* *. «Конечно, этотъ отзывъ о *господахъ чиновникахъ* вовсе несправедливъ, но мы нарочно его выписали, чтобы показать, какъ и добросовѣстный путешественникъ ошибается въ своихъ сужденіяхъ!

Вотъ что говоритъ авторъ о пренебреженіи отечественнаго языка въ нѣкоторыхъ сословіяхъ Русскаго общества. Сперва рѣчь идетъ о прошедшемъ времени. «Прежде всего дѣти учились тогда презирать свое собственное отечество и слѣдовать исключительно иноземнымъ, особливо Парижскимъ, образцамъ. При выборѣ гувернёра первый вопросъ состоялъ въ томъ, было ли у него истинно-Французское произношеніе, и ежели онъ сверхъ того умѣлъ картавить, выговаривая букву r какъ настоящій Парижанинъ, то считался несравненнымъ. Отъ-того многимъ молодымъ людямъ съ хорошими способностями, изъ Парижскихъ ресторацій, помадныхъ лавокъ и цырюлень, удавалось въ Россіи находить счастіе въ качествѣ ученыхъ и гувернёровъ. Потребныя на то свѣдѣнія пріобрѣтались очень легко, во время переѣзда отъ Парижа до Петербурга, изъ какой-нибудь краткой Французской грамматики, или маленькой, щеголеватой энциклопедіи.

* Чего лекарства не исцѣляютъ, то цѣлитъ желѣзо; чего не исцѣляетъ желѣзо, то цѣлитъ огонь.

«По-этому воспитаніе молодыхъ людей высшаго сословія считалось оконченнымъ, когда они свободно говорили по-Французски, умѣли танцовать, или отличались какимъ-нибудь другимъ талантомъ; они только и думали о томъ, какъ бы скорѣе побывать въ Парижѣ, чтобы еще болѣе усовершенствовать начатое дома такъ основательно и успѣшно.

»Русскимъ языкомъ пренебрегали до такой степени, что на немъ говорили по большой части только съ прислугою. Еще и нынѣ очень многіе Русскіе воображаютъ, что единственный языкъ, годный для разговора, есть Французскій. Я съ нѣкоторымъ состраданіемъ замѣчалъ, что большое число тѣхъ, съ кѣмъ я былъ знакомъ, *исключительно* говорило по-Французски, и меня увѣряли, что *между знатными дамами многія, хотя родились и были воспитаны въ Петербургѣ, попали бы въ чрезвычайно затруднительное положеніе, если бъ имъ понадобилось разговориться по-Русски.*

»Въ послѣднее время, однако жъ, стало обнаруживаться лучшее направленіе, и отечественный языкъ уже вступаетъ въ свои права. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, начало сдѣлано Государемъ, который всегда говоритъ по-Русски съ понимающими родной языкъ, и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ введено основательное обученіе отечественному слову.»

Можетъ быть, въ выписанныхъ замѣчаніяхъ нѣкоторыя черты слишкомъ рѣзки; однако жъ мы, къ стыду нашему, не можемъ въ этомъ случаѣ сказать, что иностранецъ, по старой привычкѣ Европейскихъ путешественниковъ, клеплетъ на Русскихъ.

Съ непритворнымъ чувствомъ говоритъ авторъ о неусыпной благотворительности Императрицы Маріи Θеодоровны, Которую, по его словамъ, немногіе знаютъ, потому-что Она дѣйствовала въ тишинѣ и творила добро втайнѣ, и Которой память, вмѣсто похвальной рѣчи, возбудила благодареніе, ибо при гробѣ Ея было сказано:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь Твою межъ нами!

Въ сужденіи иностранца о нашемъ отечествѣ всегда заключается особенная занимательность; иногда оно бываетъ даже поучительнымъ, потому-что его взглядъ часто обнимаетъ предметъ съ такой стороны, которой мы сами, отъ вліянія привычки, можетъ быть, никогда бы и не открыли. Но за сужденіе, подобное слѣдующему, всякій читатель конечно поблагодаритъ правдолюбиваго путешественника, столь не похожаго въ этомъ отношеніи на большую часть посѣтителей Россіи.

Жаль, что книга его написана не по-Французски.

»Какъ ни странно можетъ показаться это замѣчаніе, «говоритъ онъ:» Русскій народъ стоитъ на высшей точкѣ образованія, нежели обыкновенно полагаютъ.

»Если подъ образованіемъ разумѣть совокупность знаній, то конечно большая часть народа находится на весьма низкой степени просвѣщенія; но въ такомъ случаѣ средство принимается за цѣль. Истинное образованіе народа состоитъ въ его уваженіи ко всему священному, въ его нравственномъ чувствѣ, его взаимномъ согласіи, его любви къ полезной дѣятельности и труду, и пр. Въ этомъ смыслѣ Русскій народъ дѣйствительно стоитъ не такъ-то низко, и многія другія націи, которыя хвалятся своею образованностію но въ ней всего выше цѣнятъ одни ея недостатки стоятъ право ступенью ниже, какъ онѣ ни вытягиваются и ни подымаютъ голову выше плечь Русскаго народа. Объ этомъ полупросвѣщеніи можно сказать то же, что кѣмъ-то было замѣчено о свѣтлыхъ лѣтнихъ ночахъ: *c'est trop de lumière perdue.*

«Всѣ безпристрастные путешественники, которые довольно долго жили внутри края, единодушно отдаютъ Русскимъ справедливость въ упомянутыхъ качествахъ, и я то же слышалъ отъ многихъ Русскихъ, достойныхъ всякаго уваженія, въ искренности которыхъ я не могу сомнѣваться, и которые въ другихъ отношеніяхъ доказали свое безпристрастіе. Да и мо-

жетъ ли быть безъ образованія народъ, котораго житейская философія заключается въ такихъ правилахъ, каковы слѣдующія...» (Здѣсь приводится съ десятокъ Русскихъ пословицъ).

«Я скорѣе полагаю», продолжаетъ путешественникъ, «что всего менѣе образована въ Россіи большая часть того сословія, которое по-настоящему должно бы распространять просвѣщеніе въ остальныхъ классахъ; я разумѣю часть низшаго дворянства Русскаго и чиновниковъ. Ихъ полуобразованность, какъ и всякая полуобразованность въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, похожа на тѣхъ, съ позволенія сказать, *шалапаевъ*, которыхъ иногда встрѣчаешь на улицѣ въ щегольскомъ, но засаленномъ платьѣ, съ прорѣхами на локтяхъ, въ красивомъ жилетѣ на грязной рубахѣ, въ шляпѣ на-бекрень и съ нахальствомъ въ пріемахъ; ихъ полуобразованіе, говорю, хуже совершенной необразованности, и дѣйствуетъ вредно на тѣхъ, которые отъ нихъ зависятъ или имѣютъ съ ними дѣло.»

Достойно вниманія сравненіе Петербурга со Стокгольмомъ по предмету потребленія крѣпкихъ напитковъ. «Боюсь,» говоритъ нашъ наблюдатель: «что Петербургъ въ этомъ отношеніи не выдержитъ сравненія со Стокгольмомъ; то же и въ разсужденіи количества питейныхъ домовъ: въ Петербургѣ, гдѣ около полумилліона жителей, считается такихъ домовъ 100 съ небольшимъ, да почти столько же другихъ

мѣстъ, въ которыхъ водку продаютъ въ бутылкахъ и штофахъ. Въ Стокгольмѣ, гдѣ народонаселеніе не доходитъ и до 80.000 человѣкъ, всякій, кому угодно, можетъ прочесть № 327, выставленный явственными цифрами надъ дверью однаго питейнаго дома у *Новаго-моста*. Автору неизвѣстно, послѣдній ли это нумеръ, или серія продолжается еще далѣе.»

Вотъ еще нѣсколько строкъ, показывающихъ доброе мнѣніе Шведа о Русскихъ: «Мнѣ кажется, это неблагорасположеніе къ такъ называемымъ *Нѣмцамъ* менѣе происходитъ отъ національнаго предразсудка, нежели отъ нѣкоторой особенности въ духѣ народномъ, которая рѣзко отличаетъ Русское образованіе отъ западнаго и, тѣсно связывая Русскихъ между собою, естественно отталкиваетъ ихъ отъ всего чужаго и разнороднаго. Это конечно недостатокъ, когда дѣло идетъ о *недѣлимыхъ*, но преимущество и заслуга, когда рѣчь о *націи*. Впрочемъ путешественнику трудно судить объ этомъ, и сами Русскіе безъ сомнѣнія правы, когда они увѣряютъ, что для произнесенія приговора по этому предмету, какъ и вообще въ-разсужденіи національнаго характера, иностранцу необходимо напередъ *обрусѣть* (obrussjatj: förryssas).»

При исчисленіи нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи, авторъ, упоминая тутъ и имя *Пушкина*, прибавляетъ: «покойный поэтъ этаго имени говаривалъ, что въ Россіи не пролетитъ

вороны, которая бы не знала имени: Пушкинъ.» Мы, признаться, этаго изреченія не слыхивали.

Очень часто нашъ путешественникъ подшучиваетъ надъ словомъ: *закрасится*, которое будто бы безпрестанно произносится Русскими мастеровыми для выраженія, что грѣхи работы покроются краскою, и которое авторъ находитъ случай употреблять нерѣдко и въ переносномъ значеніи. Мы уже давно перешли ко 2-й части: и здѣсь встрѣчаются мѣстами названія не совсѣмъ вѣрныя, описанія нѣсколько ошибочныя; таково наприм. описаніе *вечеринки* (vetscherinka) въ среднемъ классѣ, гдѣ съ нѣкоторыми обычаями купеческихъ домовъ стариннаго покроя собраны въ одну рамку и такія, которыя вездѣ давно уже обветшали.

Авторъ очень выхваляетъ Русское гостепріимство, и говоритъ, что при окончаніи вечеринки, послѣ ужина, всякій подходитъ къ хозяевамъ «не для того, чтобы поблагодарить, а чтобы принять благодарность, ибо у Русскихъ хозяинъ считаетъ, что онъ обязанъ гостямъ, а не на-оборотъ.» Надобно знать, что, по Скандинавскимъ обычаямъ, тотъ, у кого было хоть маленькое угощеніе, имѣетъ право ожидать, что черезъ нѣсколько дней (и не позже, какъ черезъ 8 дней) послѣ пирушки всякій гость явится къ нему съ изъявленіемъ благодарности. Визиты этаго рода имѣютъ у Шведовъ особенное названіе (tack fö̊r sist,

спасибо за анамеднешнее), и потому не мудрено, что они удивляются, когда въ Россіи хозяинъ благодаритъ своихъ гостей. Онъ подвергся и издержкамъ и хлопотамъ, у него веселились другіе, и онъ же еще благодаритъ за то!

Предпринимая поѣздку въ Москву, сочинитель «Замѣтокъ» признается, что Петербургъ въ короткое время ему наскучилъ своимъ однообразіемъ, и полагаетъ, что такъ долженъ онъ дѣйствовать и на всѣхъ путешественниковъ. За то, подъѣзжая къ Москвѣ, онъ привѣтствуетъ ее съ восторгомъ, который дѣлаетъ честь его чувствамъ и ничѣмъ не ослѣпленной любви къ прекрасному.

«Москва! справедливо зовутъ тебя *бѣлокаменною* и *золотоглавою*. Какъ ярко блестятъ бѣлыя стѣны твоего Кремля сквозь синій туманъ на далекомъ краю небосклона, а солнце золотыми лучами обливаетъ твои золотые башни и куполы. Дологъ и пустыненъ путь къ тебѣ, но обильно вознаграждаетъ твое первое появленіе въ ясный день: видъ твой изумляетъ и поражаетъ благоговѣніемъ всѣхъ, даже иноземцевъ, даже враговъ твоихъ. Ибо тамъ на холмахъ, возлѣ тебя синѣющихся вдали (*Vorobiefskii Gori*), гдѣ нѣкогда непріятель разбилъ свой лагерь, но былъ прогнанъ патріотизмомъ *Минина* и геройствомъ *Пожарскаго*, на сихъ холмахъ остановился съ своимъ войскомъ Наполеонъ, и пораженъ былъ удивленіемъ,

когда солнце озарило твое величіе и твои воспоминанія. Даже иноземцу, который впрочемъ не имѣетъ причины ни любить тебя, ни ненавидѣть—и ему весело слышать, какъ твои собственныя дѣти къ тѣмъ двумъ именамъ твоимъ прибавляютъ еще два другія: *святая* и *матушка*. Увидѣвъ тебя, ямщикъ, который везъ насъ, снимаетъ шапку и кланяется, и потомъ, обернувшись, глядитъ въ карету и говоритъ: «*вотъ матушка Москва, священный городъ!*» Онъ сто разъ ѣздилъ по этой дорогѣ и сто разъ тебя видѣлъ: но твое появленіе всегда его оживляетъ, всегда ново для него, потому-что онъ къ тебѣ привязанъ воспоминаніями и надеждами, потому-что, любуясь тобою, какъ *златоглавою*, онъ предъ тобой благоговѣетъ, какъ предъ *святою*, и любитъ тебя какъ *матушку*.»

О впечатлѣніи, которое Кремль производитъ на зрителя, онъ говоритъ далѣе, что оно «неописанно». «Эта масса вовсе не прекрасна. Ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ нельзя отыскать особеннаго плана, но здѣсь во всемъ обнаруживается самая богатая, странная и прихотливая фантазія. Мнѣ кажется, что о Кремлѣ — если не относительно формы, то по крайней мѣрѣ относительно характера его—получишь самое вѣрное понятіе, когда вообразишь фантастическое сновидѣніе, которое въ минуту самаго роскошнаго развитія своего вдругъ превратилось въ камень. Въ его формахъ есть такая тревожность, такая безнадежная борьба съ искуствомъ, но вмѣстѣ и такое спокой-

ствіе, такое безсознательное величіе въ цѣломъ, что на него можно смотрѣть день за днемъ и часъ за часомъ, не свыкаясь однако же съ его странностью.»

Такія оригинальныя сравненія, какъ въ этомъ отрывкѣ, попадаются и въ другихъ мѣстахъ книги; такъ еще, въ началѣ ея, Петропавловская крѣпость сравнивается съ огромнымъ линейнымъ кораблемъ. Во многихъ случаяхъ авторъ къ своему расказу присовокупилъ разныя историческія подробности, напримѣръ, при проѣздѣ черезъ Новгородъ, онъ представилъ легкій очеркъ исторіи его. Какъ показываютъ нѣкоторыя ссылки, онъ знаетъ твореніе Карамзина во Французскомъ переводѣ; вообще надобно удивляться многообразнымъ свѣдѣніямъ, которыя путешественникъ, не зная Русскаго языка, успѣлъ собрать касательно Россіи въ короткое время своего пребыванія въ ея предѣлахъ. Онъ своею книгою доказалъ необыкновенную способность вникать въ бытъ иноземнаго народа, схватывать звуки чуждаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастіе, которое хотя и не составляетъ положительнаго достоинства, но въ наши дни еще довольно рѣдко.

По этому, мы Русскіе вмѣстѣ съ читателями автора должны радоваться словамъ, которыми онъ заключаетъ свою книгу:

«Можетъ быть, авторъ еще разъ позволитъ себѣ, по Русскому обычаю, пригласить читателя на свою *хлѣбъ-соль*, если только передъ тѣмъ какой-нибудь рецензентъ не выдумаетъ утверждать, что послѣдней по крайней мѣрѣ очень мало видно въ этой книгѣ: *ne mica quidem salis*.

«Между-тѣмъ автору кажется кстати проститься съ читателемъ, и сказать для этаго Русское *proschtschai*, которое значитъ и *adieu* и *не взыщите!*»

Намъ съ своей стороны пріятно сказать автору: *до свиданія!*

Выписки наши были довольно многочисленны, потому-что мы считали долгомъ своимъ, сколько можно, познакомить нашихъ читателей съ книгою, любопытною для всякаго Русскаго, но къ сожалѣнію доступною, по языку своему, только весьма немногимъ изъ нашихъ соотечественниковъ.

II.

Говоря, въ концѣ прошлаго года, о личностяхъ, которыми наполняются Шведскія газеты, мы только глухо упомянули объ оскорбленіи, какое редакторъ одной газеты, г. Бланшъ, нанесъ сотруднику другой, г-ну Альмквисту, одному изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей въ Швеціи. Послѣ тѣ же

газеты стали публично разсуждать объ этой исторіи; и мы, основываясь на ихъ собственномъ, печатномъ свидѣтельствѣ, можемъ теперь съ достовѣрностію сказать, въ чемъ состояло упомянутое оскорбленіе. Сперва воюющія газеты съ ироническою таинственностію говорили о какомъ-то *crachat*, доставшемся г. Альмквисту, а потомъ безъ обиняковъ объявили, что г. Бланшъ, встрѣтясь съ этимъ писателемъ, въ одной гостинницѣ, наплевалъ ему въ лицо, послѣ чего г. Альмквистъ, «спрятавъ свое оскорбленіе въ карманъ», преспокойно уѣхалъ за-городъ. Вотъ до какихъ унизительныхъ сценъ можетъ доводить литературная вражда! Какой поучительный урокъ для литераторовъ во всей Европѣ! Впрочемъ это не безпримѣрный случай. Читателямъ, которые слѣдуютъ за новѣйшею Французскою литературой, вѣроятно извѣстно, что въ Парижѣ, нѣсколько времени тому назадъ, произошло что-то подобное. По этому какая-то газета въ Швеціи иронически замѣтила:» Шведскіе литераторы доказали, что не отстаютъ отъ своего вѣка.»

III.

Въ Швеціи политика въ послѣднее время почти совершенно поглотила литературу. Тамъ, въ 1842 году, было одно только чисто-литературное періодическое изданіе, именно, журналъ *Фрей*, который появлялся каждые два мѣсяца книжками довольно то-

ними. Чтобы дать лучшее направленіе умственной дѣятельности въ Швеціи, составилось недавно въ Стокгольмѣ *Литературное Общество*, намѣревающееся сохранить совершенную независимость отъ политическихъ споровъ и духа партій. Только-что средства позволятъ, Общество предполагаетъ не только приступить къ изданію ученаго журнала, но и назначить, для поощренія молодыхъ литераторовъ, нѣкоторую плату за каждую статью, которая доставлена будетъ ему для напечатанія. Сверхъ историческихъ, филологическихъ и другихъ статей, въ составъ каждой книжки журнала будутъ входить и вновь открываемые акты, относящіеся до Шведской исторіи. Уже Общество считаетъ до 200 членовъ, изъ которыхъ каждый вноситъ въ кассу его ежегодно по 10 банк. риксдалер. (18 руб. ас.) Однако жъ на первый случай оно ограничилось учрежденіемъ атенея или залы, куда члены его всякій день могутъ приходить для чтенія лучшихъ Европейскихъ журналовъ, и т. п.

Журналъ, подобный тому, какой задуманъ въ Швеціи, издается уже два года въ Финляндіи подъ заглавіемъ: *Suomi* (Финляндія) и заключаетъ въ себѣ очень много занимательныхъ статей; не смотря на то, число его подписчиковъ чрезвычайно ограниченно. Странное явленіе: Финляндцы по справедливости славятся своею образованностію, а никакое литературное предпріятіе у нихъ не удается.

IV.

Нѣкоторые Шведскіе публицисты настоятель
требуютъ, чтобы издатель той газеты, въ котор
Альмквистъ былъ сотрудникомъ, совершенно пере
нилъ составъ редакціи ея, такъ-какъ главный ред
торъ публично вступился за того, «чье лицо, ка
выразилась одна газета, недавно пользовавшееся поч
Европейскою извѣстностію, послужило песочнице
и такимъ образомъ совершенно потерялъ право на
вѣренность публики.

V.

Въ одной Неаполитанской газетѣ помѣщена
исходѣ 1841 г. статья о Шведскомъ поэтѣ *Тегнер*
Изъ этой статьи *Шведская Пчела* напечатала недав
нѣсколько извлеченій съ своими примѣчаніями И
ліанскій литераторъ между-прочимъ говоритъ: »
Упсалѣ видѣли однажды, что какая-то бѣдная же
щина положила на прилавокъ книгопродавца д
шиллинга (пять копѣекъ мѣдью) и за нихъ потре
вала сѣрый листъ бумаги, на которомъ самымъ гр
бымъ образомъ напечатана была пѣснь изъ «Ф
тіофа». Тегнеръ достигъ высшей степени уваженія
своемъ краю: когда онъ проѣзжаетъ изъ однаго го
да въ другой, то на дорогѣ безпрестанно его жду
нетерпѣливыя толпы народа, а во всякомъ домѣ,

да онъ заѣдетъ—вѣнки цвѣточные.« Пчела противъ этихъ словъ замѣчаетъ: »изъ этаго описанія видно, что рецензентъ приписываетъ Шведскимъ поселянамъ такой же восторгъ къ національной поэзіи, какой его собственные земляки нѣкогда оказывали Петраркѣ и Аріосту. Но Шведъ въ наше время не боготворитъ своихъ великихъ поэтовъ, не вѣнчаетъ ихъ въ какомъ-нибудь Капитоліи. Скорѣе можно сказать, что ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ сѣкутъ на публичной площади періодической литературы. Мнѣніе рецензента о »Фритіофѣ« (продолжаетъ Шведская Пчела) согласно вообще съ тѣмъ, какое раздѣляетъ нынѣ вся образованная Европа. Онъ не можетъ нахвалиться свѣжестью и оригинальностью поэмы, роскошью картинъ ея и стихотворною гармоніею. Сличая поэму съ первоначальною сагою *, онъ удивляется изобрѣтательности Тегнера. «Послѣднія строки Италіанской статьи и особливо слова: »Тегнеръ болѣе не пишетъ стиховъ» подали Шведской газетѣ поводъ къ слѣдующей любопытной выноскѣ: »Къ счастію, это не совсѣмъ справедливо. Ни его здоровье, которое въ последніе годы, къ сожалѣнію, часто было разстроено (оно однако жъ гораздо лучше, нежели какъ многіе люди стараются распространять), ни его усердная

* Редакція Современника надѣется представить вскорѣ переводъ если не цѣлой этой саги, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нея. Для читателей, знающихъ Тегнерову поэму, можетъ быть, любопытно будетъ увидѣть грубый матеріалъ, столь изящно обработанный Скандинавскимъ поэтомъ.

дѣятельность въ качествѣ епископа и начальника училищъ не уменьшили его любви къ музамъ и не подавили его поэтической производительности. Объ этомъ намекаютъ уже тѣ стихотворенія съ его подписью, которыя въ послѣднее время появлялись въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: ихъ пріемъ публикою доказываетъ, что любовь и энтузіазмъ націи къ ея первостепенному поэту не охладѣли. Но что *его* любовь къ искуству и къ родному краю не измѣнилась, это еще прекраснѣе обнаружится, когда онъ издастъ свою *Герду*—эту во многихъ отношеніяхъ исполинскую поэму, свою *Невѣсту*, своего *Пана* и множество другихъ еще не напечатанныхъ стихотвореній. Время ихъ изданія конечно еще далеко—этаго мы почти *желаемъ*, когда подумаемъ о той политической суматохѣ, которая теперь господствуетъ въ нашемъ отечествѣ, и о той литературной демократіи, которая съ нею неразлучна — но все-таки это время *когда-нибудь* наступитъ же. Можно ли ставить поэту въ вину, что при нынѣшнихъ невѣрныхъ обстоятельствахъ онъ замыкаетъ свои сокровища и, между-тѣмъ, какъ современники опасаются, что они уже истощились, готовитъ тѣмъ обильнѣйшій запасъ для потомства?«

VI.

Долго считалось, что въ Финляндіи столько жителей, сколько въ Лондонѣ; но теперь въ Лондонѣ

живетъ 1,870,000, а во всей Финляндіи только 1,446,000 человѣкъ.

VII.

Въ одной Финляндской газетѣ (издаваемой въ Борго) недавно помѣщена была переведенная съ Нѣмецкаго статья: «*Таганрогъ*». Черезъ десять дней та же статья появилась безъ всякаго измѣненія въ *Шведской Пчелѣ*, но тамъ уже не видно ни того, что это—переводъ, ни того, что онъ заимствованъ изъ Финляндскаго листа!

VIII.

Знаменитый Боско, по-видимому, чрезвычайно сильно поразилъ воображеніе нашихъ сѣверныхъ сосѣдей. Во время пребыванія его въ Стокгольмѣ, тамошнія газеты какъ будто наперерывъ старались показать свою изобрѣтательность въ разнообразіи статей, пестрѣвшихся именемъ Итальянскаго чародѣя. То же было и въ Гельсингфорсѣ, когда онъ здѣсь давалъ представленія.

IX.

Близъ Шведскаго города Лунда есть исправительная школа для мальчиковъ, сдѣлавшихъ какой-нибудь важный проступокъ. Она помѣщается въ боль-

шомъ каменномъ домѣ, содержится преимущественно на счетъ пожертвованій однаго частнаго лица и находится подъ надзоромъ профессора. Въ ней теперь еще только 12 мальчиковъ, которые учатся въ двухъ учебныхъ залахъ, а спятъ въ одной общей комнатѣ вмѣстѣ съ двумя учителями. Есть и больница на 5 кроватей. Въ одномъ изъ классовъ стоитъ маленькій органъ для пѣнія. Изъ ремеслъ въ школѣ этой учатъ только сапожному мастерству. Книга, въ которую записаны ученики, показываетъ, что почти всѣ они наказаны за воровство. Одинъ путешествовавшій профессоръ, посѣтивъ эту школу, замѣтилъ, что для поддержанія ея надобно было придумать для учениковъ такія занятія, которыя, научая ихъ полезнымъ промысламъ, въ тоже время были бы прибыльны для заведенія.

X.

Въ Москвитянинѣ за Августъ 1842 года посвящено нѣсколько строкъ двумъ Французскимъ литераторамъ, которые незадолго передъ тѣмъ пріѣзжали въ Россію. Такъ-какъ одинъ изъ нихъ значительною частію трудовъ своихъ принадлежитъ къ Скандинавскому міру и послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Швеціи посѣтилъ (прошлою весною) также Финляндію, то здѣсь не неумѣстно будетъ привести небольшое стихотвореніе, присланное намъ г-номъ Мармье съ дороги изъ Москвы въ Петербургъ,

тѣмъ болѣе, что и въ немъ отражается воспоминаніе о любимомъ краѣ путешественника, Скандинавскомъ сѣверѣ. Москвитянинъ напечаталъ нѣсколько стиховъ г. д'Арленкура; пусть Современникъ представитъ образчикъ поэтическаго таланта г-на Марміе.

Auprès de Valatschok il est un lac limpide,
Coupé par des ilots, voilé par le sapin,
Doux et riant à voir avec sa grève humide,
Sa surface argentée et son aspect serein.

La jeune fille y vient laver son front de neige,
Et le pêcheur gaiment parcourt ses flots d'azur;
On dirait un des lacs de Suède ou de Norvège,
Etoile de la terre et miroir d'un ciel pur.

Sur la rive un oiseau voltige, saute et chante,
Et cet oiseau m'a dit: viens ici, voyageur,
Viens le long des contours de cette eau qui serpente,
Respirer sous ces bois le calme et la fraicheur.

Entre avec le coeur franc, la parole loyale
Dans le village obscur et la riche cité,
Partout tu trouveras une voix cordiale
Et le pain et le sel de l'hospitalité.

Puis quand tu t'en iras, oh! porte dans ton âme,
Porte comme un parfum de ce pays lointain,
Le souvenir d'un mot, d'un sourire de femme,
Le nom cheri de ceux qui t'ont tendu la main.

Les hommes seuls entr' eux ont posé ces barrières
Qui s'effacent déjà, qui tomberont un jour,
Car du nord au midi tous les hommes sont frères,
La nature partout chante son chanz d'amour.

Вотъ еще два куплета изъ другаго стихотворенія того же автора, гдѣ онъ выразилъ ту благородную страсть, которая составляетъ источникъ его главной дѣятельности въ литературѣ:

Oh! voir, voir eune encor et l'espace et le monde,
Voir au nord, au midi sous les divers climats
Le sol aride et dur que le labeur féconde
Et le destin que l'homme accomplit ici-bas,

C'est le rêve enchanté qui m'agite et m'enflamme,
C'est l'étude sans fin qui jette en chaque lieu
La clarté dans l'esprit, l'émotion dans l'âme,
Nons instruit, nous corrige et nous ramène à Dieu.

XI.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на языкахъ Скандинавскаго и вообще Германскаго корня говорятъ: *теплый*, *теплота* (varm, va'rme), Русскій почти всегда употребляетъ болѣе энергическія слова: *горячій*, *жаркій*, *пламенный*, *пылкій*, *жаръ*, *огонь*. Шведъ, какъ и Нѣмецъ, говоритъ: »онъ выражается съ *теплотою*», *теплое* усердіе, *теплый* поцѣлуй, »тогда-какъ Русскій скажетъ:» съ *жаромъ*, съ *огнемъ*, *пламенное* усердіе,—

горячій поцѣлуй». А между-тѣмъ и на Германскихъ языкахъ есть слова:» haisz (het), feurig (eldig), но тамъ они употребляются несравненно рѣже, нежели у насъ. Отъ чего такая разница? Не должно ли искать ее въ различіи характера племенъ Германскихъ и племени Славянскаго? Не подтверждаетъ ли это замѣчаніе, которое неразъ уже было дѣлаемо — что Русскіе въ психологическомъ отношеніи сродни народамъ южной Европы?

XII.

Слова *по* и *отъ* находятся и въ Шведскомъ языкѣ въ качествѣ предлоговъ. Шведское *po* (произнос. *по*) значитъ обыкновенно *на*, а иногда и *по*, напр. *på fransycka*—по-французски. Что касается до Шведскаго *åt* (произнос. *отъ*), то замѣчательно, что его значеніе совершенно противоположно значенію Русскаго *отъ*. У Шведовъ оно значитъ *къ* или просто выражаетъ дательный падежъ. *At vester* значитъ къ *западу*. Иной охотникъ до гипотезъ могъ бы объяснить такое различіе географическимъ положеніемъ Россіи и Швеціи.

XIII.

Съ нѣкотораго времени въ Финляндіи начали печататься Русскія книги. Но до сихъ поръ это дѣлалось только въ Гельсингфорсѣ; теперь и въ Або

готовится первой и, сколько мы слышали, удачный опытъ тамошней типографіи въ печатаніи книгъ на Русскомъ языкѣ. Г. Дершау, извѣстный публикѣ небольшимъ, но подающимъ хорошія надежды сочиненіемъ: »*Финляндія и Финляндцы,*» нынѣ печатаетъ въ Або свои »*Записки покойнаго Колечкина*», которыхъ первая часть уже скоро будетъ готова къ выпуску въ свѣтъ. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: *Театралъ* (типъ), *Другъ нашего вѣка.—Русскій стихотворецъ* (типъ). *Женщина, какихъ много.—Петръ Ивановичь.— Картина Корреджіо.— Ай да Питеръ, вотъ ужъ точно съ позволенія сказать...* и *Нѣсколько словъ о покойномъ другѣ моемъ Шиндерѣ, бывшемъ журналистѣ Нѣмецкаго города N.* Остроуміе и живой, игривый тонъ расказа, которымъ во многихъ мѣстахъ отличается книга: »*Финляндія и Финляндцы*» даютъ намъ поводъ ожидать, что Абовская типографія новымъ сочиненіемъ г. Дершау доставитъ Русской публикѣ чтеніе пріятное. »*Записки Колечкина*» посвящены имени столь же извѣстнаго превосходными историческими трудами, какъ и военными заслугами Генералъ-Лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

Г. Дершау занимается также, какъ говорятъ, *Исторіею Финляндіи*. Это трудъ очень любопытный, но и не легкій. Чтобы удачно выполнить его, необходимо порыться прилежно въ Русскихъ и Шведскихъ архивахъ, потому-что въ самой Финляндіи только и есть два архива: Сенатскій въ Гельсингфорсѣ да Выборг-

скій; послѣдній можетъ служить развѣ только для изслѣдованія новѣйшихъ событій. Абовскія бумаги, безъ сомнѣнія чрезвычайно важныя для исторіи, истреблены къ несчастію пожаромъ 1827 года. Старые архивы въ Выборгѣ и въ Вазѣ также сгорѣли. Матеріаловъ же, имѣющихся въ печатныхъ сочиненіяхъ, вовсе недостаточно для составленія порядочной Исторіи Финляндіи. Вотъ почему мы и говоримъ, что г-ну Дершау, при этомъ трудѣ, нельзя обойтись безъ помощи архивовъ какъ въ Россіи, такъ и въ Швеціи. Желательно также, чтобы онъ не выпустилъ изъ виду той важной истины, что Финляндія не можетъ имѣть своей *отдѣльной* исторіи, такъ-какъ эта страна, съ самаго вступленія своего на политическое поприще, была постоянно въ зависимости отъ двухъ сосѣднихъ народовъ. Ея Исторія правильно можетъ быть представлена не иначе, какъ въ видѣ Исторіи войнъ и вообще политическихъ отношеній между Россіею и Швеціею.

(Продолженіе непремѣнно будетъ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ ГАЛЬВАНОПЛАСТИКИ КЪ ИСКУСТВУ ПРИГОТОВЛЯТЬ ЗЕРКАЛА ДЛЯ ТЕЛЕСКОПОВЪ.

Блестящее открытіе нашего академика Якоби, извѣстное подъ именемъ Гальванопластики, обратило на себя вниманіе многихъ отличныхъ Ученыхъ. Къ физикамъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ занимаются этимъ предметомъ, надобно причислить знаменитаго профессора и члена Мюнхенской Академіи наукъ Штейнгеля. Въ повременномъ изданіи Gelehrte Anzeigen herausgegeben von Mitgliedern der K. Bayer. Akad. der Wissensch. № 130, 1842, приводятъ весьма любопытныя извѣстія о послѣднихъ трудахъ Штейнгеля по части Гальванопластики. Упоминая о гальваническомъ способѣ золоченія Рюольца (Ruolz), Штейнгель говоритъ, что ему удалось такимъ образомъ золотить олово и цинкъ, хотя о возможности этаго сомнѣвалась Коммиссія Парижской Академіи Наукъ, разсматривавшая способъ Рюольца. Употребленіе позолоты на Дагеровыхъ изображеніяхъ, которыя чрезъ то выигрываютъ нѣсколько въ ясности, и защищаются отъ порчи чрезъ прикосновеніе и окисленіе, привело Штейнгеля еще къ болѣе важному приложенію Гальванопластики къ позолотѣ зеркалъ въ катоптрическихъ телескопахъ. Черезъ это не только зеркала лучше сберегаются, предохраняясь отъ окисленія, но

опытъ показалъ, что зеркала, принявши позолоту, даютъ изображенія рѣшительно лучшія, нежели прежде безъ позолоты. Всякой металлъ можетъ такимъ образомъ быть защищенъ отъ окисленія; то Штейнгелю пришла счастливая мысль дѣлать гальванопластическія копіи съ зеркалъ хорошихъ телескоповъ. Онъ дѣлалъ гальванопластическіе снимки изъ мѣди, и снимки эти имѣли столь же высокую степень политуры, какъ самыя зеркала, служившія оригиналами. Для сохраненія этой политуры, на снимки тотчасъ наводили блѣдную позолоту. Штейнгель уже приготовилъ такимъ образомъ нѣсколько зеркалъ для телескоповъ, и хотя они не имѣютъ еще вполнѣ желаемаго совершенства, однакожъ нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ и въ удобоисполнимости идеи Штейнгеля. Можно надѣяться, что это послужитъ къ умноженію телескоповъ и къ пониженію ихъ цѣны. Хотя трубы съ акроматическими стеклами съ выгодою замѣняютъ зеркальные телескопы, но когда такіе телескопы сдѣлаются дешевыми и прочными, то ничто не помѣшаетъ и имъ распространяться между многочисленными любителями Астрономіи. Здѣсь можно еще кстати замѣтить, что для упомянутой нами цѣли, столько же какъ и для другихъ употребленій, съ успѣхомъ можно вмѣсто Рюольцева способа употреблять прекрасный способъ, обнародованный недавно С. Петербургскою Академіею Наукъ.

С.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Географическій* АТЛАСЪ ДРЕВНЯГО МІРА, *приноровленный къ гимназическому курсу исторіи. Разсмотрѣнъ и одобренъ Совѣтомъ* ИМПЕРАТОРСКАГО *Санктпетербургскаго Университета. Составилъ* С. Барановскій. *Изданіе книгопродавца Ю. Юнгмейстера. Въ 4; 8 картъ, каждая на двухъ страницахъ.*

Знаніе дѣла и любовь къ нему ясно выказываются на произведеніи, какаго бы оно рода ни было. Это было первое впечатлѣніе наше, когда мы начали разсматривать Атласъ г. Барановскаго До него издано было на Русскомъ языкѣ нѣсколько атласовъ древняго міра, пособій необходимыхъ для изученія древней Исторіи. Но всѣ они, передѣлываемые съ готовыхъ иностранныхъ, или старинныхъ собственныхъ учебниковъ, не вводили положительно и отчет-

ливо въ науку, нерѣдко повторяя самыя ошибки перваго издателя. Чтобы сообщить труду современное достоинство, воспользовавшись разысканіями ученыхъ въ новѣйшія времена касательно древности, надобно было перечитать все, что по этой части написано, и съ помощію пріобрѣтенныхъ, собственныхъ знаній приступить къ составленію Атласа, новаго не по заглавію, а по сущности изложенія. Такимъ образомъ поступилъ авторъ разсматриваемаго учебника. Г. Барановскій, образовавшись въ Санктпетербургскомъ Университетѣ, нѣсколько лѣтъ постоянно собиралъ матеріалы для замышленнаго труда. Прочитавъ множество книгъ, касающихся топографіи и исторіи древнихъ народовъ, онъ составилъ свой Атласъ, который принесетъ несомнѣнную пользу учащимся. «Въ мой Атласъ «(говоритъ сочинитель) вошли названія только тѣхъ «мѣстъ, которыя чаще встрѣчаются въ исторіи. Я «старался сдѣлать его достаточнымъ для гимназиче«скаго курса, не испещряя лишними подробностями. «Обыкновенно, на Атласѣ древняго міра представля«ютъ каждую страну отдѣльно, не показывая, къ «какому времени относится чертежъ, и, большею ча«стію, обозначаютъ границы Римскихъ областей, а «не предѣлы царствъ, существовавшихъ въ древно«сти. Я старался по-возможности опредѣлить вре«мя, къ которому относится чертежъ, и дать понятіе «о состояніи разныхъ народовъ въ различные періо«ды ихъ существованія. Названіе одной и той же «страны бывало различно въ разныя времена, на-

«прим. *Троада* составляла въ послѣдствіи часть «малой *Фригіи*, потомъ называлась *Пергамомъ*, *Гел*«*леспонтомъ* и *Мизіею*. Такаго рода переименова«нія означены на моемъ Атласѣ. Кромѣ того, во «многихъ мѣстахъ, замѣчены годы, когда въ какомъ «мѣстѣ случилось что замѣчательное. Представляя «наглядно ходъ историческихъ перемѣнъ, этотъ «Атласъ можетъ облегчить изученіе древней исторіи «и служить вспомогательнымъ средствомъ при повто«реніи.» Изданіе исполнено отлично хорошо. Вотъ содержаніе Атласа: I. Египетъ и Сирія съ Палестиною. Прибавленія: a) Храмы Ерусалимскій и Египетскіе: b) Египетскіе іероглифы: c) планъ Ерусалима. II. Передняя Азія до Кира. Прибавленія: a) Видъ земли по понятіямъ Геродота: b) Страбона, c) Птоломея. III. Персидская монархія. IV. Греція и Греческія колоніи. A). Города въ восточной Греціи; B). Греція Пеласгійская; C). Населеніе Греціи въ XI стол. до Р. X.; D). Населеніе Греціи въ IX стол. до Р. X. V. Монархія Александра Великаго, и государства, изъ нея происшедшія. Прибавл. a) Греція послѣ Александра Великаго; b) Царства Птоломеевъ и Понтійское; c) и d) Барата варша или Джамбудвипа, т. е. Древняя Индія. VI. Республики Римская и Карѳагенская. Прибавл: a) Планъ Рима; b) Окрестности Рима; c) планъ Карѳагена; d) древнее населеніе Италіи. VII. Завоеванія Римлянъ. Прибавл: a) Планъ Константинополя; b) Планъ Спарты. VIII. Римская Имперія. Прибавленіе: Планъ Аѳинъ. Мы не упоми-

ıаемъ здѣсь о множествѣ другихъ интересныхъ подробностей, внесенныхъ авторомъ въ его атласъ, іто доставляетъ ему цѣну необыкновенную.

2 Священная Исторія. *Въ 8; 516 стран.*

Если бы въ этомъ сочиненіи расказъ событій Церковной исторіи не остановленъ былъ при концѣ Ветхаго Завѣта, то книгу можно бы назвать вполнѣ совершенною. Она обдумана съ такимъ вниманіемъ, изложена такъ увлекательно, и всѣ, вошедшія въ нее, части представляетъ такое согласіе и равномѣрность, іто нельзя не пожелать окончанія событій Новаго Завѣта въ подобномъ видѣ.

3. *Описаніе* Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго *музеума, составленное* Александромъ Востоковымъ. *Въ 4; III*, 899 *и* 3 *стран. (въ двѣ колонны)*.

При одномъ взглядѣ на этотъ новый подвигъ неутомимаго знатока Русскихъ Древностей чувствуешь и благодарность и удивленіе. А. Х. Востоковъ окончилъ великое дѣло, трудъ неимовѣрный. Онъ долженъ былъ не только пересмотрѣть или пробѣжать, но изучить 473 связки рукописей. Съ какою изумительною отчетливостію передаетъ онъ все, что только нужно, полезно или даже любопытно знать любителю о каждой изъ сихъ рукописей! Съ помощію

его описанія вы въ состояніи будете, никогда не посѣщавъ музеума, предложить самую занимательную, самую ученую исторію манускриптовъ его.

«Описанное здѣсь собраніе рукописей (говоритъ авторъ) составлено покойнымъ Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ. Въ этомъ собраніи находятся рукописи двоякаго рода: во-первыхъ, рукописи старинныя и подлинники, во вторыхъ, списки снятые для Графа Николая Петровича. Послѣдніе во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнны не менѣе первыхъ. Какъ тѣ, такъ и другія рукописи пріобрѣтены были покойнымъ Графомъ большею частію въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ преимущественно сталъ заниматься собираніемъ Русскихъ Древностей. Случаи къ покупкѣ старинныхъ рукописей представлялись ему особенно при ежегодныхъ поѣздкахъ его въ Гомель, въ Москву, по разнымъ монастырямъ и на Нижегородскую ярмонку. Въ то же время давалъ онъ списывать для себя копіи со всѣхъ попадавшихся ему рѣдкихъ или по чему-либо важныхъ письменныхъ памятниковъ, которые не могъ пріобрѣсти въ подлинникѣ, и такимъ образомъ соединилъ въ библіотекѣ своей сокровища разныхъ библіотекъ: Московской Синодальной, Новгородской Софійской, Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ, и другихъ.

«Мнѣ поручено было покойнымъ Канцлеромъ сдѣлать описаніе этимъ рукописямъ, и я провелъ нѣсколько лѣтъ надъ трудомъ, который предлагается здѣсь любителямъ Русскихъ Древностей. За изданіе этой книги читатели должны быть благодарны Господину Министру Народнаго Просвѣщенія Сергію Семеновичу Уварову, доставившему средства къ напечатанію оной.

«Каталогъ сей расположенъ по азбучному порядку заглавій, а не по форматамъ и не по содержанію рукописей. Я предпочелъ бы раздѣлить каталогъ рукописей по содержанію на отдѣленія Богословія, Исторіи и т. д., если бы въ одной и той же рукописи не содержалось часто разнородныхъ частей, и къ Богословію и къ другимъ предметамъ относящихся. Но между нѣсколькими рукописями, носящими одно заглавіе, первенство отдавалъ я той, которая старѣе. Читатель усмотритъ, что въ выпискахъ, сдѣланныхъ мною изъ рукописей, соблюдены въ точности всѣ старинныя формы языка, особенности правописанія, словосокращенія и титлы, и даже ошибки безграмотныхъ писцовъ, которые знающій легко поправитъ. Происходящая отъ того пестрота въ чтеніи будетъ сначала затруднительна для непривычныхъ глазъ; но она не остановитъ любопытнаго. Главное здѣсь точность. Палеографъ долженъ передавать описываемую имъ старину въ подлинномъ ея видѣ, безъ всякихъ прикрасъ или поновленій.

»При каждой рукописи показывалъ я форматъ ея, почеркъ, вѣкъ или годъ, ежели онъ выставленъ, и правописаніе; а также и матеріалы, ежели рукопись на пергаминѣ. Не имѣющія отмѣтки *перг.* писаны на тряпичной бумагѣ. На бомбицинѣ же (т. е. на хлопчатой бумагѣ) нѣтъ ни одной рукописи въ Румянцовскомъ музеумѣ.

»Почеркъ въ рукописяхъ бываетъ уставный, полууставный и скорописный. Уставный почеркъ или уставъ различается по вѣкамъ. Различная форма буквъ его служитъ довольно вѣрнымъ признакомъ большей или меньшей древности рукописи. Различіе сіе является особенно въ буквахъ *ж*, *з*, *ч*. (коихъ особенная древняя форма показана у г. Востокова). Полууставъ, составляющій средину между уставомъ и скорописью, появляется въ концѣ XIV вѣка и наиболѣе употребителенъ въ XV и XVI в. Въ половинѣ XVI в. входитъ въ употребленіе скоропись, которая наконецъ въ XVII в. дѣлается господствующимъ почеркомъ.

»Правописаніе показано Русское, Болгарское и Сербское (Авторъ здѣсь объясняетъ, въ чемъ состоитъ между ними главнѣйшее различіе).«

Читатели наши въ состояніи будутъ судить еще яснѣе о богатствѣ и занимательности матеріаловъ, наполняющихъ эту книгу, если мы представимъ хоть

один образецъ, какъ авторъ описываетъ рукописи. Вотъ онъ (стран: 631).

»№ CCCCVII. Собраніе *нѣкоторыхъ рукописей* »*принадлежащихъ къ свѣденію для Россійской Исторіи* »въ 4-ку 41 л.

»Подъ симъ заглавіемъ помѣщены списанныя »для Г. Канцлера слѣдующія статьи.

»Л. 1. *Собраніе писемъ Святаго Димитрія Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго.*—32 письма къ отцу Ѳеологу (вѣроятно къ тому, о коемъ помѣщено извѣстіе въ Словарѣ Историческомъ о писателяхъ духов. чина) большею частію по предмету составленія чети-Миней, писанныя изъ разныхъ мѣстъ отъ 1697 до 1707 года.

«—9. *Копія съ подлиннаго письма писаннаго собственною рукою Преосвященнѣйшаго Стефана Митрополита Рязанскаго къ Преосвященнѣйшему Тихону Митрополиту Казанскому.* Поручаетъ себя его молитвамъ, и пр. Писано изъ Санктпетербурга 1721 года Августа 12 дня.

«—9 на оборотѣ. *Посланіе Преосвященнѣйшаго Стефана Яворскаго Митрополита Рязанскаго и Муромскаго къ Преосвященнымъ Алексію Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому.* Изъ

«Москвы въ С. Петербургъ 1718 г. — пишетъ къ «симъ Преосвященнымъ, которые призваны были въ «С. П бургъ для посвященія Архіеревъ на вдов«ствующіе Престолы, чтобъ они донесли Государю о «препятствіяхъ къ посвященію въ Архіереи Іеромо«наха Θеофана Прокоповича. Препятствія сіи состоятъ «въ томъ, что Θеофанъ преподавалъ новое ученіе, не «согласное съ церковнымъ. Въ доказательство сего «выписываются изъ сочиненій его разные пункты. «Въ заключеніи приложенъ *образецъ отрицанію*, кото«рое надлежитъ взять съ Θеофана, при посвященіи «его въ Архіереи, что онъ противное Церкви уче«ніе свое отвергаетъ и проч.

«*Л.* 12. *Краткой лѣтописецъ града Углича*. Сна«чала предисловія, въ коемъ объявляетъ сочинитель, «что онъ составилъ лѣтописецъ сей *изъ Исторіи о «раззореніи онаго града Углича отъ Поляковъ съ крат«каго Историческаго описанія, такожде съ Географи«ческаго Лексикона* (смотри лит. л.), *изъ житія бла«говѣрнаго князя Романа и изъ житія благовѣрнаго «Цесаревича Димитрія и изъ древняго Московскаго Лѣ«тописца, который сочиненъ отъ начала царствованія «Феодора Іоанновича*.

«Въ концѣ сказано: *сей лѣтописецъ писанъ Угли«ческимъ Гражданиномъ В. М. въ лѣто* $\frac{7130}{1622}$. Въ озна«ченномъ здѣсь году, можетъ быть, писана была «Исторія о разореніи Углича отъ Поляковъ, на ко-

торую ссылается сочинитель въ предисловіи, и которую онъ, какъ кажется, внесъ всю въ свой лѣтописецъ; но составленіе лѣтописца относится конечно къ концу XVIII вѣка, когда въ предисловіи упоминается о Географическомъ Лексиконѣ.»

Точно въ такомъ же объемѣ и съ этою же внимательностію къ каждому обстоятельству дѣла г. Востоковъ продолжаетъ разсматривать и описывать въ приведенномъ здѣсь № рукописи листы: 30, 33, 34, 35, 37, 38 и 49. Изъ примѣра сего можно понять, отъ чего описаніе 473 NN рукописей потребовало огромнаго квартанта почти въ тысячу двойныхъ страницъ.

Желая доставить любителямъ Древностей всѣ удобства для полезнаго употребленія своей драгоцѣнной книги, авторъ не устрашился труда еще присочинить къ ней самый полный и самый обстоятельный *Алфавитный Указатель* каждаго имени и каждаго предмета, упоминаемыхъ въ описаніи. Мы долгомъ почитаемъ представить и отсюда указаніе хоть однаго имени для образца отчетливости сочинителя.

«Сигизмундъ III Король Польскій. Переписка его съ Самозванцемъ (N XXI). Грамота его городу Новому Каменцу 1593 г. (стран. 121). Привиллегія мѣщанамъ Могилевскимъ 1605 г.; также грамота

«жалов. городу Стародубу на право Магдебургское «1620 г. (стран. 139).»

Въ Алфавитномъ Указателѣ своемъ г. Востоковъ, при словѣ Рукописи, обозначилъ, сколько NN и именно которые изъ нихъ какому принадлежатъ столѣтію, такъ, что здѣсь однимъ взглядомъ любопытствующій наблюдатель можетъ составить безошибочную оцѣнку сокровищамъ, описаннымъ въ книгѣ. Вотъ нѣсколько указаній, составленныхъ по исчисленію автора: Рукописей XII вѣка (старѣе нѣтъ) въ Румянцовскомъ музеумѣ только *три*; XIII в. *девять*; *XIV* в. *пятнадцать*. Наибольшее число ихъ означено въ XVII вѣкѣ.

Если бы Рукописи и другихъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи библіотекъ описаны были съ подобнымъ знаніемъ дѣла, съ этою добросовѣстностію и истинною любовію къ наукамъ, то сильно подвинулись бы у насъ труды историческіе. Пока всѣ сокровища филологіи, литературы и исторіи не указаны будутъ трудящимся на этомъ поприщѣ, до тѣхъ поръ въ ихъ успѣхахъ ежегодно должны открываться пропуски, неточность и много подобныхъ недостатковъ.

4. Послѣдній Хеакъ. *Поэма* В. Зотова. *Въ* 8; 66 *стран.*

Посвятивъ свою поэму памяти Пушкина, Марлинскаго и Лермонтова, сочинитель высказалъ, хотя не прямо, но довольно ясно, свою идею о поэзіи. Для него все то поэзія, что выходитъ изъ естественныхъ границъ и поражаетъ преувеличенностію, даже при совершенномъ отсутствіи истины. Иначе, какъ можно на одну поставить линію три рода успѣховъ, не заключающихъ въ себѣ ничего общаго? Видно, что идею чистаго искуства авторъ Хеака не отдѣлилъ еще отъ призраковъ, принимающихъ образъ его. Пушкинъ и Марлинскій, два современные писателя, представляютъ двѣ противоположности во всемъ: въ воспріятіи образовъ и мыслей, въ краскахъ и характерѣ картинъ, во внутренней и внѣшней жизни дѣйствующихъ лицъ, словомъ: во всѣхъ отношеніяхъ искуства къ его источнику—природѣ. Пушкинъ еще въ дѣтствѣ былъ поэтъ, не по однимъ ощущеніямъ, но поэтъ, представившій много счастливыхъ опытовъ литературныхъ. Разсматривая первыя его произведенія, удивляешься, какъ въ то уже время онъ понималъ и чувствовалъ поэзію. Совершенствуя ее, въ отношеніи къ языку и истинѣ созданій, онъ возвелъ у насъ искуство на такую степень, на которой оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ ума, озареннаго чистымъ свѣтомъ истины, и сердца, согрѣтаго чувствомъ. На этой степени нашелъ поэзію нашу Лермонтовъ — и прекрасно постигнулъ то, что сознавалъ и, такъ сказать, завѣщалъ великій его предшественникъ. Можетъ быть, если бы судьба не лишила насъ преждевремен-

но и этаго счастливаго таланта, онъ внесъ бы въ область искуства, не изводя его изъ законнаго владѣнія, новый характеръ и собственное направленіе, неотъемлемыя черты самобытнаго дарованія; но Лермонтовъ только и остался при томъ, что послѣ Пушкина вѣрнѣе всѣхъ слѣдовалъ его идеѣ искуства. Марлинскій, напротивъ, началъ подражаніемъ ошибкамъ новѣйшаго вкуса въ Англійской и Французской литературѣ— и кончилъ собственнымъ нарушеніемъ первыхъ законовъ искуства: естественности и простоты. Его изысканный языкъ, неестественность въ положеніяхъ, страсть ко всему, что, на подобіе искуственныхъ огней, вспыхиваетъ, мелькаетъ и производитъ минутный трескъ, обнаруживаетъ, что онъ никогда не чувствовалъ истинной поэзіи и даже понималъ ее ложно. На его дорогу и теперь иногда сбиваются писатели безъ дарованій, безъ истиннаго чувства и не получившіе хорошаго вкуса. Эта самая коротенькая характеристика Пушкина, Марлинскаго и Лермонтова даетъ намъ право думать, что сочинитель разсматриваемой здѣсь поэмы не успѣлъ еще постигнуть надлежащимъ образомъ первоначальныхъ истинъ того искуства, которому, кажется, посвящаетъ себя. Дѣйствуя безъ надежной опоры, онъ идетъ, ежечасно подвергаясь ошибкамъ. Онъ смѣшиваетъ всѣ понятія, безотчетно попадаетъ во всѣ крайности и ищетъ совершенства на удачу, не выразумѣвъ и не опредѣливъ его въ сознаніи. Этимъ только изъяснить можно неровность его произведенія, составленнаго какъ будто не одною рукою.

5. **Мать-Испанка.** *Драматическое представленіе. Въ* 8; 62 *стран.*

Напрасно вы будете искать здѣсь истины мѣстной, т. е. нравовъ, характеровъ, жизни и проч.: нѣтъ и *подобія* ихъ. Что же сказать о пьесѣ? Безподобная!

6. **Сплетни.** *Переписка жителя луны съ жителемъ земли, издаваемая дворяниномъ* Кукарику. *Тетради:* I и II. *Въ* 4; 28 *стран.*

7. II. **Письмо на луну.** III. **Письмо на луну.** *Въ* 4; *отъ* 29 *до* 52 *стран.*

Оба выписанныя нами названія относятся къ одному и тому же предпріятію. Кому-то вздумалось, подъ именемъ дворянина *Кукарику*, печатать все, что ему кажется остроумнымъ или смѣшнымъ. Но авторъ упустилъ изъ виду, что самое смѣшное становится утомительнымъ, когда не составляетъ полной картины, или не служитъ по крайней мѣрѣ приправою серьёзнаго,

8. **Ариометика.** *Учебное Руководство для учениковъ Марьинской школы практическаго земледѣлія и ремеслъ графини С. В. Строгановой. Въ* 8; 92, 28 *и* 12 *стран.*

9. Маркшейдерское искуство. *Учебное руководство съ чертежами для воспитанниковъ школы горнозаводскихъ наукъ графини С. В. Строгановой. Въ 8; 31 стран.*

10. Пробирное искуство. *Учебное руководство для воспитанниковъ школы горнозаводскихъ наукъ графини С. В. Строгановой. Въ 8; 34 стран.*

Отъ разсматриваемыхъ нами трехъ учебниковъ возникаетъ много утѣшительныхъ мыслей. Попечительностію частной особы процвѣтаютъ училища, благотворно дѣйствующія на образованіе такаго класса людей, который наиболѣе въ томъ нуждается. Искуства, которыхъ успѣхи предоставлялись нѣкогда случайности, навыку, наглядкѣ, теперь приводятся къ истиннымъ началамъ и къ систематическому знанію. Образователи въ заведеніяхъ сихъ, понимая специальность своей цѣли, составляютъ учебники, принаровленные къ ея достиженію. И это не какія - нибудь жалкія компиляціи, а книги, убѣждающія, что ихъ сочинители отлично хорошо понимаютъ свое призваніе. Все это вмѣстѣ заставляетъ думать, какихъ благъ полна будущность Россіи, когда въ ней столько доблестныхъ вельможъ обратятъ избытки своихъ сокровищъ на образованіе юношества, соотвѣтственно разнымъ потребностямъ мѣстности и народонаселенія!

11. *Практическое* руководство къ Шведскому языку, *изданное* Яковомъ Лангеномъ. *Въ* 8; 134 *стран.*

Давно мы нуждаемся въ руководствѣ къ познанію языка, который и литературою своею и сосѣдствомъ народа, имъ говорящаго, для насъ составляетъ необходимый предметъ изученія. Всѣ жители городовъ Финляндіи, тамошнее дворянство, духовенство и множество цѣлыхъ областей говорятъ, пишутъ и читаютъ только по-Шведски. Мы до тѣхъ поръ не можемъ распространить между ними собственнаго языка, пока сами не будемъ судить о Шведскомъ и его произведеніяхъ, не по отзывамъ иностранцевъ, а какъ непосредственные его знатоки. Издатель Современника, время отъ времени, представляетъ читателямъ своимъ указанія на Шведскую литературу и умственную жизнь въ Финляндіи. Они могутъ судить, какой для насъ хранится интересъ въ этой новой сокровищницѣ духа, почти не раскрытой для Россіи. Вотъ почему на книгу г. Лангена мы желали обратить особенное вниманіе. Но она къ сожалѣнію такъ неотчетливо составлена, такъ не полна, что едва ли кому-нибудь послужитъ въ пользу.

12. Правила ѣзды рысистыхъ лошадей, *сочиненіе* Сергѣя Шишкина. *Въ* 12; 44 *стран.*

Авторъ, какъ видно изъ его сочиненія, хорошо изучилъ искуство, для котораго рѣшился написать правила. Нельзя не признать полезною книги его, достигающей той цѣли, для которой она издана.

13. *О средствахъ* улучшенія пеньковой промышленности *во всѣхъ ея отрасляхъ. Составлено* А. Бутовскимъ *и напечатано по приказанію Министра Финансовъ. Въ* 8; 200 *стран. съ приложеніями.*

Пеньковая промышленность составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей нашей національной промышленности. Ея улучшеніе благотворно дѣйствуетъ на безчисленное множество промышленниковъ. И такъ не удивительно, что, по распоряженію ближайшей къ этому дѣлу власти, напечатана книга, о которой мы говоримъ. Она дѣйствительно обнимаетъ и ведетъ къ улучшенію всѣ разновидныя отрасли пеньковой промышленности.

II.

Напечатаны дальнѣйшія части слѣдующихъ книгъ, которыя, при появленіи ихъ первыхъ частей, уже были разсмотрѣны въ предыдущихъ томахъ Современника.

14. *Историческое описаніе* одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, *составленное по* Высочайшему *повелѣнію.* Часть вторая. *Въ листъ;* 208 *и XXX стран.*

15. Рисунки *къ историческому описанію одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, составленному по* Высочайшему *повелѣнію.* Часть вторая. *Въ листъ;* 141 *рисун.*

XXVI т. Современ., 32 стран., *первой нумераціи.*

16. Исторія Петра Великаго. *Съ* 500 *оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ.* Выпуски: 9, 10 и 11. *Въ* 8; *стран. отъ* 257 *до* 353.

XXV т. Современ., 22 стран., *первой нумераціи.*

17. Памятникъ искуствъ. XII, XIII и XIV книжки. *Въ* 8; *съ тремя картинками.*

Въ XXIII т. Современ., на 32 стран. первой нумераціи, изложено мнѣніе наше объ этомъ изданіи. Оно продолжается въ прежнемъ направленіи. Въ одной изъ книжекъ, вышедшихъ нынѣ, пріятно заняла насъ статья: *Указатель находящихся въ Санктпетербургской* Императорской *Академіи Художествъ произведеній, по алфавиту именъ художниковъ и предме-*

товъ. Содержаніе статьи составляетъ предметъ, ближе всего относящійся къ изданію Памятника. О произведеніяхъ Русскихъ художниковъ обыкновенно говорятъ въ журналахъ не болѣе разу въ три года. т. е. во время публичной выставки. Эти отзывы, какъ извѣстно, не приносятъ существенной пользы художникамъ, потому-что не содержатъ положительныхъ и вѣрныхъ указаній на недостатки или совершенства произведеній. Въ Памятникѣ насъ изумили характеристики нѣкоторыхъ художниковъ. Онѣ показываютъ такое знаніе дѣла, содержатъ такія вѣрныя и тонкія замѣчанія, что ни литераторами, ни художниками не должны быть пропущены равнодушно. Тѣмъ болѣе надобно обратить на нихъ вниманіе, что онѣ касаются первыхъ нашихъ талантовъ. Желая ввести читателей Современника въ кругъ этихъ новыхъ и чистыхъ идей, мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь характеристику *К. П. Брюлова*.

»Еще самыя первыя работы Брюлова (говоритъ авторъ) предвѣщали въ немъ хорошаго художника, но конечно никто не подозрѣвалъ той степени, до которой дарованія возвысили его въ послѣдствіи. Ходъ ихъ развитія и совершенствованія имѣлъ свою послѣдовательность; но онъ совершался не передъ глазами нашего общества. Италія была первымъ и настоящимъ поприщемъ, на которомъ въ трудахъ возмужали способности его. Нѣкоторыя присланныя имъ оттуда произведенія, и особенно превосходная копія

съ Рафаэлевой Аѳинской школы, уже успѣли поставить его высоко въ художественномъ мірѣ. Но число цѣнившихъ Брюлова прямо по достоинству было весьма ограниченно. Извѣстность артиста еще не переходила на степень знаменитости. Силу его способностей относили къ разряду замѣчательныхъ дарованій—и вдругъ однимъ шагомъ онъ далеко отдѣлился отъ круга своихъ сотоварищей по искуству, и сталъ на ту высоту, куда достигать суждено немногимъ счастливцамъ. Этотъ шагъ былъ имъ сдѣланъ картиною: »Послѣдній день Помпеи». Въ этомъ произведеніи онъ разомъ выразилъ не только высшее искуство мастера въ технической части своего дѣла, но могущественную мыслительность, силу воображенія и разнообразіе познаній. Въ немъ краснорѣчиво начертано не одно исполненіе художественной задачи, но, можно сказать, цѣлая теорія, огромный трактатъ, заключающій въ себѣ философію и практику искуства: такъ видны въ картинѣ личныя убѣжденія художника и характеръ его взгляда. Такаго рода явленіе совершилось тѣмъ болѣе поразительно, что вообще всѣ съ довольно давней поры привыкли видѣть искуство въ одной и той же колеѣ, какъ вдругъ явилась его громадная картина съ неотразимою и убѣждающей силой впечатлѣнія, которое, конечно, живо начертано въ воображеніи читающихъ эти строки. Вліяніе Брюлова на Русскую живопись утвердилось. Слѣдовательно, картина «Послѣдній день Помпеи» можетъ быть разсматриваема, какъ полное выраженіе понятій

К. П. Брюлова объ искуствѣ въ извѣстное время, и должна служить исходною точкой всѣхъ объ немъ сужденій. Здѣсь любопытно упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которыя приняты многими художниками и цѣнителями. Большею частію они заключаются въ томъ, что рисунокъ К. П. Брюлова не имѣетъ античнаго совершенства и строгости, что въ его живописи нѣтъ настоящей карнаціи, что въ выраженіи головъ онъ еще не возвышается до идеала, что въ сочиненіи и расположеніи фигуръ и группъ онъ не руководствуется единствомъ массъ и ихъ постепенности. Всѣ эти мнѣнія обнаруживаютъ въ ихъ послѣдователяхъ весьма похвальное уваженіе къ правиламъ первоклассныхъ мастеровъ, но не могутъ имѣть ничего общаго съ рисункомъ, живописью и сочиненіемъ К. П. Брюлова. Обратите вниманіе на каждую изъ его фигуръ. Между ними вы найдете всевозможное разнообразіе возрастовъ, состояній и пола. Есть ли хоть въ одной изъ нихъ хотя малѣйшій характеръ, который бы наводилъ на мысль, что художникъ желалъ изобразить въ одной идеалъ юноши, въ другой идеалъ старца, въ третьей идеалъ красавицы, и т. д.? Нигдѣ этаго не видно; напротивъ, каждая фигура есть явное доказательство, что Брюловъ даже избѣгаетъ всего того, что малѣйше могло походить на типичность изображенія. Не Аполлоновъ, не Антиноевъ хотѣлъ онъ представить, но изображалъ природу во всей ея неизысканной прелести И онъ достигъ своей цѣли. Въ картинѣ его видны не фигуры, но люди.

Что касается до мнѣнія, будто въ живописи Брюлова нѣтъ настоящей карнаціи, то должно замѣтить, что поводомъ къ такому заключенію служитъ часто употребляемый художникомъ сильный манеръ освѣщенія, который даетъ предметамъ чрезвычайную рельефность, но изобиліемъ свѣта на однѣхъ частяхъ и отраженіями въ полутонахъ дѣйствительно, и весьма естественно, производитъ разницу съ прямымъ освѣщеніемъ. О карнаціи же старыхъ картинъ, получившихъ отъ времени особенный, нерукотворный характеръ, и наводящихъ иныхъ на сравненія съ Брюловымъ, было бы здѣсь странно и говорить. Изъ всего этаго видно, что отсутствіе требуемыхъ условій въ картинѣ Брюлова не только не составляетъ недостатка, но даже первое его достоинство: въ ней, для изображенія природы, онъ избралъ ее же своимъ образцомъ. Того требовала мысль его созданія. Всѣ же остальныя требованія относительно идеальности выраженія и формъ пали сами собой, когда, оставивъ земное земному, творческая мысль Брюлова перенесла на холстъ видѣнія инаго міра. Слишкомъ трудно, если только возможно, передавать словомъ тѣ достоинства художника-творца, которыя со временемъ должны пріять силу закона, составить украшеніе вѣка и славу страны. Достаточно упомянуть, что знаменитѣйшія главы Европейской живописи, въ самой блестящей порѣ своего развитія, представляли всегда болѣе или менѣе одностороннія достоинства. Кому неизвѣстно, что Рафаэль не отли-

чался колоритомъ, Корреджіо рисункомъ, Микель Анджело естественностію, Рубенсъ простотою и т. д., тогда-какъ въ развитіи Карла Брюлова видно во всемъ изумительное согласіе: его сочиненіе, рисунокъ, живопись, освѣщеніе, стиль, все идетъ объ руку, въ строгой соотвѣтственности и подчиненности его генію. Ко всему этому должно еще присовокупить цѣлую будущность зрѣлости таланта, той эпохи, которая возводитъ художника на высшую степень развитія его способностей, хотя иногда и отъемлетъ тотъ пылъ, тотъ избытокъ воображенія и чувствительности, изъ которыхъ проистекаютъ созданія, обаятельныя по необыкновенной наивности, простотѣ вымысла, либо по безконечной нѣжности исполненія. Трудно опредѣлить, куда поведетъ его эта зрѣлость, и означить граничную черту его успѣховъ. Кажется, есть одинъ общій законъ природы, по которому ограниченный глазъ требуетъ извѣстнаго пространства, какъ необходимаго условія, для того, чтобы созерцать какое-нибудь огромное физическое явленіе. Не повторяется ли тоже самое и передъ феноменами нравственнаго міра? Такъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ мудрено предузнать путь, прокладываемый геніемъ. Прогоритъ ли онъ, какъ одинокое свѣтило, въ лучахъ своего величія, или, какъ благотворный свѣтъ солнца, сойдетъ и озаритъ собою темные тайники искуства? Кажется, явленіе Брюлова въ этомъ отношеніи двояко; по крайней мѣрѣ, вотъ уже осьмой годъ со времени его возвращенія изъ Италіи, какъ

характеръ преподаванія и общее направленіе, особенно молодыхъ талантовъ, измѣнилось во многомъ. Но о художникѣ еще нельзя вполнѣ судить по его вліянію на школу, потому что собственно школы всегда состоятъ подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ: мѣрило его достоинствъ въ заслугахъ личныхъ.

18. **Труды Императорской Россійской Академіи. Часть V.** *Въ 8; 254 стран.*

Въ этой книжкѣ, которою оканчиваются труды бывшей Россійской Академіи, напечатаны статьи уже большею частію извѣстныя публикѣ: нѣкоторыя изъ нихъ изданы были отдѣльными брошюрами, а другія встрѣчались въ журналахъ.

19. **Картинки Русскихъ нравовъ. Книжка III и IV.** *Въ 32; 54 и 94 стран.*

Игрушечное изданіе это началось перепечатаніемъ двухъ статей, когда-то явившихся въ газетѣ или журналѣ. Вотъ почему въ XXVII т. Соврем. мы принуждены были отнести эти книжечки въ разрядъ *новыхъ изданій*. Ихъ продолженіемъ служатъ двѣ новыя статьи: *Петергофскій праздникъ,* описанный стихами И. П. Мятлева, и *Невскій Пароходъ* прозою А. Н. Греча. Въ подобныхъ предпріятіяхъ вся цѣнность зависитъ отъ картинокъ, которыхъ здѣсь очень много. Мода на нихъ истинная гибель для литера-

туры. Глаза не останавливаются на текстѣ при пестротѣ каррикатурныхъ фигурокъ. Издатель беззаботно все тиснетъ, къ чему можно приклеить картинку.

20. *Краткій отчетъ по* учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ, *состоящимъ подъ* Высочайшимъ *покровительствомъ и непосредственнымъ управленіемъ* Ея Величества Государыни Императрицы, *представленный Статсъ-Секретаремъ* Лонгиновымъ *за* 1841 *годъ. Въ* 8; 43 *стран.*

XXV т. Современ., стран. 35, первой нумераціи.

21. Горный словарь, *составленный* Григоріемъ Спасскимъ. Часть вторая. О — С. *Въ* 8; 272 *стран.*

XXIV т. Соврем., 122 стран., первой нумераціи.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. Тоскана и Римъ въ 1838 и 1839 годахъ. *Письма изъ Италіи, сочиненіе* М. Пужула. *Перев.* В. В. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 8; 232 *и* 243 *стран.*

Можно всю Италію покрыть бумагой, если собрать то, что на разныхъ языкахъ о ней писано. Это однако же не причина, чтобы ужъ и пора перестать описывать ее. Дѣло только въ талантѣ — а этаго чаще всего и не достаетъ въ толпѣ путешественниковъ. Они не только повторяютъ давно сказанное другими, но часто выдаютъ за новость и самыя ошибки другихъ. Съ переводчикомъ писемъ объ Италіи случилось двѣ бѣды: во-первыхъ онъ выбралъ однаго изъ писателей, которыхъ по-Русски называютъ дюжинными, а во-вторыхъ Французской языкъ, какъ видно, еще не совсѣмъ ему дался. Можно послѣ этаго вообразить, какаго достоинства вышла книга его.

II.

2. **Политическая и военная жизнь Наполеона.** *Сочиненіе Генералъ-Адъютанта* Барона Жомини, *переведенное съ Франц. Генеральнаго Штаба капитаномъ* Линдфорсомъ. **Часть шестая.** *Въ* 8; 861 *стран.*

На эту книгу переводчикъ употребилъ и трудъ свой и познанія достойнымъ образомъ. Онъ изданіемъ ея шестой части кончилъ предпріятіе, за которое всегда останутся ему благодарны просвѣщенные читатели. Сколько здѣсь изображено великихъ событій и сколько раскрыто ихъ причинъ! Сюда внесены собственныя записки Героя, котораго жизнь послужила содержаніемъ сочиненію.

3. **Шекспиръ.** *Съ Англійскаго.* Н. Кетчера. **Выпускъ десятый.** *Генрихъ VIII. Въ* 8; *съ* 161 *до* 287 *стран.*

XXIV т. Соврем., 132 стран. первой нумераціи.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта, *изданная Андреевскаго Собора священникомъ* Василіемъ Полянскимъ. Изданіе третіе. *Исправленное и дополненное. Въ* 12; 73 *стран.*

2. Драматическія сочиненія и переводы Н. Полеваго. *Двѣ части. Въ* 12; 435, 589 *и XIII стран.*

Историкъ, Критикъ и Драматикъ, г-нъ Полевой осуществилъ собою столь извѣстный миѳъ Героя, о которомъ нѣкогда сказалъ Поэтъ:

«Вездѣ равно славенъ,
«Во всемъ себѣ равенъ;
«Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ.«

3. *Начальныя правила* Русской Грамматики, *изданныя* Николаемъ Гречемъ. Изданіе девятое. *Въ* 8; *144 стран.*

4. *Дѣтская учебная книжка, или* новая азбука, *составленная изъ картинокъ съ поясненіемъ оныхъ.* Изданіе второе. *Въ* 16; *158 стран.*

5. Чтенія для умственнаго развитія *малолѣтныхъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составлены* Егоромъ Гугелемъ. Шестое изданіе, *исправленное и дополненное. Въ* 8; 155 *стран.*

6. Самоучитель Нѣмецкаго языка, *или легкое средство узнать этотъ языкъ безъ руководителя.* Изданіе второе. *Въ* 12; 123 *стран.*

7. О рожкахъ или спорыньѣ, *появляющихся въ ржаныхъ колосьяхъ, и болѣзни, происходящей отъ употребленія ихъ въ пищу въ хлѣбѣ.* Второе изданіе. *Въ* 12; 32 *стран. съ двумя рисунками.*

8. Красильное искуство, *по новѣйшимъ иностраннымъ опытамъ, для употребленія въ большомъ и маломъ видѣ, и проч., и проч. Въ* 12; 34 *стран.*

II.

9. Дѣянія Петра Великаго, *мудраго Преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе* И. Голикова. Томъ XIV. Изданіе второе. *Въ* 8; 42 *и* 630 *стран.*

ДЕНЬ НЕНАСТНЫЙ.

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко надъ горой;
Вязы тихи и плакучи
Длинной тянутся грядой;
Садъ безлюденъ, смолкли птицы,
Дерева дождемъ шумятъ:
Двѣ красавицы-дѣвицы,
Двѣ пѣвуньи, двѣ сестрицы
Не пойдутъ сегодня въ садъ.

А вчера онѣ при треляхъ
Соловья и при лунѣ
Тамъ блистали на качеляхъ
Соблазнительно однѣ;
И качели ихъ качаютъ
Мягко будто на рукахъ;
Осторожно поднимаютъ,
Осторожно опускаютъ
Быстролетный свой размахъ.

А вчера, любитель скромной
Грацій, медикъ молодой
Удовольственно и томно
Любовался ихъ игрой—
И размашисто качаясь
Какъ онѣ, его мечта
Поднималась, опускалась;
Ей легко передавалась
Ихъ летанія быстрота.

День ненастный, день враждебной
Очарованнымъ сердцамъ
И ходьбѣ многоцѣлебной
И лекарственнымъ водамъ;
Но за то въ немъ нѣтъ томленья,
Лѣни, жару: онъ здоровъ
Мнѣ въ тиши уединенья
Для свободы, размышленья,
Для писанія стиховъ.

Н. Языковъ.

ПОЭТУ.

Когда тебѣ дарованъ геній,
Питайся творческимъ огнемъ;
Лови минуты вдохновеній,
Невозвратимыя потомъ!
Не подави страстями міра
Сокровищъ, ввѣренныхъ судьбой:
Пусть облачитъ ихъ свято лира...
Зри солнце: вотъ оракулъ твой!
Оно восходитъ и заходитъ,
Отъ цѣли не отступитъ прочь;
Но за собою слѣдомъ водитъ
Непроницаемую ночь...
Такъ, если генія свѣтило
Въ твоей закатится груди,
Пѣвецъ, померкнешь ты уныло —
И молній творчества не жди!
Не закипитъ душа нѣмая
Опять божественнымъ огнемъ;
Она забудетъ тайны рая,
Глухимъ подавленная сномъ.

Милькѣевъ. *

* *Евгеній Лукичь Милькѣевъ* постоянно помѣщаетъ свои стихотворенія въ Современникѣ съ 1839 года. Его стихи, начинающіеся словами: *И какъ свѣтло*, были первые изъ напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ (XIV т., 178 стран *третьей нумераціи*). Въ тоже время подъ его пьесою мы замѣтили для читателей, что вмѣсто имени автора будемъ выставлять подъ его сочиненіями только буквы: Э м - - в ъ. Между-тѣмъ еще въ 1838 г. (XII т. Современ. съ 10 до 21 стран. *первой нумераціи)* помѣстили мы любопытнѣйшія обстоятельства его біографіи. Нынѣ въ № 8 Москвитянина (1842) увидѣли мы перепечатанными сообщенныя нами тогда извѣстія и самое имя автора разоблаченнымъ по случаю изданія имъ полнаго собранія

РУССКОЕ СЛОВО.

О слово Русское, о мощная дружина
Души, исполненной небеснаго огня!
Ты молнія мечты; огней въ тебѣ пучина,
Какъ въ столкновеніи желѣза и кремня.
Какъ крѣпость Русская, и ты неистощимо;
Какъ славный Русскій мечь, ты лаврами хранимо—
И гордо спятъ въ землѣ твоихъ огней жрецы,
Россіи доблестной безсмертные пѣвцы!

Какъ страшный океанъ, порой ты носишь бури,
И пѣнишься, и ревешь, и смертію грозишь;
Но вдругъ утихнешь ты, и нѣжный блескъ лазури
Въ созвучіи своемъ волшебно отразишь.
И вмигъ польешься ты отрадною струею:
Какъ майскій вѣтерокъ, волна твоя легка,
Какъ дѣвы поцѣлуй вечернею зарею,
Какъ бабочки полетъ къ цвѣточку отъ цвѣтка.

И спорить кто бы сталъ, что юга стихъ сильнѣе,
Что Франковъ рѣчь милѣй, свободнѣе, звучнѣе:
Державина пошлю я *Памятникъ* въ отвѣтъ,
Крылова острый стихъ и Пушкина привѣтъ!
Я Русскимъ словомъ гордъ—люблю его стихію!
Она въ душѣ моей и сердца въ глубинѣ—
И, только передъ ней склонивъ покорно выю,
Любовницу души нашелъ я въ тишинѣ.!

стихотвореній его. Этотъ случай заставилъ и насъ подъ стихотвореніемъ г. Милькѣева поставить его имя. Мы желаемъ, чтобы публика достойно оцѣнила этотъ талантъ, котораго открытіемъ она обязана первому изъ нынѣшнихъ поэтовъ Русскихъ, В. А. Жуковскому.

Редак.

ПСАЛОМЪ НА ГОЛІАѲА.

И юнъ и малъ предъ всѣми былъ я
Въ дому отца, и по полямъ
Овецъ смиренныхъ предводилъ я,
Душою тихъ и кротокъ самъ.
Мои неопытныя руки
Органъ составили, и я
Перстами ткалъ на струнахъ звуки,
Мірозиждителя хваля.

Но кто души восторгъ умильный
Домчитъ къ небесной вышинѣ?
Услышитъ Самъ его Всесильный!
Послалъ Онъ вѣстника ко мнѣ...
И принялъ я елей избранья,
И чудно взятъ былъ отъ овецъ,
Чтобъ оправдать знаменованья
И на чело надѣть вѣнецъ.

Моихъ великихъ, славныхъ братій
Господь любовью не вѣнчалъ.
Мнѣ бурю идольскихъ заклятій
Язычникъ страшный изрыгалъ...
Но онъ у ногъ моихъ застынулъ:
Я вырвалъ мечь изъ рукъ его—
И съ головой безумца скинулъ
Позоръ съ народа моего!

Милькѣевъ.

КАСТРЕНЪ И ЛЕНРОТЪ ВЪ РУССКОЙ ЛАПЛАНДІИ.

Еще въ Современникѣ 1841 года (Т. XXII, стран. 9, *нумераціи второй*) упоминаемо было о путешествіи звѣстнаго Финляндскаго литератора *Ленрота* по сѣвернымъ частямъ Финляндіи и Россіи для изслѣдованія языка Лапландцевъ и Самоѣдовъ и для приготовленія новыхъ матеріаловъ къ составленію полнаго Финскаго лексикона Мы говорили также (ibid. 62 стран.) намѣреніи другаго ученаго Финляндца *Кастрéна*, редпринять путешествіе въ сѣверо-восточную Россію западную Сибирь для рѣшенія вопроса о родствѣ битающихъ тамъ народовъ съ Финскимъ племенемъ. Вскорѣ послѣ того Кастренъ дѣйствительно отправился въ путь и соединился съ Ленротомъ. Оба путешественника, равно одушевленные любовію къ наукѣ, равно готовые переносить всѣ трудности для цѣли своей, часто присылали съ дороги письма, которыя помѣщались въ Гельсингфорскихъ періодическихъ изданіяхъ и исполнены занимательныхъ подробностей о мало-извѣстныхъ краяхъ. Касаясь предѣловъ нашего отечества, эти письма и для насъ Русскихъ любопытны во многихъ отношеніяхъ.

Вотъ нѣсколько извлеченій изъ «Замѣчаній А. Кастрена во время путешествія по Финляндск и Русской Лапландіи въ 1842 году.» Эти замѣчан составляютъ продолженіе статьи: «Нѣсколько дн въ Лапландіи», напечатанной въ Альманахѣ Алексан ровскаго Университета.

«Въ отношеніи къ образу жизни Русскіе Ла ландцы мало отличаются отъ нашихъ Лапландце около озера Энаре. Они питаются преимуществен рыбною ловлей и живутъ лѣтомъ въ-разсыпную он ло своихъ озеръ, при рѣкахъ, у морскихъ берегов въ юртахъ или рыбачьихъ хижинахъ. Но осенью не позже какъ по окончаніи Филипова поста они п реселяются въ свои зимнія жилища, которыя не та отдалены одно отъ другаго, какъ около Энаре, а Русскому обычаю, большею частію расположены т ными деревнями. Самый этотъ способъ поселенія д статочно доказываетъ, что Русскіе Лапландцы не м гутъ имѣть большихъ стадъ оленей: потому-что противномъ случаѣ окрестная сторона скоро ост лась бы безъ пастбищъ, и слѣдовательно дерев пришлось бы часто перемѣнять мѣсто. Но число и оленей такъ незначительно, что небольшія д ревни могутъ въ продолженіе цѣлыхъ десятко лѣтъ оставаться на томъ же мѣстѣ. Что Ру скіе Лапландцы отвыкли отъ содержанія оленей почти исключительно занялись рыболовствомъ, то причинъ много. Во-первыхъ, самая природа чрезв

чайно благопріятствуетъ этому промыслу. Моря Ледовитое и Бѣлое настоящіе золотые рудники для рыболова. Сверхъ-того, есть въ Русской Лапландіи два огромныя и рыбистыя озера, *Имандра* и *Пуотозеро*, не говоря о безчисленномъ множествѣ малыхъ озеръ. Какъ же Лапландцу не пользоваться этими источниками продовольствія и не промѣнять дикой жизни въ скалахъ на занятія рыболова, которыя, сравнительно, гораздо легче? Да и исповѣданіе православной вѣры могло способствовать такой перемѣнѣ. Такъ-какъ по закону этой вѣры Лапландецъ въ продолженіе почти полугода долженъ отказываться отъ той пищи, какую ему доставляло бы его стадо, то онъ имѣлъ новую причину обратиться къ другой вѣтви промышленности. Послѣ рыбной ловли, главнымъ промысломъ Русскаго Лапландца служитъ содержаніе оленей. Онъ занимается и торговлею. Въ избѣ его почти всегда висятъ на стѣнѣ образъ и безменъ. Здѣсь рѣдко спрашиваютъ у путешественника, чѣмъ угостить его; онъ долженъ велѣть отвѣсить себѣ столько-то рыбы, хлѣба и вообще всего, что пожелаетъ скушать. Тамъ во всемъ обнаруживается господствующій въ высокой степени торговый духъ; но Русскіе Лапландцы еще очень бѣдны и не могутъ затѣвать какихъ-нибудь болѣе обширныхъ спекуляцій, предпринимать поѣздки, посѣщать ярмарки. Однако жъ близъ церкви у Энаре уже показываются изрѣдка торговцы изъ ближнихъ деревень Русской Лапландіи Въ жилищахъ Русскихъ Лапландцевъ видно большое разнообразіе. Ихъ зимнія

избы, такъ же какъ и въ Энаре, низки, очень тѣсны и имѣютъ открытый очагъ. Но въ Энаре крыша приподнятая, а здѣсь плоская Вмѣсто кроватей, у Русскихъ Лапландцевъ устроены вдоль стѣнъ широкія лавки. У моря, въ мѣстахъ скалистыхъ и безлѣсныхъ, они по большой части живутъ и зимой въ *юртахъ*. Но эти юрты изъ бревенъ или досокъ и стоятъ въ нѣсколько - наклонномъ направленіи. Юрга всегда шире по серединѣ и съуживается къ обоимъ концамъ. Однако жъ стѣны не сходятся, а съ обоихъ краевъ юрты находится по узкой поперечной стѣнѣ. Плоская крыша покрыта дерномъ; половъ нѣтъ; въ серединѣ юрты стоитъ обыкновенная печка. Третій родъ жилищъ составляютъ *черныя избы*, которыя однако жъ менѣе и хуже нашихъ Финляндскихъ. Печь въ нихъ стоитъ на деревянномъ основаніи и имѣетъ круглую форму; она похожа на печки нашихъ бань, но обыкновенно очень мала и такъ дурно сдѣлана, что пламя пробивается сквозь камни. Дымовое отверстіе закрывается набитымъ мѣшкомъ или подушкой, которые подымаются на шестѣ. Еще есть у нѣкоторыхъ Русскихъ Лапландцевъ четвертый родъ жилищъ именно порядочныя *избы*, совершенно сходныя съ избами Русскихъ Кареловъ и слѣдовательно снабженныя обыкновенными печами. У тѣхъ Лапландцевъ которые живутъ или въ черныхъ или въ порядочныхъ избахъ, юрта служитъ только кухнею. Тако же назначеніе имѣютъ юрты во многихъ мѣстахъ

Остроботніи, гдѣ этотъ обычай и доказываетъ, что тамъ нѣкогда жили Лапландцы.

«Одѣваются почти всѣ Лапландцы одинаково. Они всего болѣе употребляютъ шубы оленьи, башмаки и панталоны изъ оленьей кожи. Норвежскіе и Финляндскіе Лапландцы носятъ на шеѣ, въ морозъ и ненастье, воротникъ изъ медвѣжьяго мѣха, защищающій не только уши и лицо, но также грудь и плечи. У Русскихъ Лапландцевъ нѣтъ такаго воротника; за-то у другихъ Лапландцевъ на головѣ только Русская кучерская шапка, а у Русскихъ шапка съ наушниками, которые покрываютъ большую часть лица. Такъ Лапландецъ бываетъ одѣтъ въ-дорогѣ, и эта одежда почти одинакова у мущинъ и у женщинъ. Главное различіе въ шапкѣ. Во вседневной жизни наши Финляндскіе Лапландцы носятъ платье изъ грубой шерстяной матеріи, похожее на рубаху; а въ Русской Лапландіи принята Русская національная одежда.

«Въ отношеніи къ религіи Русскіе Лапландцы еще находятся на весьма низкой точкѣ развитія. Они мало или почти совсѣмъ не понимаютъ духъ и уставы Христіанства; никто изъ нихъ не умѣетъ читать, и очень рѣдко прибѣгаютъ они къ духовной помощи священника изъ ближней деревни или ближняго города. Воскресенье празднуютъ они по большой части только какъ день отдыха. Во вседневной жизни они

въ точности соблюдаютъ внѣшніе обычаи и обряды своихъ единовѣрцевъ, но подъ этимъ наружно-христіанскимъ благочестіемъ кроется много суевѣрія. Особенно привержены они къ *колдовству*. Всего болѣе славятся своимъ чародѣйствомъ Лапландцы въ Аккалѣ. Они даже и въ Финляндіи такъ извѣстны, что изъ Саволакса крестьяне отправляются къ нимъ для возвращенія здоровья, потеряннаго добра и пр. О колдовствѣ Лапландцевъ въ Аккалѣ я слышалъ, что они впадаютъ въ *магическій сонъ* и въ немъ получаютъ нужныя имъ откровенія. Лапландцы воображаютъ, что душа въ этомъ состояніи покидаетъ тѣло, странствуетъ далеко и собираетъ потребныя свѣдѣнія: узнаётъ, гдѣ украденная вещь, доискивается источника болѣзни и т. п. Что этотъ сонъ, въ нынѣшнее время, одно шарлатанство—не подлежитъ сомнѣнію. Но онъ составляетъ такое обыкновенное явленіе у всѣхъ необразованныхъ народовъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, что нельзя сомнѣваться въ его первоначальной дѣйствительности.

«Меня въ Лапландіи часто предваряли, чтобы я остерегался Русскихъ Лапландцевъ и особливо женщинъ, потому что онѣ иногда впадаютъ въ бѣшенство и не знаютъ, что дѣлаютъ. Сначала я не обращалъ вниманія на эти расказы и относилъ ихъ къ числу обыкновенныхъ небылицъ на счетъ Лапландцевъ. Однажды случилось мнѣ тамъ въ одной деревнѣ встрѣтиться съ нѣсколькими Карелами и двумя Рус-

:ими купцами. Кто-то изъ нихъ опять совѣтовалъ
іѣ остерегаться, чтобъ не испугать какъ-нибудь
эпландскихъ женщинъ, увѣряя, что это преопасное
ѣло. Къ-слову одинъ изъ Кареловъ расказалъ мнѣ
ѣдующее: «Въ молодости я часто ловилъ рыбу въ
орѣ; разъ мнѣ случилось быть въ лодкѣ, на
торой гребцы были изъ Лапландцевъ. Тутъ же
ила и женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Замѣтивъ
ю необыкновенную одежду, она отъ испугу такъ
шла изъ себя, что бросила ребенка въ море.»
эугой Карелъ сообщилъ мнѣ вотъ что: «Нѣсколько
тъ тому назадъ сошелся я съ Терскими Лапланд-
ми. Мы сидѣли и разговаривали, какъ вдругъ за
ьной послышался стукъ дубины или молотка. Что
? Тотчасъ всѣ Лапландцы повалились на полъ, за-
велили слегка руками и ногами, а потомъ стали
іодвижны какъ трупы. Черезъ минуту они опять
іали вставать и вели себя такъ, какъ будто бы не
училось ничего необыкновеннаго.» Чтобы подтвер-
ть эти и другіе подобные имъ расказы Карель-
іхъ крестьянъ, Русскій купецъ вызвался показать
ь нѣсколько опытовъ пугливости Лапландскихъ
инщинъ. Напередъ онъ спряталъ всѣ топоры, ножи
іругіе опасные предметы, которые были на-виду.
томъ онъ подскочилъ къ одной женщинѣ и хлопнулъ
:ами. Въ ту же минуту женщина бросилась на
о какъ фурія, терзала, била и сѣкла его безъ по
іды. Отдѣлавъ бѣднаго купца, она повалилась на
ку и вынесла мучительную борьбу, прежде-нежели

снова начала дышать свободно. Когда она совершенно оправилась, то объявила, что болѣе не дастъ испугать себя. Въ самомъ дѣлѣ, при слѣдующемъ опытѣ она только испустила звонкій, пронзительный крикъ. Пока она радовалась, что попытка не удалась другой купецъ махнулъ платкомъ ей въ глаза, но въ ту же минуту самъ выбѣжалъ изъ комнаты. Надобно было видѣть, какъ женщина стала кидаться то на однаго, то на другаго: этаго повалитъ на полъ того ударитъ, иныхъ припретъ къ стѣнѣ, другимъ вцѣпится въ волосы. Я сидѣлъ въ углу комнаты и съ нетерпѣливымъ безпокойствомъ ожидалъ, когда очередь дойдетъ до меня. Наконецъ съ ужасомъ вижу, что она уставила на меня свои бѣшеные глаза потомъ, протянувъ руки, она кинулась на меня и уже готова была впустить свои острые ногти мнѣ въ лице, какъ вдругъ двое здоровыхъ Кареловъ отдернули ее въ-сторону. Она безъ силъ упала къ нимъ на руки. Всѣ думали, что мои очки привели ее въ такое бѣшенство. Хотѣли испугать и молоденькую дѣвушку, уронивъ ей на голову лучину. Она вскрикнула и выбѣжала. Потомъ ударили молоткомъ въ наружную стѣну. Женщина, о которой я говорилъ, вспрыгнула, но ей въ ту же минуту закрыли глаза рукою, и она тотчасъ пришла въ себя.——— Въ примѣръ колдовства Русскихъ Лапландцевъ раскажу, какъ одна женщина при мнѣ лечила вывихъ. Она водила пальцами по больному мѣсту и какъ будто искала боль. Наконецъ она схватила ее концами пальцевъ

потомъ стиснула ее ногтями, зложила въ ротъ, раздавила зубами и выплюнула отдѣланнаго такимъ образомъ генія боли. Это повторялось нѣсколько разъ. Но тутъ не было никакаго заклинанія, подобнаго такъ называемому *чтенію* Финновъ: во все продолженіе смѣшной операціи женщина разговаривала о чёмъ ни попало.

«Еще нѣсколько словъ о характерѣ Русскихъ Лапландцевъ. Характеръ Лапландскій почти вездѣ одинъ и тотъ же; его можно сравнить съ ручьемъ, который течетъ такъ тихо, что трудно и замѣтить его движенье. Встрѣтивъ какую-нибудь преграду, ручей уклоняется въ сторону, но наконецъ все-таки достигаетъ цѣли. Таковъ характеръ Лапландца: тихъ, миролюбивъ, уступчивъ. Миръ его лозунгъ—о мирѣ первый вопросъ его, миръ его прощальное слово, миръ ему все. Миръ онъ любитъ, какъ мать ребенка, котораго вскормила на груди своей. Преданье говоритъ, что въ Лапландской землѣ все до крайности голо, безотрадно и бѣдно, но прибавляетъ, что во глубинѣ кроется чистѣйшее золото. Едва ли и есть сокровище, прекраснѣе того спокойствія, какимъ обладаетъ Лапландецъ. Онъ лишенъ почти всякихъ житейскихъ наслажденій, окруженъ природою неодолимою, угнетенъ нуждою, но счастливъ тѣмъ, что можетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ переносить всѣ трудности. Для полнаго благополучія онъ требуетъ только, чтобъ ему не мѣшали наслаждаться

малымъ, уважали его старинныя привычки и вообще *оставляли его въ покоѣ*. Неблагосклонная природа часто побуждаетъ его къ труду и движенію, но по временамъ онъ охотно предается спокойной или, по его собственной терминологіи, *мирной* жизни. Онъ не любитъ обширныхъ плановъ, мудреныхъ расчетовъ или промышленной дѣятельности, а лучше погружается въ тихое созерцаніе истинъ религіозныхъ или такихъ предметовъ, какіе ему представляетъ маленькій міръ его. Уже изъ этаго краткаго описанія видно, что Финскій типъ отражается и въ Лапландскомъ народномъ характерѣ. У Финна, какъ и у Лапландца, нравъ тихій, миролюбивый и уживчивый. Онъ также уступаетъ охотно, пока рѣчь идетъ о бездѣлицѣ; но когда дѣло, по его понятію, важно, тогда онъ становится героемъ.

«Общій Лапландскій характеръ замѣчается и у Русскихъ Лапландцевъ во многихъ мѣстахъ. Но въ деревняхъ, лежащихъ на большой *Мурманской* дорогѣ, Лапландцы уже начали уклоняться отъ своего первоначальнаго характера. Внутреннее довольство уступило мѣсто внѣшней, беззаботной веселости, тихое размышленіе смѣнилось практическою смышленостью, спокойная жизнь суетливою дѣятельностію: у нихъ напрасно ищешь того мягкосердечія, того искренняго доброжелательства, какими отличаются другіе Лапландцы. Торговый духъ и частыя сноше-

нія съ Русскими и Карелами удаляли ихъ отъ состоянія первобытной невинности.

«Въ кругу Русскихъ всегда легко узнать молчаливаго, смирнаго Лапландца; но въ сравненіи съ другими единоплеменниками своими онъ уже Русскій. По-Русски говоритъ онъ, сколько я могу судить, такъ же свободно, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Не имѣя собственныхъ пѣсень, онъ любитъ иногда выражать свои чувства какою-нибудь Русскою пѣснью. По воскресеньямъ онъ иногда даже и зимой, въ сильный морозъ, тѣшится игрою въ мячикъ или другими у Русскихъ заимствованными забавами. И въ домашнемъ быту Лапландцевъ замѣчаются чисто Русскіе обычаи — не говоря уже о Русской одеждѣ. Ихъ веселость, проворство, духъ торговли — о чемъ мы говорили выше—все это есть слѣдствіе вліянія Русскихъ. По всему надобно предполагать, что Русскіе Лапландцы рано или поздно совершенно обрусѣютъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ своего письменнаго языка. Малочисленность Русскихъ Лапландцевъ еще сильнѣе утверждаетъ насъ въ этомъ предположеніи. По свѣдѣніямъ, какія мнѣ сообщилъ исправникъ въ Колѣ, всѣхъ Лапландцевъ въ Россіи не болѣе 1844 душъ.

«Еще надобно бы, можетъ быть, прибавить нѣсколько словъ о языкѣ Русскихъ Лапландцевъ; но пора ужъ подумать объ отъѣздѣ. И-такъ, безъ околич-

ностей пустимся въ дорогу: намъ предстоитъ проѣхать до *Колы* упряжку въ 150 верстъ. Наши олени богато украшены колокольчиками, бубенчиками и множествомъ пестрыхъ ремней. Но для насъ гораздо важнѣе, что намъ наконецъ *дали хорошихъ* оленей, а у Русскихъ Лапландцевъ, сверхъ того, похвальная привычка ѣздить скоро. Отъ-того мы и проѣхали первыя двѣ мили (30 верстъ), такъ сказать, однимъ духомъ. Потомъ очутились мы у большаго *Нуотозера*; проѣхали по льду еще 2 мили, вышли на берегъ и остановились ночевать на снѣгу передъ огнемъ. Любопытно видѣть, съ какимъ необыкновеннымъ проворствомъ Русскій Лапландецъ раскладываетъ огонь. Онъ нарѣжетъ нѣсколько щепокъ, сломитъ нѣсколько сучьевъ, срубитъ нѣсколько полѣнъ, соберетъ все это вокругъ насмоленнаго пня, и огонь готовъ. Правда, этотъ огонь только на то и годится, чтобы закурить трубку или превратить снѣгъ въ воду для питья, но чего ему болѣе, когда онъ завернется въ свой оленій мѣхъ и овчинный тулупъ? *Кочевой* Лапландецъ вовсе не раскладываетъ огня. Когда ему вечеромъ удастся найтй хорошее пастбище для своего оленя, онъ выкопаетъ себѣ яму въ снѣгу и въ ней спокойно проспитъ до слѣдующаго утра. Это искуство въ самомъ дѣлѣ предпочтительно плохому огню. Когда есть хорошій Лапландскій тулупъ, стоитъ только натянуть его на уши и ввернуть рукава внутрь его, тогда можно прекрасно провести ночь въ скалахъ. Но когда видишь передъ собою какой бы ни было

огонь, то охотно скидаешь тяжелый тулупъ, и тогда обыкновенно случается, что отдыхаешь не такъ хорошо, какъ ожидалъ. Просыпаешься отъ холода и, можетъ быть, снѣга, которымъ ты засыпанъ; бѣжишь къ огню, а онъ потухъ. Раскладываешь новый, ложишься опять и засыпаешь, но черезъ нѣсколько минутъ испытываешь то же самое. Такъ провелъ я ночь въ этотъ разъ. Когда наконецъ настало вожделѣнное утро, мы еще съ милю продолжали путь по Нуотозеру. Волки бѣгали, какъ собаки, по пустынному озеру и жадно косились на нашихъ тучныхъ оленей. Эти волки всю ночь стерегли и безпокоили оленей, которые отъ того смертельно устали и проголодались. По этому мы, съѣхавъ съ озера, должны были остановиться, чтобъ дать оленямъ поискать корму. Лапландцы чрезвычайно превозносятъ оленя за инстинктъ, съ какимъ онъ, только всунувъ морду въ снѣгъ, можетъ узнавать, есть ли подъ нимъ мохъ, хотя бы земля покрыта была глубокими сугробами. Но такъ-какъ эта способность составляетъ условіе всего существованія животнаго, то она, можетъ быть, не такъ удивительна, какъ нѣкоторыя другія свойства, замѣчаемыя у хорошихъ оленей. Меня всегда изумляло, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя бы не было ни малѣйшаго слѣда дороги, и сѣдокъ вовсе не зналъ ея, могутъ везти его прямо къ мѣсту, если только разъ были тамъ прежде. О понятливости оленя свидѣтельствуетъ и то, что для управленія имъ не нужно ничего инаго кромѣ одной возжи. Когда она у него по правую

сторону, онъ бѣжитъ; но останавливается, когда е
перекинешь на-лѣво. Однако жъ эта перемѣна ни к
чему не служитъ, когда ѣдешь съ горы, потому-чт
тогда олень слѣдуетъ не волѣ сѣдока, а собственном
своему влеченію, которое заставляетъ его мчаться с
всѣхъ ногъ. Такая ѣзда пріятна, но иногда может
сдѣлаться и чрезвычайно опасною. Это я недавно испы
талъ на одной горѣ, которую мы встрѣтили въ нѣсколь
кихъ часахъ разстоянія отъ упомянутаго мною привала
Гора та очень высока, и огромныя сосны ростутъ п
краямъ извилистой дороги, которая спускается к
рѣкѣ *Нуотіоки*. Отъ частой ѣзды образовались н
этой дорогѣ бугры и ухабы, такъ-что весь скатъ го
ры состоялъ какъ будто изъ волнъ. Тутъ моему оле
ню вздумалось пуститься во всю оленью прыть. *Ке
рисъ** летѣлъ съ однаго снѣжнаго бугра на другой, вовс
не касаясь земли. Когда онъ потомъ вдругъ ударялся
о самую дорогу, крѣпкую какъ камень, чрезвычайно
было трудно удерживаться въ керисѣ. Если, сверх
того, у самой дороги стояло дерево, что случалос
почти безпрестанно, то надобно было какъ можн
скорѣе поворотить керисъ дномъ къ дереву, потому-
что иначе голова была бы въ опасности. Но когда
въ то же время дорога вдругъ уклонялась по проти-
воположному направленію, то для поворота кериса
надобно было дѣйствовать руками и ногами ил

* Длинныя остродонныя сани, очень похожія на лодку, въ ко-
торыхъ Лапландцы ѣздятъ на оленяхъ по своимъ глубокимъ снѣ-
гамъ.

посредствомъ какаго-нибудь сильнаго тѣлодвиженія; потому-что еслп бъ передній край саней попалъ за дерево, то по всей вѣроятности возжа порвалась бы и ѣздокъ головой стукнулся бы о стволъ древесный. Я счастливо отклонилъ-было такую опасность и отъ того потерялъ балансъ, какъ вдругъ керисъ мой такъ сильно опять ударился о бугоръ, что я чуть не вылетѣлъ изъ саней и, взброшенный, упалъ въ нихъ на бокъ. Въ такомъ положеніи я остался бы совершенно безъ рукъ, еслп бъ слѣдующій бугоръ, давъ мнѣ новый толчокъ, не привелъ меня благополучно въ прежнее, настоящее положеніе. Когда мы наконецъ очутились у рѣки, олень вдругъ сталъ, обернулся и по-видимому съ удивленіемъ смотрѣлъ на страшную гору. Послѣ того я ѣхалъ уже очень спокойно вдоль рѣки до самаго ночлега, для котораго послужила юрта, особо для путешественниковъ построенная неподалеку отъ рѣчнаго берега.

»На другой день двое странниковъ съ высокой скалы глядѣли на городъ *Колу*, который лежитъ въ долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной значительными горами и обвиваемой двумя рѣками *Туломой* и *Колой*; обѣ эти рѣки за самымъ городомъ обнимаются какъ сестры, будто для того, чтобы имъ веселѣе было вмѣстѣ умереть въ волнахъ Ледовитаго моря. Изъ самаго города подымается множество старинныхъ строеній, но скоро взоръ отъ этихъ хижинъ съ наслажденіемъ переходитъ къ колоссальному храму

временъ Петра Великаго. Глядя на это исполинское зданіе съ такой отдаленной точки, что его многочисленныя башни являются въ видѣ однаго огромнаго купола, воображаешь иногда, будто это не что другое, какъ высокая Лапландская скала. Возлѣ этаго храма стоитъ другой, который и блестящею наружностью, и малыми размѣрами своими напоминаетъ ближайшее время. Нѣсколько минутъ любовались путешественники этимъ видомъ—и вдругъ съ быстротою стрѣлы помчались внизъ по крутому утесу.»

Этимъ кончается статья г. Кастрена, помѣщенная на Шведскомъ языкѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала: »Финляндія» за 1842 годъ. Мы сообщили большую половину ея; читатели могутъ судить по ней, какихъ занимательныхъ извѣстій еще можно ожидать отъ г. Кастрена. Современникъ поставитъ себѣ обязанностію знакомить Русскую публику съ ходомъ и результатами столь любопытнаго для насъ путешествія. Предпріятіе г. Кастрена представляетъ тѣмъ болѣе ручательства въ успѣхѣ, что удостоилось обратить на себя Высочайшее вниманіе Государя Императора: для продолженія путешествія изъ края Самоѣдовъ по Восточнымъ предѣламъ нашего отечества г. Кастрену Всемилостивѣйше пожаловано значительное пособіе.

Увлекательныя замѣтки Ленрота, изъ его многократныхъ путешествій по Архангельской г., помѣщены будутъ въ слѣд. №№ Соврем.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

ЛУДОВИКЪ XIV.

(Окончаніе.)

Но мы довольно уже знакомы съ королевскою астію; пора обратиться къ самому королю, къ Лу- вику XIV. Онъ родился 1-го Сентября 1638 года Saint-Germain en Laye, въ зданіи, коего остатки зываются теперь павильономъ Генриха IV. Воспи- ніе его было весьма небрежно: его мать, короле- Анна Австрійская, была слишкомъ нѣжна и сни- олительна; наставникъ Вильруа (Villeroi), хотя имѣлъ много усердія и доброй воли, но былъ абъ и одностороненъ; а дядька, Лапортъ (Laporte), италъ себя умнѣе всѣхъ, вмѣшивался во всѣ дѣла, торыя его вовсе не касались, и поступалъ весьма сто изъ своеправія совершенно противъ приказанія. нимъ словомъ, въ воспитаніи не было ни порядка, цѣли, ни общаго направленія. Говорятъ, что онъ нималъ нѣсколько по-Итальянски и Испански, и же въ дѣтствѣ занимался Латинскимъ языкомъ и збиралъ нѣсколько Юлія Цезаря. Несравненно важ- е однако то, что онъ выражался на природномъ

языкѣ съ пріятностію, легкостію и большимъ искусствомъ, хотя и не могъ писать орѳографически правильно. Безпорядокъ въ первоначальномъ его воспитаніи имѣлъ то слѣдствіе, что Лудовикъ получилъ отвращеніе отъ чтенія и не бралъ въ руки во всю свою жизнь ни одной книги, исключая исторіи Даніеля. Герцогиня Орлеанская говоритъ объ немъ въ своихъ запискахъ: «Король и вся королевская фамилія, исключая впрочемъ моего сына, ненавидятъ чтеніе, и отъ того и весьма ограничены въ своихъ свѣдѣніяхъ». Но всѣ эти недостатки вознаграждаемы были въ полной мѣрѣ рѣдкими способностями Лудовика, которыми онъ и воспользовался какъ нельзя лучше.

Воспитаніе его началось собственно въ гостиной графини Суассонъ, которая даже по смерти своего дяди, кардинала Мазарина, какъ статсъ-дама королевы, собирала около себя весь дворъ и хотѣла даже управлять самимъ королемъ. Это была школа, въ которой образовался его характеръ, его умъ, даже нравъ и привычки. Тамъ онъ принялъ любезность, которая его никогда не покидала и которую онъ необыкновенно искусно умѣлъ соединить съ врожденнымъ себѣ величіемъ; но тамъ же онъ вовлеченъ былъ во всѣ интриги, оставившія въ немъ самые глубокіе слѣды на всю жизнь и родившія непреодолимое отвращеніе отъ всего, что отличалось умомъ и образованіемъ и что могло бы затмить его самаго.

Дѣтство Лудовика XIV окружено было политическими бурями. Смерть кардинала Ришелье была знакомъ возстанія аристократіи противъ короля и противъ народа. Вельможи, бывшіе въ совершенномъ повиновеніи при строгомъ правленіи кардинала, замышляли новые планы и предпріятія, и рѣшились возвратить всю прежнюю силу свою, всю прежнюю непокорность и независимость. Но Провидѣніе назначило другое; и чѣмъ сильнѣе были усилія, тѣмъ рѣшительнѣе паденіе. Война фронды, какъ мы уже сказали выше, уничтожила аристократію.

Людвигъ XIII, умирая. назначилъ своему сыну правительство, въ которомъ, вмѣстѣ съ королевою и принцами крови, Орлеанскимъ и Конде, участвовали и имѣли важнѣйшее вліяніе: Мазаринъ, Сегье, Бутилье и Шавиньи, четыре ученика и послѣдователя покойнаго кардинала. Такимъ образомъ правленіе Ришелье должно было продолжаться и послѣ его смерти. Это произвело сильное смятеніе между аристократіею, и епископъ Бовескій, вмѣстѣ съ герцогомъ Бофоромъ, начали дѣйствовать смѣло и открыто, чтобы уничтожить завѣщаніе короля. Они представляли принцамъ крови, что будущее правительство лишитъ ихъ всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ, потому-что все будетъ рѣшиться большинствомъ голосовъ, а никакъ нельзя надѣяться, чтобы четыре новые члена когда-либо раздѣлились и перестали подавать свои голоса вмѣстѣ. Эти же самые вельможи старались

поссорить королеву съ принцами, внушая ей къ нимъ недовѣріе и указывая на ихъ прежніе раздоры и неповиновеніе королевской власти; они умоляли ее, заклиная общимъ благомъ, удалить принцевъ отъ правленія. Ихъ старанія увѣнчались, какъ казалось, полнымъ успѣхомъ. Королева и принцы, хотя и для вида, признали распоряженіе Лудовика XIII, и дали присягу въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи важнѣйшихъ сановниковъ, президентовъ парламента и всего двора; но въ тотъ же самый день тайно протестовали противъ него и передали нотаріусамъ свое письменное отреченіе. Спустя нѣсколько недѣль, Лудовикъ XIII умеръ въ самый день смерти своего отца, 14-го мая 1643 года, 42 лѣтъ отъ роду.

Тотчасъ послѣ его кончины, королева объявила открыто свои требованія и свою волю не лишать себя своихъ правъ; принцы крови присоединились къ ней въ надеждѣ достигнуть господства и управлять ея именемъ. Поведеніе Анны еще болѣе утвердило ихъ въ этомъ мнѣніи, потому-что она пожаловала ихъ званіемъ правителей самыхъ богатыхъ и доходнѣйшихъ провинцій. Пользуясь такимъ расположеніемъ всѣхъ партій, королева назначила торжественное засѣданіе въ парламентѣ, 18-го мая 1643 года.

Пятилѣтній Лудовикъ открылъ совѣщаніе слѣдующими словами, произнесенными имъ съ необыкновенно-милымъ выраженіемъ: «Милостивые госуда-

ри! Я прибылъ сюда, чтобы объявить вамъ свою добрую волю; мой канцлеръ сообщитъ вамъ все прочее». Послѣ него говорила королева и ея канцлеръ, объясняя положеніе дѣлъ и свои права; герцогъ Орлеанскій объявилъ торжественно, что онъ приметъ участіе въ правленіи не иначе, какъ по согласію королевы, и только въ такой степени, какъ ей будетъ угодно; за нимъ началъ говорить Конде и старался доказать, что раздѣлъ высшей власти чрезвычайно вреденъ и опасенъ. Парламентъ, приготовленный уже напередъ вельможами, принялъ всѣ сіи предложенія съ восторгомъ, завѣщаніе Лудовика XIV было уничтожено, и королева Анна Марія Мауриція объявлена неограниченною правительницею во время малолѣтства Лудовика.

Аристократія рукоплескала; быстрый успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія; радость сіяла на всѣхъ лицахъ; поздравленія и пиршества смѣнялись одни другими; важнѣйшія лица раздавали уже своимъ приверженцамъ мѣста и званія, и будущіе министры замышляли новыя измѣненія въ управленіи, какъ вдругъ разнеслась громовая вѣсть, что кардиналъ Мазаринъ назначенъ первымъ министромъ, и система Ришелье будетъ продолжаться. Нельзя описать того смятенія и ужаса, соединеннаго съ гнѣвомъ, которые были произведены симъ извѣстіемъ. Партія такъ называемыхъ необходимыхъ (les importans), къ которой принадлежалъ весь родъ Вандомъ съ герцогомъ Бофоромъ, и даже многія женщины, между про-

чимъ герцогини Шеврезъ и Монбазонъ, увидѣли себя совершенно обманутыми и рѣшились на самое послѣднее — убить тайно Мазарина. Эти низкія средства не достигли къ-счастію своей цѣли; заговоръ былъ открытъ, и Бофоръ вмѣстѣ съ другими схваченъ. Его гордость и самонадѣянность простирались до того, что когда уже данъ былъ приказъ взять его, и друзья убѣждали его спастись, онъ отвѣтилъ: «Не посмѣютъ (on n'oserait)!» Такимъ образомъ первая буря прошла счастливо, и Мазаринъ господствовалъ спокойно.

Джюліо Мазарини (Giulio Mazarini) родился 14 іюля 1602 года въ городѣ Пишинѣ (Piscina), въ Абруццо. Его родители, жившіе въ Римѣ, дали ему столь хорошее образованіе, что онъ защищалъ съ успѣхомъ уже на семнадцатомъ году философскія тезы. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ образованіи, онъ слушалъ юридическія лекціи въ Алькальскомъ университетѣ, и по окончаніи курса вступилъ-было сначала въ военную службу, но потомъ очень скоро возвратился на прежнее поприще. Во время переговоровъ съ иностранными державами, онъ обнаружилъ свои необыкновенныя способности въ дипломатіи и совершенно утвердилъ свою славу заключеніемъ Кіераскаго (Chierasco) трактата. Папа наградилъ его званіемъ вице-легата Авиньонскаго и папскаго посланника въ Парижѣ. Но уже въ 1639 году онъ перешелъ во Французскую службу и по желанію

Ришелье назначенъ спустя два года кардиналомъ. Кардиналъ Герцогъ очень любилъ и уважалъ его, какъ свидѣтельствуетъ Гуго Гроцій (Mazarinus omnium Romanorum Cardinali Riceliaco carissimus); но ихъ характеры были совершенно противоположны. Ришелье одаренъ былъ силою духа и твердостію характера; онъ шелъ къ своей цѣли прямо и смѣло, низвергая противодѣйствія и требуя безусловной покорности. Такой энергіи вовсе не было въ Мазаринѣ, но онъ обладалъ тонкостію, хитростію и былъ непобѣдимъ въ переговорахъ и сношеніяхъ. Онъ зналъ людей лучше Ришелье и во всемъ полагался на время и обстоятельства, которыми умѣлъ пользоваться съ рѣдкимъ искуствомъ. Ришелье не скрывалъ никогда своей цѣли, бывъ совершенно безкорыстнымъ и имѣвъ въ виду одно общее благо; онъ не только не боялся сужденій, но напротивъ вызывалъ ихъ самъ, не зная никогда двуличности. Мазаринъ, напротивъ, дѣйствовалъ всегда тайно, скрытно, двулично, не довѣряя никому и обольщая всѣхъ и каждаго. Перваго боялись, но уважали; втораго презирали и ненавидѣли; первому довѣряли даже враги на одно слово, второму не вѣрили и друзья, не смотря на обѣщанія и клятвы; первый имѣлъ величіе, второй умъ и хитрость, но оба дѣйствовали для одной цѣли, оба утвердили власть королевскую.

Послѣ неудачнаго опыта завладѣть властію посредствомъ умерщвленія кардинала, вельможи рѣши-

лись возстать всѣмъ сословiемъ и низвергнуть гибельную для себя систему Ришелье. Они выжидали только удобнаго къ тому случая, потому-что блескъ правленiя Мазарина, побѣды, одержанныя Францiею надъ Испанiею и Германiею, утвердили новое царствованiе и уничтожили всякое противодѣйствiе. Да-но ожиданное мгновенiе наконецъ представилось, и аристократы воспользовались имъ какъ нельзя лучше.

Безпрестанныя войны и небережливость королевы истощили казну, и Мазаринъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ самымъ насильственнымъ. Недовольная партiя начала тогда открыто дѣйствовать, старалась возбудить всюду ропотъ и неповиновенiе, и достигла наконецъ того, что парламентъ отказался принять и обнародовать указъ королевы (l'enregistrement de l'edit) о новомъ налогѣ на соль. Мазаринъ хотѣлъ остановить противодѣйствiе однимъ ударомъ и велѣлъ схватить четырехъ совѣтниковъ парламента, между коими находился любимый народомъ Брюссель. Это случилось въ то самое время, когда торжественно привезены были въ Парижъ непрiятельскiя знамена, взятыя при Ланѣ (Lens) и въ церкви Парижской Богоматери было приносимо благодарственное молебствiе за побѣду. Народъ, собравшiйся уже на улицахъ и площадяхъ, чтобъ видѣть трiумфальное шествiе, вдругъ взволновался; старая служанка Брусселя говорила рѣчи; шумъ и смятенiе увеличивались, и наконецъ сто ты-

сячь голосовъ закричали: «Свобода и Бруссель!» — Такъ началась фронда.

Все возстало противъ Мазарина; королева принуждена была бѣжать изъ Парижа съ своимъ сыномъ - королемъ. Парламентъ собралъ войско; вельможи вооружились; нашлись и деньги и средства для вооруженія; нашлись и полководцы. Виконтъ Тюрень былъ главнокомандующимъ: онъ мечталъ о своемъ Седанѣ, отнятомъ кардиналомъ Ришелье у отца его, герцога Бульонскаго. Мазаринъ удалился и, вѣрный своему характеру, выжидалъ время. И въ самомъ дѣлѣ Парижане увидѣли, что вся эта война была слѣдствіемъ честолюбія, что вельможи возстали не противъ Мазарина, не за общее благо, а для своей собственной выгоды. Послѣ пятилѣтнихъ страданій, въ продолженіе которыхъ управлялъ Франціею парламентъ, бывшій подъ вліяніемъ аристократовъ, народъ началъ молить короля возвратиться. Сами фрондёры тѣснились въ залахъ Мазарина, объявляя ему наперерывъ свою преданность и свое уваженіе.

Такъ совершилось великое дѣло образованія королевской власти; такъ достигла Франція государственнаго единства. Вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ Лудовика XIV, она является нераздѣльною, соединенною, олицетворенною въ особѣ короля своего. Разнообразіе уничтожилось, теперь существуетъ только правительство и народъ, король и подданные.

Король выраженіе, воплощеніе народа; они оба соединены тѣсно, они неразлучны. Одинъ управляетъ, другой повинуется; одинъ душа, другой тѣло; душа оживляетъ тѣло, которое живетъ только душою. Франція жила только Лудовикомъ, только для него одного.

Все это отразилось и на самомъ Версалѣ. Этотъ дворецъ сдѣлался средоточіемъ царства и столицею Франціи, а Парижъ былъ только его предмѣстіемъ. Версальскій дворецъ приводитъ въ удивленіе даже теперь, послѣ такихъ перемѣнъ и опустошеній. Нѣтъ зданія въ цѣломъ мірѣ, въ которомъ бы въ подобной степени соединены были величіе и пышность съ красотою и изящностію. Но за то и вся Франція спѣшила принести ему все, что только было въ ней умнаго и геніальнаго. Мансаръ былъ его зодчимъ; онъ соорудилъ безсмертный памятникъ и своему государю и самому себѣ. Ле Нотръ расположилъ Версальскій садъ съ невыразимымъ великолѣпіемъ и прелестію. Лебренъ украсилъ стѣны дворца своею кистію; онъ изобразилъ всю жизнь Лудовика, его побѣды, его славу и его любовь. Версальскія залы наполнены были древними Греческими статуями, и украшены картинами Тиціана, Рафаэля, Кореджіо. Все было въ немъ чудесно, восхитительно. Французы были отъ него въ восторгѣ. Поэты и прозаики спѣшили его воспѣть и прославить; ему писались оды, драмы, посланія. Все стремилось къ Версалю, который былъ

ракуломъ общества, хорошаго тона, моды, вкуса, даже самой вѣтренности. Изъ него всѣ онѣ распространялись въ западной Европѣ. Теперь онъ остается самымъ краснорѣчивымъ свидѣтелемъ семнадцатаго столѣтія и генія Лудовика XIV.

Памятникъ есть исторія, поэма. Народы младенческіе передаютъ свои впечатлѣнія миѳами и эпопеями; народы образованные создаютъ памятники, которые говорятъ также краснорѣчиво, какъ и человѣческое слово. Но такіе памятники встрѣчаются у народовъ дѣятельныхъ, могучихъ, совершившихъ много славнаго и великаго. У народовъ бѣдныхъ жизнію, ихъ нѣтъ вовсе. Взгляните на Европу: ея почва усѣяна самыми многочисленными и самыми разнообразными памятниками; на нихъ вы прочтете судьбу государствъ часто лучше, нежели въ самыхъ ученыхъ исторіяхъ.

Такимъ образомъ феодализмъ, этотъ геройскій вѣкъ западной Европы, имѣетъ свою чрезвычайно поэтическую эпопею. Это готическіе соборы, замки и градскія думы, представители духовенства, рыцарства и общинъ, изъ соединенія коихъ и состояло феодальное государство.

Франція богата первыми; особенно ихъ много на сѣверѣ отъ береговъ Нормандіи до Рейна и Луары, и всѣ они необыкновенно величественны. Можно ли

найти гдѣ-нибудь болѣе поэзіи, какъ не въ готическомъ соборѣ, который, подобно дѣвѣ, простирающей свои длани во время молитвы, возносится горѣ своими башнями и какъ будто соединяетъ небо съ землею? Католическая религія не могла найти достойнѣйшаго себѣ органа, а западное духовенство лучшаго символа своему господству.

Совершенно другой характеръ въ памятникахъ Германіи: тамъ преобладало нѣкогда рыцарство, тамъ сохранились замки. Число ихъ превосходитъ всякое описаніе; они гнѣздятся какъ коршуны на вершинахъ скалъ, при рѣкахъ, озерахъ и оврагахъ и стерегутъ окрестности.

Есть наконецъ страна, въ которой общины достигли великаго развитія, и образовали, какъ въ древней Греціи, столько самостоятельныхъ республикъ, сколько было большихъ городовъ. Я разумѣю Бельгію, гдѣ Гентъ, Брюге, Антверпенъ, процвѣтали какъ богатствомъ и силою, такъ образованностію и искуствами. Этотъ народъ воздвигъ градскія думы (hôtels de ville), которыя могутъ стать на-ряду съ лучшими зданіями Феодализма и свидѣтельствуютъ о славѣ средняго сословія.

Послѣ Феодализма начинается новая эпоха въ Европейской образованности. Изученіе древнихъ, соединенное съ идеями среднихъ вѣковъ, дало совер-

пенно новое направленіе и произвело такъ называеную «эпоху возрожденія», явившую такъ много славнаго и великаго въ наукахъ и искуствахъ. Италія первенствовала въ то время предъ всѣми народами и оставила намъ неоцѣненныя сокровища въ своихъ памятникахъ. Такъ Римъ имѣетъ свою эпопею, которой удивляется и будетъ удивляться весь міръ, до тѣхъ поръ, пока не умретъ чувство изящнаго: это церковь Св. Петра. Но она уже не готическій соборъ временъ феодальныхъ, а храмъ временъ возрожденія. Древній языческій Римъ запечатлѣлъ въ семъ зданіи свое существованіе и свой союзъ съ Римомъ новымъ, христіанскимъ: надъ стѣнами, изображающими христіанскій крестъ, воздвигнутъ пантеонъ языческій.

Феодализмъ палъ безвозвратно. Готическія церкви перестали быть собственностію епископовъ и аббатовъ, а перешли къ народу; рыцарскіе замки превратились въ развалины и не наводятъ уже болѣе страха; наконецъ градскія думы, въ коихъ нѣкогда засѣдали республиканцы, сдѣлались обыкновеннымъ судебнымъ мѣстомъ. Все преклонилось предъ королевскою властію, которой назначено было соединить государство въ одно политическое цѣлое. Это выразилось и въ архитектурѣ, которая предлагаетъ намъ теперь поэмы монархическія, послѣ поэмъ духовенства, рыцарства и общинъ.

Таковъ Эскуріалъ, выражающій ужасное царствованіе Филиппа II, руководимое монахами и поддерживаемое инквизиціею. Сей дворецъ или точнѣе монастырь, въ которомъ королевскія комнаты расположены подлѣ келлій—самый вѣрный образъ Испанской теократіи. И дѣйствительно, что такое была Испанія въ XVI вѣкѣ, какъ не монастырь Эскуріальскій? Архитекторъ получилъ даже приказаніе начертить планъ сего дворца-монастыря въ видѣ жаровни, по образу мученія Св. Лаврентія, какъ будто для того, чтобы увѣковѣчить костры инквизиціи и освятить ихъ кровавыя жертвоприношенія.

Но памятникъ единственный въ мірѣ—Вестминстеръ. Онъ представляетъ собою всю Англію: тамъ и аббатство и парламентъ, гробницы царей и великихъ мужей, тамъ лорды и депутаты; однимъ словомъ, власть королевская и духовенство, аристократія и демократія—все это вмѣстѣ, мертвые и живые подъ одними и тѣми же сводами. Посмотрите Вестминстеръ, и вы знаете Англію.

Версальскій дворецъ — памятникъ и поэма Лудовика XIV; онъ самый вѣрный его историкъ и самая поэтическая эпопея XVII вѣка. Онъ расказываетъ доблести и интриги, славу и несчастія, величіе и бѣдствія, побѣды и пораженія. Ходя по его заламъ, вы переходите отъ важнаго къ легкому, отъ трагедіи къ комедіи, отъ Расина къ Мольеру. Онъ

испыталъ все и всему былъ свидѣтелемъ. Все, что происходило во Франціи, все, что происходило въ Европѣ, онъ знаетъ все, ему все извѣстно. Онъ остался и теперь послѣ всѣхъ бурь и опустошеній, чтобы живо напоминать прежніе подвиги. Какъ наставительны подобные памятники! Было время, когда философы отправлялись на Востокъ, чтобы изучать въ развалинахъ Пальмиры и Египта тайну земныхъ переворотовъ; теперь мы научаемся этому въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Парижа. Новый Вольней можетъ написать «Развалины» при видѣ одного Версаля.

Дворъ Лудовика XIV былъ соединеніемъ всего, что только было знаменитаго, умнаго и геніальнаго въ цѣлой Франціи. Все, что отличалось или древностію своего рода, или подвигами, богатствомъ или познаніями, все сосредоточилось въ Версалѣ. Ничто не могло быть естественнѣе. Король олицетворялъ государство, и государство спѣшило принести ему лучшіе дары свои и служить его высокой особѣ. Дворянство послало въ Версаль все, что въ немъ было блистательнаго: герцоги, графы, маркизы оставили свои замки и облеклись званіемъ каммергеровъ, шталмейстеровъ, шенковъ. Духовенство окружило Лудовика самыми умнѣйшими своими представителями, которые уже забыли прежнюю независимость, господство и феодальную гордость; забыли папу и его буллы и интердикты и спѣшили ко двору для принятія званія придворныхъ духовниковъ. Туда же

обратилось наконецъ и среднее сословіе, украсивъ оный геніями искуствъ и поэзіи; только для Лудовика Лебренъ былъ живописцемъ, Куазво и Пюже скульпторами, и Мансаръ архитекторомъ; только для него Мольеръ былъ комикомъ и Расинъ трагикомъ. Все стеклось въ Версаль для прославленія королевскаго величія.

Перенесемся на одно мгновеніе въ Версальскій дворецъ и посмотримъ на разнообразное и блистательное общество, которое толпится въ его великолѣпныхъ залахъ.

Вотъ идетъ человѣкъ, хотя низкій, но стройный и съ прекрасною наружностію. Въ его взорѣ много ума, рѣшительности, даже геніальности, а на самомъ лицѣ выраженіе любезности и такой превлекательной довѣрчивости, что всякій невольно чувствуетъ къ нему уваженіе и привязанность. Это великій Конде, побѣдитель при Рокруа, Ланѣ и въ столько другихъ знаменитыхъ сраженіяхъ. Нѣкогда онъ предписывалъ условія королевѣ Аннѣ и Мазарину, а теперь онъ первый подданный Лудовика XIV и придворный въ Версалѣ.

Здѣсь же другой, высокаго роста и величественной наружности, съ пламеннымъ и гордымъ видомъ, рожденный болѣе повелѣвать, нежели повиноваться. Онъ спокойно принимаетъ оказываемые ему знаки

почтенія и ни сколько не заботится о пышной толпѣ, его окружающей. Это Генрихъ де ла Туръ д'Овернь Виконтъ де Тюрень (Henri de la Tour d'Auvergne, Vicomte de Turenne), маршалъ войскъ Лудовика. Его отецъ былъ владѣтельнымъ герцогомъ Бульонскимъ и воевалъ даже противъ Франціи, но Ришелье взялъ Седанъ, его столицу, и принудилъ подобно многимъ другимъ покориться своему генію. Теперь сынъ независимаго Бульонскаго герцога адъютантъ короля и старается безпрерывно не потерять благосклонности сына Лудовика XIII.

Посмотрите далѣе. Вы видите двухъ людей, стоящихъ вмѣстѣ, но совершенно противоположныхъ. Одинъ высокій, худой, съ скромнымъ видомъ и съ почтительными пріемами; другой средняго роста, толстый и показывающій во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ и словахъ гордость и привычку повелѣвать другими. Въ ихъ обоюдномъ взорѣ весьма много ума и проницательности, но у перваго величіе, соединенное съ геніальностью, у втораго рѣшительность и самоувѣренность. Ихъ одежда также различна. Одинъ весь въ черномъ и при томъ безъ малѣйшаго щегольства и роскоши, другой напротивъ въ бархатѣ и золотѣ; на его пурпуровомъ камзолѣ золотое шитье, унизанное жемчугомъ и брильянтами, на рукавахъ драгоцѣнныя кружева и на пальцахъ кольца. У перваго парикъ маленькій, съ коротенькими кудрями, у втораго самый длинный, какой только носили въ то время.

Кто же эти вельможи, окруженные толпою обожателей? Это два главныхъ министра Лудовика—Жанъ Баптистъ Кольберъ и Ле Телье маркизъ де Лувуа (Le Tellier marquis de Louvois).

Но ни Тюрень и Конде, ни Кольберъ и Лувуа не произвели своимъ появленiемъ въ Версальскомъ дворцѣ того впечатлѣнiя, какъ новое лице, теперь прибывшее. И великiе подвиги Конде и Тюрена, и творческiя, безсмертныя созданiя Кольбера, и неоцѣнимыя заслуги Лувуа, все было забыто на одно мгновенiе, и придворные, исключая весьма немногихъ, спѣшили изъявить свое почтенiе этой особѣ. Эта всѣми привѣтствуемая особа — Атенаида герцогиня Мортемаръ маркиза Монтеспанъ, maitresse déclarée Лудовика XIV. Между всѣми женщинами, господствовавшими въ Версалѣ, госпожа Монтеспанъ была самая блистательная. Она происходила отъ однаго изъ самыхъ древнихъ домовъ Францiи и одарена была рѣдкою красотою и умомъ необыкновенно живымъ, разнообразнымъ и проницательнымъ. Высокаго, стройнаго роста, съ правильными чертами, прелестнымъ цвѣтомъ лица и восхитительнымъ выраженiемъ глазъ, она какъ будто бы самою природою назначена была для господства. Ея характеръ былъ пылкiй, страстный и надменный, но въ тоже время легкiй и перемѣнчивый. Въ порывѣ страсти она дѣлалась ужасною, но обыкновенно была ласковою, простою и снисходительною. Бесѣда ея была такъ прiятна и увле-

кательна, что трудно было съ нею разстаться, и всякой, находясь съ нею, забывалъ время. Въ этомъ сознается даже герцогиня Орлеанская, бывшая открытымъ врагомъ г-жи Монтеспанъ. Къ этому присоединялось милое своенравіе, такъ нравящееся въ любезной женщинѣ, сладостная небрежность и пышность, переходившая даже въ расточительность. Однимъ словомъ, она обладала всѣмъ для своего положенія: множествомъ самыхъ плѣнительныхъ качествъ, но вовсе безъ добродѣтели. Самое вступленіе ея на новое поприще было необыкновеннымъ. Маркизъ Монтеспанъ, ея супругъ, явился при дворѣ въ глубокомъ траурѣ; всѣ его окружили, и самъ король спрашивалъ съ участіемъ, по комъ онъ носитъ трауръ? «По женѣ, Государь», отвѣчалъ Маркизъ и уѣхалъ изъ Версаля съ тѣмъ, чтобы болѣе туда не возвращаться.

Здѣсь же и Боссюэтъ. Онъ всегда простъ и скроменъ въ своемъ обращеніи; на его лицѣ выражается благочестіе и доброта, соединенныя съ глубокимъ умомъ, а въ голосѣ удивительная нѣжность и пріятность. Онъ съ самодовольствіемъ принимаетъ всеобщее привѣтствіе, какъ человѣкъ уже давно къ тому привыкшій. Это уваженіе однако отдается не одному его генію, но и его заслугамъ королю Франціи. Боссюэтъ имѣетъ въ Версалѣ важное занятіе: онъ завѣдываетъ всѣми церковными дѣлами Лудовика. Онъ управляетъ всѣми сношеніями короля съ папою, онъ защищаетъ королевскую власть противъ власти церковной, онъ

доказываетъ съ величайшимъ остроуміемъ, что политика Лудовика основана на священныхъ предписаніяхъ ветхаго и новаго завѣта. Сочиненіе его по сему послѣднему предмету издано подъ заглавіемъ: La politique tireé des propres paroles de l'Ecriture.

Вотъ идетъ человѣкъ толстый, но стройный, и весьма пріятной наружности. На его лицѣ довольство и веселость, и въ обращеніи непринужденность и свобода. Онъ часто бываетъ съ королемъ; имѣетъ къ нему свободный входъ во всякое время и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ безъ приглашенія, дѣлая всякаго рода вопросы и спрашивая о всѣхъ новостяхъ. Онъ болтаетъ безъ затѣй съ принцессами и дружески трепletъ по плечу принцевъ крови. Знаете ли, кто далъ ему это право, до котораго не достигали ни маршалы, ни перы, ни герцоги? Только одинъ дворецъ, котораго онъ зодчій. Это Жюль Ардуэнь Мансаръ, архитекторъ Версаля. Лудовикъ XIV основалъ монархію, Мансаръ далъ ей пристойное жилище, и Лудовикъ уважаетъ и ласкаетъ его какъ руку, которою онъ воздвигнулъ себѣ вѣчный памятникъ.

Оставимъ однако на-время главныя залы и заглянемъ въ боковыя комнаты, которыя рѣдко для всѣхъ открыты, но тѣмъ не менѣе наполнены; и здѣсь, какъ и тамъ, мы найдемъ людей, отличающихся отъ другихъ и останавливающихъ на себѣ общее вниманіе

Вотъ одинъ съ видомъ, показывающимъ недостатокъ воспитанія, но много ума, хитрости и скрытности. Онъ входитъ всюду и во всякое время, но всегда задними дверями. Ему всѣ кланяются и стараются поговорить съ нимъ; онъ всегда отдаетъ поклонъ, но отвѣчаетъ рѣдко, и не иначе какъ коротко и односложно. Этотъ человѣкъ, котораго мущины стараются имѣть своимъ другомъ, а женщины своимъ повѣреннымъ, знаете ли вы, кто онъ? Это Бонтанъ (Bontemps), первый каммердинеръ Лудовика XIV.

Вотъ и другой всегда учтивый и всегда улыбающійся, счастливый въ игрѣ, въ которой никогда не проигрываетъ, усердный прислужникъ дамъ, которыя понравились королю, и участникъ во всемъ, что только происходитъ въ Версалѣ. Этотъ человѣкъ называется Данжо (Dangeau). Хотите ли знать, что придало ему этотъ важный видъ, котораго онъ ни предъ кѣмъ не измѣняетъ, и который подчинилъ ему не только лесть придворныхъ, но и удивленіе поэтовъ? Это услуги, оказанныя имъ Лудовику XIV. Въ молодости короля, онъ былъ посредникомъ въ его любовныхъ интригахъ; онъ завѣдывалъ его перепискою; онъ сочинялъ ему письма къ г-жѣ Ла Вальеръ и поправлялъ собственныя ея письма въ отвѣтъ къ королю. Теперь его роль измѣнилась, но занятіе осталось тѣмъ же: тогда онъ описывалъ любовь и назначалъ свиданія, теперь онъ описываетъ день за день и часъ за часомъ, все, что дѣлается и что

говорится въ Версалѣ, все, что происходитъ открыто въ большихъ залахъ и что скрывается въ малыхъ; что восходитъ и нисходитъ по ступенямъ дворца; какія слова произнесъ король; на комъ онъ остановилъ взоръ свой; все это онъ замѣчаетъ и все записываетъ съ самою строгою точностію. И такъ, вотъ причина счастія Данжо: онъ исторіографъ Версаля. Придворные смѣются надъ нимъ за глаза; между-тѣмъ ему кланяются, его ласкаютъ и называютъ великимъ.

Наконецъ третій—постоянный житель комнаты, находящейся предъ королевскою спальнею и называемой Oeil de Boeuf. Въ ней живетъ высокій, дебелый Швейцарецъ, заключенный здѣсь какъ медвѣдь въ клѣткѣ. Онъ ѣстъ, пьетъ и спитъ въ этой комнатѣ; онъ ее никогда не оставляетъ и вовсе не знаетъ другой части дворца. За самыми простыми ширмами стоитъ его кровать и столъ, и отдѣляетъ его отъ Людовика. Двенадцать словъ составляютъ весь его языкъ и выражаютъ всю его службу: passez messieurs; passez mesdames; le roi; retirez vous; on n'entre pas, monseigneur; и monseigneur удаляется, не произнося ни одного слова. Его всякій привѣтствуетъ и никто не смѣетъ ему противорѣчить; голосъ его разгоняетъ цѣлыя тучи графовъ, маркизовъ, герцоговъ, маршаловъ. Онъ знаетъ только своего Государя, всѣ прочіе ему совершенно равны, даже принцы и принцессы, съ которыми онъ говоритъ какъ со всѣми, просто, коротко и одно-

сложно. По его голосу собираются или расходятся придворные, и съ вниманіемъ слѣдятъ за малѣйшимъ движеніемъ его огромной руки, которая держитъ ручку замка отпирающаго дверь въ собственную комнату государя. Подарки получаемые имъ въ новый годъ, простираются до 500 луидоровъ, потому-что никто не рѣшится вложить въ эту грозную руку такой низкій металлъ, какъ серебро. При наступленіи вечера, по принятому тогда обычаю, придворные спѣшатъ въ Oeil de Boeuf и тѣснятся у запертой двери, ожидая чести быть приглашенными къ ужину Лудовика. Многіе стремились болѣе сорока лѣтъ къ этой милости, подходя ежедневно къ неблагодарной двери; многіе умерли прежде, нежели она для нихъ отворилась, но каждый ласкалъ себя пріятною надеждою и не терялъ ея никогда, не смотря на столь частыя неудачи. Послѣ двухчасоваго ожиданія, дверь наконецъ раскрывалась, являлся Бонтанъ со спискомъ въ рукѣ и провозглашалъ семь или восемь именъ. Счастливцы входятъ, дверь затворилась, а швейцаръ спокойно предлагаетъ другимъ удалиться.

Новая монархія, это созданіе Лудовика XIV, должна была явиться во всемъ блескѣ и юношеской силѣ, въ противоположность умирающимъ среднимъ вѣкамъ. Оттуда необходимость тѣхъ войнъ и той пышности, которыми отличается царствованіе сего короля. Войны должны придать ему уваженіе Европы; богатство двора возбудить привязанность и восторгъ подданныхъ.

Но противъ кого могла быть направлена новая сила Франціи? Англія занята была внутренними дѣлами, а Германія истощена тридцатилѣтнею войною. Остались Испанія и Голландія, раздѣлявшія владычество міра. Испанія обладала странами самыми богатыми, самыми населенными и обширными; въ ея предѣлахъ солнце никогда не заходило. Но въ ней не доставало внутренней жизни, протестанство нанесло ей сильный ударъ, а кровавое царствованіе Филиппа II совершенно ее погубило. Эта страна прозябала какъ растеніе безъ сознанія, безъ дѣятельности: строгій церемоніалъ замѣнялъ достоинство, а Мексиканское серебро и Перуанское золото народное богатство.

Съ другой стороны была Голландія, населенная народомъ малочисленнымъ, суровымъ, скупымъ и молчаливымъ. Но этотъ народъ сдѣлалъ много великаго, хотя безъ всякаго величія; онъ отнялъ у моря свою землю и господствовалъ надъ нимъ своимъ флотомъ.

Таково было положеніе запада при вступленіи на престолъ Лудовика XIV. Земля принадлежала Испаніи, море Голландіи. Надобно было раздробить одну и ослабить другую Это и было совершнено въ полной мѣрѣ. Голландія перестала быть морскою державою, а Испанія заключена въ границы Пиренейскаго полуострова. Франція достигла однако своей цѣли послѣ долгихъ и напряженныхъ усилій; побѣда, одер-

жанная Лудовикомъ, была для него самаго смертельною раною. Впрочемъ нельзя не удивляться постоянству и твердости, которыя обнаружилъ Король Франціи, приводя въ исполненіе свою политику: во все свое царствованіе онъ неизмѣнно слѣдовалъ одному направленію, не уклоняясь отъ него ни во время побѣдъ, ни во время пораженій. Съ этою цѣлію онъ предписывалъ условія на переговорахъ Ахенскомъ, Нимвегенскомъ и Рейсвикскомъ; но только въ мирѣ Утрехтскомъ онъ увидѣлъ свои желанія увѣнчанными успѣхомъ. Испанія была не только раздроблена, но и отдана Французскому принцу.

Такому блеску побѣдъ соотвѣтствовалъ и блескъ двора Лудовика. Современные писатели не знаютъ, гдѣ найти довольно словъ, чтобы выразить пышность Версальской жизни. Вотъ, напримѣръ, пиршество, данное въ честь герцогини Ла Вальеръ и продолжавшееся три дня сряду съ неслыханнымъ великолѣпіемъ.

Въ среду 7 мая 1664 года, дворъ прибылъ въ Версаль слишкомъ съ шестью стами приглашенными. Мысль къ этому торжеству подана была герцогомъ Сент-Эньянъ (Saint-Aignan), а исполненіе предоставлено было одному Итальянцу, Вигарани. Версаль превратился какъ бы волшебствомъ въ дворецъ Альчины и придворные въ ея паладиновъ. Все заимствовано было изъ Аріоста и составляло родъ драматической поэмы, которую играли три дня и которая на-

зывалась: «удовольствiя волшебнаго острова» (les plaisirs de l'ile enchantée).

Первый актъ, т. е. первый день представилъ удивленному двору великолѣпный турниръ. Король, въ костюмѣ Рогера, весь покрытый алмазами, въѣхалъ въ средину амфитеатра, построеннаго съ чрезвычайнымъ великолѣпiемъ и роскошью, и привѣтствовалъ дамъ; ему предшествовали герольды, пажи и конюшiе; за нимъ слѣдовали рыцари, долженствовавшiе оспаривать у него побѣду. За этимъ явилась огромная колесница, въ видѣ солнца, и окруженная лицами, изъ коихъ одни изображали четыре вѣка, о которыхъ мечтали древнiе, какъ то: золотой, серебряный, желѣзный и мѣдный; другiя представляли четыре возраста жизни, времена года и т. д. Колесницу сопровождало множество духовъ, генiевъ, волшебницъ фей, древнихъ боговъ и богинь. Важнѣйшiя изъ миѳологическихъ лицъ привѣтствовали королеву и герцогиню Орлеанскую стихами, сочиненными президентомъ Перипьи и Бенсерадомъ. Наконецъ начался турниръ. Король былъ повсюду побѣдителемъ. При наступленiи ночи, божества, окружавшiя колесницу солнца, накрыли столы для ужина. Панъ и Дiана угощали короля и рыцарей. Госпожа де Ла Вальеръ сидѣла близъ королевы.

Второй день особенно замѣчателенъ былъ представленіемъ «принцессы Элидской» (la princesse d'Élide), новой комедіи Мольера. Образцовыя творенія этаго поэта служили въ Версалѣ для наполненія междудѣйствія и развлеченія гостей. Но что хотѣлъ изобразить Мольеръ въ этой комедіи? Вотъ что говоритъ Эвріалу Арбатъ въ первомъ явленіи:

Moi, vous blâmer, seigneur, des tendres mouvements
Où je vois qu'aujourd'hui penchent vos sentiments!
Le chagrin des vieux jours ne peut aigrir mon âme
Contre les doux transports de l'amoureuse flamme;
Et, bien que mon sort touche à ses derniers soleils,
Je dirai que l'amour sied bien à vos pareils;
Que ce tribut qu'on rend aux traits d'un beau visage
De la beauté d'une âme est un vrai témoignage,
Et qu il est malaisé que, sans être amoureux,
Un jeune prince soit et grand et généreux.
C'est une qualité que j'aime en un monarque;
La tendresse du coeur est une grande marque
Que d'un prince à votre âge on peut tout présumer
Dès qu'on voit que son âme est capable d'aimer.
Oui, cette passion, de toutes la plus belle,
Traîne dans son esprit cent vertus après elle,
Aux nobles actions elle pousse les coeurs,
Et tous le grands héros ont senti ses ardeurs.

Кто не замѣтитъ въ Эвріалѣ Лудовика и въ принцессѣ Элидской—герцогини Лавальеръ? Такъ искусно умѣлъ Мольеръ подчинять свою лиру требованіямъ двора и духу времени!

Въ третій день празднество сосредоточилось въ окрестности и въ самомъ дворцѣ Альчины, построенномъ на большомъ прудѣ. Этотъ день заключенъ былъ великолѣпнымъ фейерверкомъ, которымъ и кончились удовольствія волшебнаго острова, но не всеобщее пиршество, продолжавшееся еще нѣсколько дней, хотя и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ. И теперь, какъ и прежде, комедіи Мольера служили для наполненія промежутковъ. Въ воскресенье вечеромъ онъ выставилъ на сцену «les facheux»; пьеса принята была довольно хорошо, но всего болѣе понравилась сцена охотника; во время ея представленія, всѣ зрители пришли въ невыразимый восторгъ. Знаете ли почему? Мысль этой сцены подана была Мольеру самимъ Лудовикомъ, и сцена вставлена по его желанію.

Великолѣпіе пиршествъ, данныхъ Лудовикомъ XIV въ первые годы его царствованія, привело въ удивленіе не только его дворъ, но и всю Европу; однако это великолѣпіе было ничтожно въ сравненіи съ роскошью, или лучше расточительностію, временъ послѣдующихъ. Вмѣстѣ съ увеличивающимся вліяніемъ г-жи Монтеспанъ и они увеличивались и достигли едва понятной степени. Г-жа Лавальеръ избѣгала королевскихъ подарковъ, г-жа Монтеспанъ напротивъ истощала всю казну. Ей подражали другія, и герцогиня Фонтанжъ издерживала каждый мѣсяцъ сто тысячь экю (100.000 рублей серебромъ). Въ то вре-

мя это было вещію обыкновенною. Брильянты, находившіеся во владѣніи короля и стоившіе при вступленіи его на престолъ только 700.000 франковъ, увеличились до того, что ихъ цѣнили въ 1696 году въ 11.330.000 франковъ, а въ 1715 году, при представленіи Персидскаго посла, Лудовикъ XIV имѣлъ на себѣ одежду, унизанную драгоцѣнными камнями на 12½ милліоновъ франковъ. Къ этому присоединилась страсть къ игрѣ, отнимавшая иногда милліоны въ нѣсколько часовъ. Король заплатилъ однажды за герцогиню Бургундскую двенадцать тысячь луидоровъ, и въ тотъ же самый день за другую принцессу 20,000 экю А г-жа Монтеспанъ проиграла въ одинъ вечеръ четыре милліона ливровъ. Все это выдавалось изъ государственнаго казначейства.

Мы сказали выше, что царствованіе Лудовика XIV не осталось въ однихъ предѣлахъ Франціи, но имѣло отголосокъ во всей западной Европѣ; и формы единодержавія, утвержденныя Лудовикомъ и приведенныя въ систему, тотчасъ были приняты во всѣхъ государствахъ Вмѣстѣ съ ними принятъ былъ Французскій языкъ, который пріобрѣлъ вездѣ полное господство, сохранилъ его даже до настоящаго времени и вытѣснилъ языки національные. Самые дипломатическіе переговоры, которые были ведены до того времени на языкѣ испанскомъ или итальянскомъ, приняли теперь языкъ Франціи. Франція одер-

жала верхъ надъ Испаніею, она заняла ея мѣсто и утвердилась па ея развалинахъ.

Семнадцатое столѣтіе называется совершенно справедливо вѣкомъ Лудовика XIV. Царствуя во Франціи, онъ царствовалъ нравственно въ цѣлой западной Европѣ. Германія, Италія, Испанія спѣшили сбросить съ себя прежнюю одежду и подражали Лудовику. Его царское величіе, блескъ двора его, его власть, которой все покорствовало, даже образъ жизни, этикетъ и самое легкомысліе, все нашло самый вѣрный отголосокъ въ другихъ странахъ запада. Это господство Лудовика XIV, уже само по себѣ твердое, пріобрѣло сильную подпору во Французской литературѣ, которая сдѣлала завоеванія, сохранившіяся гораздо долѣе, нежели всѣ его побѣды. Французская литература достигла въ то время великаго внутренняго достоинства. Подлѣ великаго отца трагедіи, глубокомысленнаго и высокаго Корнеля, котораго можно сравнить съ Эсхиломъ, явился болѣе нѣжный, пріятный и поэтическій, Софоклъ Франціи—Расинъ. Послѣ Аристофана не было комика, который бы съ такимъ искуствомъ, съ такою тонкостію и ѣдкостію умѣлъ представить человѣческія слабости, какъ Мольеръ. При томъ творческія созданія сего послѣдняго относятся къ цѣлому человѣчеству, а не къ одному мѣсту и времени какъ у Аристофана. Вотъ причина, проложившая ему дорогу ко всѣмъ образованнымъ народамъ. Его юморъ не какой нибудь частный, случай-

ный и иногда отталкивающій: онъ проникаетъ напротивъ въ самую глубину человѣческаго сердца и въ свободномъ поэтическомъ полетѣ оставляетъ различіе странъ и народовъ, касаясь только человѣка. Подлѣ сихъ героевъ Французской литературы были другіе, не менѣе великіе: критическій и рѣзкій Буало; нѣжный и наивный Лафонтенъ; умный, благородный и добродѣтельный Фенелонъ; глубокій и краснорѣчивый Боссюэтъ и наконецъ проницательный мыслитель Паскаль. Вотъ блюстители и спутники величія Лудовика XIV! кто могъ противиться герою, окруженному такимъ блескомъ?

Въ Германіи Вестфальскій миръ утвердилъ совершенную независимость различныхъ владѣтелей, такъ что политическое единство сей страны существовало почти по одному имени въ лицѣ императора, не имѣвшаго никакой силы. Самодержавная монархія Лудовика XIV нашла въ Германіи столько же подражателей, сколько было въ ней государей. Каждый изъ нихъ желалъ представить сего короля во всемъ его блескѣ и во всѣхъ формахъ, и дѣйствовалъ въ своей землѣ по образцу Версальскому. Дворы даже самыхъ мелкихъ Германскихъ владѣтелей получили устройство двора Французскаго; тамъ все напоминало Лудовика: и этикетъ, и церемоніалъ, и языкъ, и самая пышность. Маркграфъ Баденъ Дурлахскій началъ даже строить въ Раштадтѣ дворецъ, который долженствовалъ быть не только подражаніемъ, но

совершеннымъ снимкомъ дворца Версальскаго: онъ остановленъ былъ недостаткомъ средствъ. Одинъ только флигель конченъ и сохранился до нашего времени, какъ памятникъ преобладанія Франціи. Другой владѣтель этаго же маркграфства, Карлъ Вильгельмъ, господствовавшій не болѣе какъ надъ 29 квадратными милями, оставилъ свою столицу Дурлахъ и, подобно Лудовику XIV, основалъ новую резиденцію въ лѣсу между Дурлахомъ и Раштадтомъ. Онъ построилъ тамъ огромный дворецъ, заставилъ своихъ подданныхъ поселиться въ его окрестностяхъ, и приказалъ расположить всѣ улицы такъ, чтобы онѣ по примѣру Версаля сосредоточивались въ балконѣ дворца. Этотъ Версаль Баденскій называется Карлсру. Курфюрстъ Гессенскій слѣдовалъ той же политикѣ и построилъ Вильгельмсъ-Таль и Вильгельмсъ-Гёе. Тамъ устроены каскады и фонтаны по образцу Версальскихъ и съ ослѣпительною пышностію (теперь все это запущено и въ развалинахъ). Новое направленіе увлекло не только мелкихъ владѣтелей, но и всѣхъ государей Германіи. Король Прусскій имѣлъ свой Потсдамъ; электоръ Баварскій Шлезгеймъ, императоръ Шёнбрунъ. Всѣ подражали Лудовику.

Въ Испаніи самодержавная власть утвердилась въ правленіе Филиппа II. но была соединена, можно сказать, утверждалась на инквизиціи. Филиппъ III Филиппъ IV и Карлъ II царствовали такъ слабо, что не могли продолжать начатое и возбудить прежнее

величіе въ народѣ Лудовикъ XIV видѣлъ съ самодовольствіемъ подъ конецъ жизни, что его правила и его понятіе о монархіи перешли въ Испанію вмѣстѣ съ его внукомъ, вступившимъ на престолъ Испанскій.

Но Лудовикъ XIV не нашелъ достойныхъ себѣ преемниковъ, и основанная монархія не была продолжаема; эта великая мысль была оставлена: великолѣпное зданіе не имѣло зодчаго. Какъ было прискорбно для престарѣлаго короля видѣть всѣ свои великія предначертанія переходящими въ руки пятилѣтняго дитяти, который остался одинъ изъ всего его семейства! 14-го апрѣля 1711 года умеръ дофинъ, единственный сынъ Лудовика. Сынъ дофина, герцогъ Бургундскій, принялъ титулъ дофина, но и онъ вскорѣ послѣдовалъ за отцомъ. Его супруга сдѣлалась больною вдругъ въ началѣ февраля и скончалась въ ужасныхъ мученіяхъ, спустя нѣсколько дней, 12 февраля 1712 года. Король присутствовалъ безотлучно и принялъ ея послѣдній вздохъ, стоя на колѣнахъ у ея изголовья. Дворъ отправился въ Марли, гдѣ собранъ былъ на другой же день совѣтъ для разсужденія о новомъ бракѣ дофина; но сей принцъ, бывшій надеждою всему новому поколѣнію, не пережилъ даже рѣшенія: онъ умеръ спустя 6 дней послѣ своей супруги, 18-го февраля Герцогъ Бретанскій, старшій сынъ герцога Бургундскаго, правнукъ Лудовика, былъ названъ дофиномъ; ему было 7 лѣтъ; но и онъ скончался скоропостижно

8-го марта. 1714 года 4-го мая умеръ герцогъ Беррійскій, младшій братъ Филиппа V (старшаго внука Лудовика); еще прежде, 15 го апрѣля 1713, умеръ его единственный сынъ. Остался только герцогъ Анжуйскій (сынъ герцога Бургундскаго и братъ герцога Бретанскаго), царствовавшій въ-послѣдствіи подъ именемъ Лудовика XV. Парижъ, видѣвшій до того только славу Лудовика, былъ теперь свидѣтелемъ, какъ его блистательная и многочисленная династія нисходила быстро въ могилу. Съ того времени Версальскій дворецъ принялъ на себя одежду скорби и печали; прежняя веселость улетѣла. Кто видѣлъ въ то время Лудовика XIV и его дворъ, могъ только съ прискорбіемъ помышлять о прошедшемъ и будущемъ. Версаль долженъ былъ сдѣлаться теперь свидѣтелемъ слабости и раскаянія великаго короля, сохранившаго изъ всѣхъ сокровищъ своихъ только одно: сознаніе своего величія, которое не оставляло его до самой могилы.

Есть въ Парижѣ въ Люксамбургской галлереѣ одна небольшая картина, нарисованная женскою рукою съ большимъ чувствомъ и истиною. Она представляетъ богато украшенную комнату и въ ней покоящагося въ креслахъ старца, который приближается къ смерти. Въ его чертахъ, оживленныхъ послѣднимъ напряженіемъ, изображено необыкновенное благородство и царское величіе. Передъ нимъ прекрасный ребенокъ и двѣ престарѣлыя женщины, изъ коихъ одна поддерживаетъ его въ креслахъ, а другая под-

водитъ къ нему ребенка. Этотъ старецъ — Лудовикъ XIV, первая женщина госпожа Ментенонъ, вторая герцогиня Вантадуръ, а дитя, его правнукъ, Лудовикъ. Эта картина представляетъ то мгновеніе, когда умирающій король, за нѣсколько дней предъ своею кончиною, далъ послѣднее благословеніе дофину. Невозможно на нее смотрѣть безъ внутренняго умиленія, особенно вспомнивъ послѣднія слова, произнесенныя Лудовикомъ при семъ торжественномъ случаѣ. «Мой сынъ», говорилъ онъ, «ты начнешь скоро царствовать надъ великимъ государствомъ; я тебѣ совѣтую особенно никогда не забывать своихъ обязанностей къ Богу. Старайся сохранить миръ съ союзниками: я слишкомъ любилъ войну. Не подражай мнѣ въ этой привязанности, ни въ слишкомъ большой моей пышности; облегчи, какъ можно скорѣе, народныя тягости, и сдѣлай то, чего я, по несчастію, не могъ сдѣлать.» Спустя пять дней послѣ сихъ словъ, 1-го сентября 1715 года, король Лудовикъ XIV скончался 77 лѣтъ отъ роду.

М. Куторга.

ПИСЬМО ИЗЪ ВОСТОЧНОЙ ИНДІИ.*

(Князю П. А. Вяземскому.)

Симла, въ Гималейскихъ горахъ.

Симла, Англійскій Баденъ въ Гималеѣ, лежитъ среди сосновыхъ лѣсовъ, гдѣ обезьяны прогуливаются стадами, 8000 футовъ надъ поверхностію моря. Общество, не весьма модное, состоитъ изъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ Индѣйской компаніи, убѣгающихъ или взбѣгающихъ сюда отъ смерти изъ низменныхъ краевъ Индіи, гдѣ температура теперь убійственна для Европейцевъ. Мущинъ здѣсь человѣкъ 60, а дамъ болѣе 80, изъ коихъ многія носятъ черное платье, потерявъ мужей въ Авганистанѣ, убитыхъ въ Кайберъ-Пасѣ. На освобожденіе плѣнныхъ въ Кабулѣ Англичанъ и Англичанокъ почти нѣтъ никакой надежды. Прохлаждающихся здѣсь въ Симлѣ немного въ сравненіи съ числомъ Англичанъ въ Индіи.

* Въ XXVI т. Соврем. (стран. 12 *нумераціи первой*) было помѣщено письмо того же автора, которому принадлежитъ и помѣщаемое нынѣ. Впрочемъ предметы ихъ не состоятъ въ особенной связи.

Редакц.

Всего во владѣніяхъ Индѣйской компаніи полагаютъ нынѣ чиновниковъ, Англичанъ, статскихъ и военныхъ, около 6000 человѣкъ, а солдатъ Англичанъ до 40.000. Но есть и другія мѣста для прохлажденія. Въ Мадрасскомъ президентствѣ *Ниль-Гери*, т. е. Синія горы, *Утакамандъ* (Ootucumund) стоитъ такъ же высоко, какъ Симла здѣсь, а недалеко отъ Калькуты, миль за 100, есть мѣсто *Дарджили* въ Асамскихъ горахъ; близъ Бомбея же *Маблешуарскія* горы, но онѣ, къ сожалѣнію, не такъ-то высоки. — Ожидаемъ сюда въ Симлу генералъ-губернатора лорда Элленборо; приготовляются празднества и поправляются дороги. — Какъ я уже замѣтилъ, модниковъ не много, но есть ученые, которые задаютъ мнѣ вопросы о Россіи, напримѣръ: что я думаю о Русскомъ языкѣ? — Я затрудняюсь въ отвѣтѣ — Мудренъ, говорятъ они: при полковой музыкѣ есть одинъ изъ вашихъ Русскихъ, капельмейстеръ — съ нимъ вы можете говорить по-своему. Этотъ Русскій не что иное, какъ Нѣмецъ или колонистъ Баварской породы — мужикъ, едва лепечущій по-Нѣмецки (plattdeutsch), бывшій мальчикомъ въ Москвѣ съ Бонапартомъ, въ качествѣ барабанщика, а теперь проживающій здѣсь ужъ 11 лѣтъ—музыкантъ отличный на кларнетѣ, командующій 30-ю Индѣйцами, которыхъ выучилъ, говорятъ, въ 40 дней играть Нѣмецкіе марши, вальсы, кадрили и галопы.—Также расказываютъ мнѣ про многихъ Русскихъ путешественниковъ здѣсь въ Индіи. Одинъ изъ нихъ Гюгель (или, какъ Англичане произ-

носятъ, Югель), оказалось, Венгерецъ; другой—Шаадъ, какъ мнѣ сказали достовѣрно, Русскій, оказалось, Жидъ; третій, съ длинной бородой, Армянинъ, и другіе. А когда я говорю по-Русски, то знающіе Англичане находятъ неимовѣрное сходство между Русскимъ и Голландскимъ языкомъ; другіе утверждаютъ, напротивъ того, что Русскій языкъ, ни дать ни взять, irish или welsh, но всего болѣе схожъ съ Нѣмецкимъ. Я осмѣлился замѣтить, что нахожу тутъ мало сходства, но что, мнѣ кажется, Англійскій похожъ на Нѣмецкій. Тогда всѣ присутствовавшіе съ гордою улыбкой пожалѣли о моемъ невѣжествѣ. Англичане, здѣсь по крайней мѣрѣ въ Индіи, думаютъ, что мы не что иное, какъ отродье Гох-Нидер-Кур-Фин-Эст-или Гол-ландскаго племени съ примѣсью Чуди и Татаръ, и что языкъ нашъ есть Нѣмецкій патуа, смѣшанный съ Татарщиной. Я имъ сказалъ, что былъ древній народъ Славяне, народъ славный, что онъ и теперь существуетъ подъ именемъ Русскихъ, что по-Нѣмецки и по-Татарски Русскій народъ мало знаетъ, а говоритъ по-своему, и что между Русскими и Нѣмцами не болѣе сходства, какъ между Англичанами и Авганцами. — Они удивились. — Одинъ Англійскій путешественникъ ясно доказываетъ въ своей книгѣ, что *Англичане* происходятъ отъ *Черкесовъ*, по крайней мѣрѣ, что сіи два народа, столь отличные во многихъ отношеніяхъ, однаго *Норманскаго* происхожденія, и отъ того Англичанки такъ хороши. Это мнѣніе весьма здѣсь нравится. Потому Черкесовъ они считаютъ

лучшими наѣздниками въ свѣтѣ, всѣхъ красивѣе и всѣхъ храбрѣе, какъ и себя.

Кромѣ рѣдкихъ баловъ, для разсѣянія здѣсь служатъ прогулки верхомъ или на джампанѣ (jampaun — сѣдалищѣ на оглобляхъ, которое несутъ восемь человѣкъ Горцевъ по узкимъ тропамъ, около пропастей, съ непривычки страшныхъ) и безконечные обѣды. Между прочими произведеніями въ здѣшнихъ горахъ родится капуста; я изъ нея дѣлаю лѣнивые щи, которыми потчую Англичанъ. Также есть грибы и рѣдька. Здѣсь, въ глуши сосновыхъ лѣсовъ (ибо не пальмы здѣсь растутъ), дома разбросаны весьма далеко одинъ отъ другаго, воздухъ сырой; деревья издаютъ свѣжій запахъ, и когда вечеромъ огонь въ каминѣ, а на столѣ щи, можно забыться и вообразить себя въ деревнѣ; только не достаетъ цымлянскаго краснаго съ полынью, въ замѣнъ коего я употребляю Рейнвейнъ самый простой (какой, по счастью, здѣсь есть), *Landwein* — къ крайнему удивленію Англичанъ, которые, кромѣ пива и бранди, ничего знать не хотятъ и все считаютъ вреднымъ. Я упомянулъ, что здѣсь холодно и сыро, и сосновые лѣса, а въ 20 верстахъ отсюда, внизу, пальмовыя рощи и адскій воздухъ.

Собираюсь въ Чини (Cheenee) по ту сторону горъ, первый городъ въ Китайской Татаріи, куда дорога идетъ черезъ *Боренда-гатъ* (это по-Индѣйски, а по-

Англійски Борендо-пасъ, по-Русски переходъ или проходъ Борендо) сквозь Гималейскую цѣпь. Это мѣсто лежитъ 15.000 футовъ надъ поверхностью моря, выше Монблана, но по здѣшней широтѣ снѣгъ тамъ находится не всегда. Мнѣ бы хотѣлось изблизи увидѣть снѣговыя горы и взглянуть на Тибетскую равнину (the transhimalayan region) и на плоскорожихъ Калмыковъ. Область Канауръ, гдѣ городъ Чини, славится виноградомъ. На островѣ Цейланѣ я видѣлъ высѣченныя въ скалахъ изваянія священниковъ и Будовъ, выкрашенныя желтою краскою и украшенныя цвѣтами, похожими на жасминъ, бѣлыми и удушливо - душистыми. Эти цвѣты въ большомъ употребленіи въ южной Индіи. Дѣвушки втыкаютъ ихъ себѣ въ волоса. На чистомъ воздухѣ запахъ отъ нихъ прекрасенъ, но въ комнатѣ нестерпимъ. Буды, украшенные ими, совершенно подобны тѣмъ, которыхъ я видалъ въ маломъ видѣ у нашихъ Калмыковъ Астраханскихъ и другихъ.

Близъ Цейлана, въ лѣсу кокосовомъ и пальмановомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ-старину Гануманъ переправлялся на мысъ Коморинъ, есть чудное капище *Рамиссерамъ*. Здѣсь я впервые увидѣлъ образчикъ Индѣйской миѳологіи. Въ храмѣ двенадцать черныхъ дѣвъ окружили меня, запѣли дико, и странными тѣлодвиженіями и знаками завели таинственную языческую пантомиму, и мнѣ почудилось, какъ во снѣ,

что я перенесенъ въ сѣдую старину Одежда этихъ дѣвъ была антична и оригинальна въ своемъ Индѣйско-миѳологическомъ духѣ, а лица разительны и особенны (Со мной былъ Англійскій офицеръ, который смотрѣлъ на это, какъ кто-нибудь изъ насъ смотрѣлъ бы на Чухонскую пляску подъ волынку). Слоны пали на колѣна, и съ нихъ спустились брамины, обвѣшали насъ цвѣтами и повели въ монастырь. Мы увидѣли высокія башни, отъ вѣковъ почернѣвшія, и мрачный лабиринтъ переходовъ и галлерей, подъ сводами коихъ мои шаги раздавались громко, а толпы чудовищъ Индѣйской миѳологіи, рядами изваянныхъ, странно освѣщенныхъ багровымъ заревомъ Индѣйскаго вечерняго солнца, какъ будто издѣвались надъ нами. Когда по крутой и темной лѣстницѣ мы взошли на крышу, обширную бѣлую площадь изъ камня, стаи зеленыхъ попугаевъ улетѣли отъ

* Разительное сходство замѣчается, во многихъ вымыслахъ, между Индѣйскою миѳологіею и древнею Скандинавскою. У языческихъ Скандинавовъ также находилось, при каждомъ храмѣ, по 12 дѣвъ: читая описаніе Рамиссерама у нашего путешественника, невольно вспоминаешь слѣдующее мѣсто изъ Тегнерова Фритіофа.

Таковъ былъ храмъ. Вотъ по двѣ въ-рядъ вошли туда
Двенадцать къ капищу принадлежавшихъ дѣвъ
Въ покровахъ серебристыхъ; розы на щекахъ
И розы же въ невинномъ сердцѣ ихъ росли.
Вкругъ алтаря вновь освященнаго снѣ
Предъ ликомъ Бальдера плясали, какъ весной
Надъ тихоструйнымъ токомъ пляшутъ вѣтерки.
. . . .
И въ пляскѣ пѣли дѣвы тѣ святую пѣснь
О кроткомъ Бальдерѣ . . . .

и т. д. (См. Фритіофъ, Скандинавскій Богатырь. Поэма Тегнера. Переводъ Я. Грота; пѣснь XXIV).
Примѣч Редак.

насъ въ пальмовый лѣсъ, и волшебный видъ всего монастыря, всѣхъ внутреннихъ дворовъ и чудныхъ пагодъ представился намъ при закатѣ темнокраснаго солнца. Уже совы затѣвали унылую, зловѣщую пѣснь, и летучія мыши начинали кружиться. Видъ сей былъ у меня нарисованъ, хоть и не красиво, но рѣзко и, надѣюсь, вѣрно. Этотъ рисунокъ и многое другое, что въ продолженіе цѣлаго года я чувствовалъ такъ сильно и съ трудомъ болѣзненнымъ выразилъ на бумагѣ, все это вручилъ я, для налитографированія въ Калькутѣ, Англійскому чиновнику Гамильтону, но сей окаянный (malediction upon him!) потерялъ эти бумаги, столь дорогія для меня.

Но возвратимся къ Рамиссераму. Англичанинъ мой съ презрѣніемъ бродилъ по галлереямъ и коридорамъ, хотѣлъ входить въ алтари, замѣчалъ, что въ Мадурѣ, гдѣ онъ прежде былъ, храмъ гораздо чище содержится (подъ присмотромъ Англійскаго коллектора), и дѣвки тамъ опрятнѣе. Въ Рамиссерамѣ я присутствовалъ при свадьбѣ. Женихъ и невѣста были оба Малабарской породы; меня запотчивали позлащеннымъ бетелемъ съ прикускою арека и извести въ маломъ количествѣ. Листъ бетеля — *stomachicotonique,* орѣхъ арека (arecanut) *astringent*, а известь *antiscorbutique* въ родѣ соды для желудка. И малыя дѣти, и бабы молодыя, но всего болѣе старики и старухи удивительно какъ много употребляютъ эту закуску, и отъ того у нихъ зубы красные, какъ кораллъ,

а губы, десны и языкъ—какъ киноварь, но отъ излишняго употребленія все это со-временемъ чернѣетъ.

Объ Гиндустанскомъ языкѣ, который происходитъ отъ Санскритскаго и употребляется въ большей части сѣверной Индіи, замѣчу только, что въ немъ довольно Русскихъ словъ: огонь называется *агъ* и еще *агнъ* (а на Мадрасскомъ діалектѣ, помнится, *агни*); земля — *земинъ*; день — *динъ*. Индѣйское слово *метъ* хотя и не значитъ медъ, но значитъ сладко, а медъ по-здѣшнему *сата*, что также похоже на Русское: сотъ. Слово *харче* значитъ здѣсь плата за кормъ; не говорю уже объ *сундукѣ*, который, кажется, во всей Азіи то же, что и у насъ сундукъ: тетеревъ, которыхъ здѣсь весьма много, не иначе называется, какъ *титэръ*. Эти слова я знаю, потому-что ежедневно случается ихъ употреблять, но я еще не далеко забрался въ Индѣйскую грамоту. Разные діалекты и даже совсѣмъ различные языки сперва сбили меня съ толку. Въ Цейланѣ *Сингалійскій*; на Коромандельскомъ берегу и въ Канатикѣ, въ Мадрасѣ и другихъ мѣстахъ, *Малабарскій* или *Томулъ* (мнѣ показалось странно, что на Коромандельскомъ берегу большая часть жителей Малабары, а на Малабарскомъ я ихъ не видалъ, и совсѣмъ тамъ объ нихъ не слыхать), также *Телегу* или *Теленги*; а на Малабарскомъ берегу *Канари* и *Маліалёмъ*. Въ Калькутѣ и во всемъ Бенгалѣ, *Бенгали*. Въ Панджабѣ, *Панджаби*, патуа въ родѣ Наполетано. Припомните *Крапа*,

Фрабика и Палора, а здѣсь, на Гималейской возвышенности, ужъ кажется Калабрезе. Я сказалъ, что языкъ *Магалемъ* употребляется на Малабарскомъ берегу; но еще болѣе господствуетъ онъ въ царствѣ (Магараджествѣ) Траванкорскомъ.

Я былъ въ лѣсахъ дремучихъ, но не грибовныхъ Траванкора, гдѣ нѣтъ березъ и гдѣ присутствуетъ не Муромецъ-Илья и не Баба-Яга, а кровожадная богиня Кали, и не волкъ во мракѣ рыщетъ, а тигръ реветъ, шакалы воютъ, глаза гіэнны сверкаютъ, какъ огонь въ ночную пору, и дикіе слоны стадами бродятъ въ глуши, непроходимой для людей. Въ сей унылой дичи Индѣецъ провожалъ меня съ огромной трубой, чтобы разгонять опасныхъ звѣрей. Въ той древесной пустынѣ нѣтъ избы на курьихъ ножкахъ, однако жъ есть домъ одинокій, въ которомъ спекулянтъ Шотландецъ, съ женой, претолстой изъ Ирландокъ, съ дѣтьми и черною прислугой живетъ и разводитъ специи—корицу, кардамонъ, гвоздику, орѣхъ мускатный, сахарный тростникъ и также кофей, но не ячменный. Какъ дѣвы молодыя, такъ и женщины и престарѣлыя старухи въ Траванкорѣ и почти по всему Малабарскому берегу ходятъ голыя (свѣтлобронзоваго цвѣта или café au lait, а иногда café sans lait) съ головы до пояса, а тамъ тѣсно обернуты полотнищемъ полотна. На островѣ Цейланѣ почти дикія дѣвы въ лѣсахъ плѣняютъ прохожихъ красотой; въ такомъ же костюмѣ выбѣгаютъ онѣ

изъ ананасовыхъ кустарниковъ, и хохотъ ихъ громко раздается по лѣсу при встрѣчѣ съ нашимъ братомъ. Иногда онѣ приближаются, и тогда свѣжесть тѣла, при гибкости ловкаго стана, до крайности плѣнительна. Костюмъ народный мужескій отъ мыса Коморина до Лагора есть почти совершенная нагота. Женщины въ южной Индіи, въ Пондишери, Мадрасѣ, Танжорѣ, во всей Карнатикѣ и около Коморинскаго мыса, не имѣютъ шитаго платья, а набрасываютъ, обвиваютъ и заправляютъ около стана, просто и живописно, бѣдныя тонкую крашеную холстину, а богатыя разноцвѣтный и даже золотой и серебряный газъ — что образуетъ безподобныя складки и формы, напоминая Греческія изваянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя особенный, оригинальный характеръ. Вообще въ южной Индіи (особливо въ юговосточной) все оригинально: великолѣпные и чудные храмы старинные, коихъ архитектура не имѣетъ сходства ни съ какой другой, деревья странныя, не похожія на деревья по нашимъ понятіямъ: comme des herbes gigantesques. Coco-nut-trees, по нашему *кокосы*, такъ прекрасно раскидываютъ вѣтви avec grace et abandon, что-то въ нихъ женское. *Пальмаира* торчитъ какъ помело. *Ареку*, Areca-nut-tree или Betel nut-tree, можно сравнить только съ молодой дѣвой: она такъ же свѣжа и стройна. *Бамбукъ* такъ густъ и развѣсистъ, и такая нѣга въ немъ изображается; но опасна таинственная мгла бамбука, воздухъ вокругъ него вредоносенъ. *Джагара* (Jagara tree, сахарное дерево, но не тростникъ са-

харный; джагара по-Индѣйски на югѣ значитъ сахаръ)—это что-то въ родѣ дикой женщины, нечесаной съ растрепанными волосами; она дерзко возноситъ чело свое надъ нѣжными олеандрами (которые растутъ цѣлыми лѣсами, равно какъ и рододендроны, большія деревья съ пучками огненно-красныхъ цвѣтовъ въ зелени темной и густой). *Талипотъ* (talipot tree) истинно-диковинное и чудное явленіе Индѣйской природы: каждый листъ онаго образуетъ огромный зонтикъ, весьма удобный; цвѣты бываютъ разъ въ сто лѣтъ. Наконецъ *баніансвое дерево* (Banian-tree), которое одно образуетъ цѣлый лѣсъ, со сводами и переходами, рощу темную (quieta, ombrosa e vaga), гдѣ подъ густою тѣнью могутъ отдыхать во мглѣ сотни народу. Индѣйскія дѣвы бродятъ по рощамъ симъ или ѣздятъ на слонахъ, а перепелки стаями летаютъ и поютъ (не очень хорошо), обезьяны скачутъ по деревьямъ, пронзительно кричатъ и ломаютъ вѣтви.

Въ сѣверной Индіи Индѣйщина приспособилась нѣсколько къ Мусульманщинѣ. Зданія Индѣйскія подходятъ къ Мавританскому стилю. Женщины носятъ узкія панталоны, короткія куртки въ родѣ алхалуковъ съ тальею подъ мышками, всегда съ огромными орнаментами въ носу, въ ушахъ, на шеѣ, на головѣ, на ногахъ и рукахъ изъ серебра или золота. Въ носу кольцо золотое съ дорогими каменьями, а отъ него къ уху идутъ нити жемчужныя или цѣпи. Лобъ бываетъ подмазанъ сусальнымъ золотомъ, которымъ

обложены и глаза, чтобъ ярче горѣли, а иногда и зубы бываютъ оправлены червоннымъ золотомъ. При Лагорскомъ дворѣ баядерки бываютъ пребогато одѣты въ этомъ странномъ вкусѣ. Такимъ образомъ, кто хочетъ видѣть Индѣйщину dans toute sa pureté et intégrité primitive, тому надобно рыскать по южной Индіи. А въ Гиндустанѣ, въ Дели, въ Агрѣ, Фатипуръ-Сикри, Дигѣ и пр. какъ безподобны зданія Магометанскія, въ граціозномъ Аравійскомъ или Мавританскомъ вкусѣ, какъ плѣнительны сады роскошные, фонтаны, пруды и басейны во мраморныхъ берегахъ, какъ прекрасно запутаны арабески въ изваяніяхъ изъ бѣлоснѣжнаго мрамора! А въ мозаикахъ піетра-дура, въ вишняхъ и яблокахъ неизвѣстныхъ въ Индіи, въ птичкахъ равномѣрно Европейскихъ, даже въ *Орфеѣ*, играющемъ на флейтѣ со звѣрями, и наконецъ въ вазахъ, изваянныхъ надъ судебнымъ трономъ Великаго Могола въ Дели, аллегоріи вовсе не Могольской и не Магометанской—я узналъ Италіянскихъ, скажу даже Тосканскихъ артистовъ, которые здѣсь употребляемы были при покойникахъ Моголахъ, Ауренгъ-цебѣ и другихъ (вамъ извѣстно, что владѣтели Индіи, изъ коихъ и теперь потомокъ сидитъ на тронѣ въ Дели, были не Монголы плоскорожіе, а *Моголы*, Татарская порода единоплеменная съ Туркоманами, къ коей принадлежалъ и Тамерланъ). Я, признаться, хотѣлъ-было итти къ Великому Моголу съ визитомъ, но лѣнь было снимать сапоги (штрипки пришиты), а болѣе еще жаль было 10

гульморъ (монета золотая въ 40 рублей), и я спѣшилъ въ Лагоръ.

Теперь раскажу, какъ въ Шалимарскихъ висящихъ садахъ, съ позлащенными апельсинными деревьями, которыя иллюминованы восковыми свѣчами, среди тысячи бьющихъ фонтановъ, напояющихъ влагой воздухъ, отягченный благоуханіемъ жасминовъ и фландароновъ, среди блестящихъ воиновъ съ ружьями, съ зажженными фитилями, готовыхъ къ сраженію— принялъ насъ Магаражда Ширъ-Сингъ (сынъ Ронджидъ-Синга), владѣтель Панджаба. Онъ сидѣлъ на стулѣ изъ литаго золота, какъ и многіе изъ любимцевъ его, подъ парчевой палаткой. Діанъ-Сингъ, первый министръ *стоялъ* по скромности. Аллеи были устланы кашемирскими шалями. Двадцать пять любимыхъ царскихъ коней стояли на нихъ, покрытые драгоцѣннѣйшими шалями, шитыми золотомъ и серебромъ. Когда сняли съ нихъ сіи покрывала, тогда *бѣлые* жеребцы *въ изумрудахъ* заблистали при свѣтѣ луны (это происходило вечеромъ), а *вороные въ яхонтахъ* при факелахъ (таковъ обычай въ Панджабѣ, и этикетъ при дворѣ), и царь приказалъ вести ихъ въ прудъ купать въ великолѣпномъ семъ убранствѣ. Тридцать дѣвъ младыхъ, блестящихъ въ газахъ золотыхъ и камняхъ драгоцѣнныхъ, въ панталонахъ въ обтяжку, начали танцовать и пѣть. Царь, съ куйнутомъ на рукѣ въ газовомъ зеленомъ балахонѣ, всталъ тогда; за нимъ встали и всѣ воины со щитами, ца-

лашами, стрѣлами и луками, обвитые въ газы всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ, съ чернымъ перомъ на развѣвающемся турбанѣ. Царь, храбрый воинъ, мущина черный, съ густой короткой бородой и усами, всчесанными къ глазамъ, съ серьгами большими и драгоцѣнными, съ пріятной улыбкой и неловкими движеніями, обнялъ насъ (меня и Кларка, Англійскаго агента на границѣ Панджаба, прибывшаго въ Лагоръ экстраординарнымъ посланникомъ), велѣлъ подать вина съ жемчужнымъ порошкомъ и съ толчеными алмазами и яхонтами (бутылка этаго вина стоитъ, какъ мнѣ сказали, 150 рупій, рупія = два Англійскихъ шиллинга), самъ подалъ двѣ рюмки и совѣтовалъ хватить, говоря, что яхонтъ и діамантъ крѣпятъ желудокъ, и пристально смотрѣлъ на меня. Я помочилъ языкъ и какъ будто огнемъ ожегъ его. Царь выпилъ рюмку. — Столъ съ Индѣйскими яствами былъ накрытъ посреди пруда въ мраморномъ кіоскѣ; разноцвѣтные лебеди, черные, бѣлые, сѣрые *, и утки во множествѣ плавали въ прудахъ. Фейерверкъ непрестанный гремѣлъ какъ штурмъ надъ зубчатыми стѣнами сада. Все это было волшебно. На другое утро 50 слоновъ, раскрашенныхъ, съ гаударами, сѣдалищами изъ литаго золота, въ златыхъ цѣпяхъ и браслетахъ на ногахъ, были готовы, и царь со всѣмъ дворомъ и съ нами поѣхалъ на охоту въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ фантастичес-

* Въ Лакнау я видѣлъ розовыхъ.

кихъ всадниковъ (странно схожихъ съ Европейскими первыхъ среднихъ вѣковъ) и пѣшихъ безъ счета; многіе несли на головахъ и рукахъ *a few hawks*, т. е. около *пяти сотъ соколовъ*. Этотъ дикій и пышный поѣздъ въѣхалъ и углубился въ *джангаль* (jungal *дичь*), лѣсъ почти непроходимый безъ слоновъ; гремѣла музыка съ боемъ барабановъ и литавровъ. — Убили нѣсколько кабановъ и нѣсколько сотень перепелокъ. Ширъ - Сингъ ни разу не давалъ промаха: шесть готовыхъ ружей стояло передъ нимъ въ гаударѣ. Скоро палящее солнце принудило насъ возвратиться. Лагоръ—городъ смрадный, темный, лабиринтъ узкихъ тропъ между высокихъ, грозящихъ обрушиться домовъ съ балконами, стройно изваянными. Тутъ слоны съ трудомъ протесываются; а подъ кирпичными, ветхими воротами, раздѣляющими кварталы, сущая бѣда на слонахъ. На балконахъ, на крышахъ и въ окнахъ странная смѣсь богатоубранныхъ женщинъ, куръ и пѣтуховъ и дикихъ сиковъ съ остроконечною бородою, которые выраженіемъ лица похожи на коршуновъ. Акали, безсмертные (опасная секта въ черной одеждѣ), грозятъ саблями, ругаются, иногда берутся за ружье или за лукъ, однако жъ удерживаются.

Кн. А. С...ковъ.

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ.

(Продолженіе «Семейства»).

»Останьтесь сегодня вечеромъ съ нами!» сказала опять Элиза на слѣдующій день, и повторяла эти слова еще нѣсколько дней. Кандидатъ всегда оставался. Никогда не была Элиза такъ ласкова, такъ любезна до него, никогда не показывала она ему такой внимательности; и эта внимательность, эта любезность со стороны женщины, обыкновенно только вѣжливой и довольно холодной въ обращеніи съ мущинами, столько же льстила его самолюбію, сколько трогала его чувствительное сердце. Скоро исчезъ всякій поводъ къ »объясненіямъ« и наставленіямъ, потому-что Кандидатъ вдругъ отказался отъ всѣхъ своихъ разгульныхъ товарищей и обществъ. И какъ онъ здраво разсуждалъ объ этомъ предметѣ, какъ онъ искренно соглашался съ Элизой, что минутное похмѣлье веселыхъ пировъ не оставляетъ за собою ничего, кромѣ пустоты и разслабленія! »Изрѣдка попировать, говорилъ Кандидатъ, ни сколько не вредно: напротивъ, даже полезно; но часто—сохрани Боже! это гибельно не только для здоровья, но и для нравственности»! Маленькая пчелка, которая слышала разговоръ, одобрила про себя это мудрое изрѣченіе. Съ тѣхъ поръ Кандидатъ по-видимому пристрастился къ

домашней жизни. Онъ находилъ, что ничто такъ не способствуетъ къ здоровью, какъ правильный образъ жизни, и что истинное блаженство можно найти только въ занятіяхъ и чистыхъ наслажденіяхъ тихаго, домашняго быта.

Между-тѣмъ въ блаженствѣ Кандидата скоро открылась слабая сторона. Чувство благодарности, разогрѣвшее сердце Элизы и вмѣстѣ съ тѣмъ благорасположеніе, которое Якоби умѣлъ внушить ей своимъ пріятнымъ обращеніемъ и любезностью, были причиною, что Элизѣ вовсе не трудно было исполнить желаніе мужа на счетъ ея обращенія съ Якоби, и скоро его общество стало для нея настоящею отрадою. Они сходились во многомъ, особенно въ любви къ музыкѣ и къ изящной литературѣ, а юношеская его пылкость придавала еще болѣе жизни и прелести ихъ общимъ занятіямъ. Споры ихъ утратили всякую горечь и стали пріятнымъ, изощряющимъ умъ обмѣномъ мыслей. Кандидатъ уже не заботился о томъ, чтобы ему оставаться правымъ, напротивъ ему было какъ-то пріятно уступать Элизѣ. Онъ почерпнулъ свои познанія болѣе изъ книгъ, она болѣе изъ жизни—матери книгъ, и была для него какъ бы старшимъ другомъ, путеводительницею. Кандидатъ былъ счастливъ подъ вліяніемъ и кроткой опекою этой милой женщины и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ ней привязывался. Но чувство, которое влекло его къ Элизѣ, было такъ чисто и спокойно, что онъ не подозрѣвалъ

въ немъ никакой опасности. Онъ любилъ, когда Элиза обращалась съ нимъ какъ съ ребенкомъ и потому непринужденно предавался своему отъ природы ребяческому нраву. Ея кроткіе упреки наполняли его сердце какимъ-то невыразимымъ блаженствомъ; онъ нарочно погрѣшалъ, чтобы заслужить ихъ; онъ бы хотѣлъ, слушая ихъ, прижать къ устамъ ея платье, ея бѣлую, прелестную ручку, и однакожъ, не смѣя этаго сдѣлать, онъ чувствовалъ какую-то горькую отраду. Когда она входила въ комнату, когда онъ слышалъ ея легкіе шаги и до него долеталъ нѣжный запахъ розъ, который всегда окружалъ ее, сердцу его становилось такъ несказанно тепло; но всего болѣе Якоби привязывали къ Элизѣ ея страданія. Когда она была разстроена нервными припадками или домашними непріятностями, когда она терпѣливо переносила крутой нравъ своего мужа, тогда сердце Кандидата трепетало нѣжнымъ къ ней участіемъ — и онъ всячески старался развлечь и успокоить ее; онъ хотѣлъ предупредить ея малѣйшія желанія. Элиза не могла оставаться равнодушною къ этому; можетъ быть, ея власть надъ молодымъ человѣкомъ льстила ея тщеславію, можетъ быть также, она старалась обманывать себя на счетъ своихъ чувствъ, чтобы не разстроить связи, которая придавала столько сладости ея жизни. «Онъ любитъ *дѣтей и ихъ мать*», говорила она сама себѣ: »онъ ихъ другъ и мой другъ. Дай Богъ, чтобы всегда было такъ!» Между-тѣмъ, подлинно, дѣти съ каждымъ днемъ становились послушнѣе, прилѣжнѣе

и счастливѣе, а самъ Якоби болѣе и болѣе развивалъ счастливую способность къ занятіямъ наставника и учителя.

Жестокая судьба, которая ставитъ опасные подводные камни близъ береговъ, куда спѣшитъ пловецъ, и которая разстроиваетъ отношенія друзей и супруговъ, въ ту самую минуту, когда они готовы упрочить союзъ свой навѣки; эта судьба хотѣла, чтобы въ самое то время, когда Якоби быстро развивалъ свою хорошую сторону, съ Лагманомъ было противное. Лагманъ Франкъ былъ изъ тѣхъ людей, которые тѣмъ больше находятъ занятій, чѣмъ дѣятельнѣе ведутъ жизнь, тѣмъ они въ лучшемъ расположеніи духа. Въ эту самую пору случилась остановка въ одномъ предпріятіи для пользы области, въ которомъ Лагманъ принималъ живое участіе, и эта остановка, причиненная разными ничтожными соображеніями, которыя онъ хотѣлъ, но не могъ отклонить, чрезвычайно разстроивала его. Онъ былъ часто слишкомъ взыскателенъ и ворчалъ на домашнихъ, особенно на жену, и тѣмъ очень вредилъ себѣ въ глазахъ добраго и веселаго Якоби Лагманъ самъ это чувствовалъ, сердился изъ-за этаго на себя, и на жену за то, что она съ нѣкотораго времени обращала менѣе вниманія на его воркотню и развлекала себя пѣніемъ съ Якоби. Это пѣніе, которое Лагманъ самъ предложилъ, начало не на шутку досаждать ему. Онъ теперь находилъ, что споры были пріятны для слуха. Впрочемъ онъ былъ

тогда въ томъ хорошемъ расположеніи духа, въ которомъ люди безпрестанно сердятся на все, ихъ окружающее, не думая о томъ, что они однимъ добрымъ словомъ могли бы отстранить непріятное имъ.

Чтеніе, которое Лагманъ такъ горячо присовѣтовалъ, также было для него мученіемъ. Именно теперь онъ бы хотѣлъ по вечерамъ быть болѣе съ женой и желалъ бы, чтобъ она принимала участіе въ его дѣлахъ и неудачахъ. Но когда онъ входилъ въ гостиную, онъ всегда заставалъ Элизу и Якоби вмѣстѣ за книгою или музыкою, и когда, при входѣ его, чтеніе прерывалось, то у всѣхъ происходилъ какой-то застой мыслей и разговоръ шелъ вяло. Когда Лагманъ говорилъ: »продолжайте! продолжайте!» и они продолжали, то онъ казался недоволенъ, уходилъ въ свой кабинетъ или безпокойно шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Та самая судьба, о которой мы сейчасъ говорили, устроила такъ, что разъ вечеромъ, когда Лагманъ прогуливался по комнатѣ одинъ съ своей хандрой, ему подали записку, при видѣ которой онъ вскрикнулъ отъ радости и удивленія. Прочитавъ ее, онъ сказалъ очень весело: »Представь себѣ, Элиза, какая неожиданная радость! Полковница С., Эмилія здѣсь, она пріѣхала вчера вечеромъ. Я сейчасъ къ ней иду; не пойдешь ли и ты со мной, мой другъ? учтивость требовала бы этаго!»

»Ахъ, нѣтъ, такъ поздно!... Къ тому же, кажется, и дождь идетъ! Не можешь ли ты сегодня итти одинъ?... Завтра поутру я.....»

»Пожалуй!» прервалъ Лагманъ, какъ будто обиженный отказомъ, и поспѣшно вышелъ.

Онъ воротился довольно поздно и былъ необыкновенно въ-духѣ. »Какая интересная женщина!» сказалъ онъ. «Тебѣ, мой другъ, вѣрно будетъ очень пріятно познакомиться съ нею поближе!»

«Ахъ, врядъ ли!» думала Элиза.

«Ей хочется совсѣмъ поселиться здѣсь въ городѣ,» продолжалъ Лагманъ, «и я надѣюсь, что мы ее рѣшительно склонимъ къ этому.»

«А я надѣюсь, что нѣтъ!» думала Элиза.

»Намъ надобно стараться, чтобы ея пребываніе здѣсь было какъ можно пріятнѣе. Я пригласилъ ее завтра къ обѣду.»

«Завтра?!» воскликнула Элиза почти въ испугѣ.

«Да, завтра!» отвѣчалъ Лагманъ рѣшительнымъ тономъ. «Я сказалъ ей, что ты намѣреваешься завтра поутру сдѣлать ей визитъ; но она непремѣнно хо-

четъ предупредить тебя. Объ обѣдѣ тебѣ нечего много хлопотать; Эмилія не будетъ взыскательна, зная, что ее принимать не готовились — во всякомъ случаѣ обѣдъ можно устроить отличный, если только немного позаботиться о немъ. Я надѣюсь, что Эмилія будетъ у насъ въ домѣ, какъ своя.»

Элиза въ этотъ вечеръ легла спать съ какимъ-то неопредѣленнымъ, но въ высшей степени непріятнымъ чувствомъ, думала о кушаньѣ къ завтрашнему обѣду, и видѣла во снѣ, что «старая пассія» ея мужа зажгла домъ и оставила безъ крова цѣлое семейство.

ОБѢДЪ НА СКОРУЮ РУКУ.

Вы, хозяйки, которыя знаете, что значитъ *жаркое*, знаете, какія затрудненія иногда встрѣчаются въ домашнемъ быту, особливо когда вамъ придется импровизировать обѣдъ; знаете, что не смотря на всѣ вдохновенныя усилія и ума и воли вашей — вѣдь для всякой импровизаціи требуется вдохновеніе — вы не можете устроить, чтобы цыплята и рябчики по вдохновенію прилетѣли на столъ и заняли весьма существенное мѣсто передъ пирожнымъ; вы, хозяйки, которыя не разъ цѣлое утро ломали себѣ голову въ недоумѣніи, что готовить къ обѣду, и безпрестанно приходили въ искушеніе — но не смѣли—просить Отца небеснаго о помощи, вы вѣрно примете участіе въ тоскѣ Элизы, когда въ самый день знаменитаго обѣда она увидѣла, что часовая стрѣлка приближалась уже къ двенадцати, а она еще не успѣла придумать жаркаго. Можетъ быть, намъ замѣтятъ, что непредвидѣнный обѣдъ могъ обойтись безъ жаркаго. Это правда въ отношеніи къ импровизированнымъ обѣдамъ вообще, но не къ этому, въ доказательство чего мы бы могли расказать его содержаніе, если бы не льстили себя надеждою, что намъ повѣрятъ на-слово. Къ тому же

Лагманъ былъ страстный охотникъ до жаркихъ и вообще до меснаго, что еще болѣе дастъ понятіе о непріятномъ положеніи Элизы. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, она въ этотъ день не хотѣла тревожить людей, а Лагманъ послалъ по своимъ дѣламъ лакея, который въ чрезвычайныхъ случаяхъ служилъ ей правой рукой. Кухарка въ этотъ день была ужасно разсѣяна, дѣти неугомонны, Фанни и Леонора побранились, а Петрея прорѣзала свое новое платье. Генрихъ разбилъ графинъ и пол-дюжины стакановъ, малютка кричала и плакала ни о чемъ. Но вотъ уже сейчасъ двенадцать , а жаркаго все нѣтъ. Элиза въ отчаяніи готова была бросить все: жаркое , кухарку, обѣдъ , дѣтей , словомъ сказать, весь свѣтъ , какъ вдругъ отворилась дверь, послышалось веселое и звонкое «мое почтеніе» и гофмаршальша — она показалась Элизѣ небеснымъ ангеломъ — вошла въ комнату съ торжественнымъ, радостнымъ видомъ и принялась вынимать изъ огромнаго ридикюля однаго цыпленка за другимъ; кладя ихъ по одиначкѣ на столъ, она смотрѣла на Элизу и при каждомъ кивала ей головою. Потомъ она громко захохотала. Элиза была въ восторгѣ и бросилась цѣловать сперва гофмаршальшу, потомъ цыплятъ, съ которыми она тотчасъ же побѣжала въ кухню; возвратясь черезъ минуту, она излила и горе свое и благодарность передъ этимъ истиннымъ другомъ. Гофмаршальша слушала ее съ сердечнымъ участіемъ и съ растроганнымъ видомъ, потомъ ласковымъ голосомъ прочитала ей слѣдующую ма-

ленькую проповѣдь: «Ахъ, моя милая, не надобно все такъ принимать къ сердцу. Мало ли что случается, но вѣдь оно опять и проходитъ! а я такъ вамъ скажу вотъ что: голенькій охъ, а по голенькомъ Богъ! гдѣ бѣда, тамъ Божія помощь. Не забывайте этаго никогда. Вотъ такъ-то было и съ цыплятами; проходя мимо рынка, я нечаянно увидѣла ихъ на возу, и такъ какъ я знала, въ какомъ вы затрудненіи, я поскорѣе купила ихъ, спрятала подъ салопъ и какъ можно скорѣе прибѣжала къ вамъ. Хе, хе, хе, хе!.. а теперь пойду своей дорогой, потому-что вамъ пора одѣваться, да и мнѣ также! Прощайте, милая Элиза. Желаю вамъ управиться съ вашимъ обѣдомъ и съ дѣтьми! хе, хе, хе, хе!»

Гунилла ушла, обѣденный часъ настачъ, явились гости и Лагманъ, который цѣлое утро провелъ въ должности.

Полковница С. была одѣта очень нарядно, къ лицу и съ большимъ вкусомъ; она была до крайности мила и любезна, Элиза напротивъ того чувствовала чрезвычайную неловкость въ присутствіи «старой пассіи» своего мужа и была ужасно молчалива. Къ-тому же она была очень разсѣяна. «Ахъ, кабы только цыплята поспѣли!» эта неотвязчивая мысль не покидала ея во время всего разговора, который шелъ о папѣ, церкви св. Петра, Торвальдсенѣ, Пастѣ и пр. Обѣденный часъ пробилъ, но обѣдъ не являлся. Лагманъ, кото-

рый требовалъ отъ другихъ той же аккуратности, какою самъ отличался, начиналъ ужъ чувствовать припадки своей «обѣденной лихорадки,» какъ выражалась Элиза, и бросалъ нетерпѣливые взгляды то на дверь въ столовую, то на жену, которой положеніе было вовсе незавидно. Она старалась казаться спокойною и безпрестанно шептала что-то на ухо Луизѣ, которая съ озабоченной миной бѣгала взадъ и впередъ. Разговоръ ея, и слышный и тайный, былъ въ эти минуты слѣдующаго содержанія:

«Очень пріятно познакомиться... (Ахъ! какъ несносно ждать!)! Какъ это должно быть интересно (Я бы желала, чтобы Эрнстъ опять воспламенился къ своей «старой пассіи» и забылъ про обѣдъ!)! Въ самомъ дѣлѣ! какъ это удивительно (Ну, кажется, теперь бы должны быть цыплята готовы)! Несчастная Испанія (Ну, слава Богу, наконецъ кушанье подано! Ахъ, кабы только цыплята...)!»

Теперь къ обѣду! О, какъ при этомъ словѣ всѣ лица проясняются, всѣ умы оживляются! Элиза начинала высоко цѣнить Эмилію, потому-что она вела разговоръ очень живо, и могла, какъ Элиза надѣялась, отвратить общее вниманіе отъ блюдъ неудачныхъ. Лагманъ былъ очень любезный и пріятный хозяинъ; обѣденное время было его любимымъ отдохновеніемъ, и ему хотѣлось, чтобы всѣ раздѣляли съ нимъ его веселость, аппетитъ и вкусныя блюда, NB если оно

были вкусны! Въ противномъ случаѣ онъ былъ не въ духѣ. Въ продолженіе обѣда, Элиза нѣсколько разъ замѣчала тучки на челѣ своего мужа; но казалось, что онъ самъ старался разсѣять ихъ, и все шло спесно до появленія цыплятъ. Когда Лагманъ (который любилъ придерживаться къ стариннымъ обычаямъ), принялся рѣзать ихъ, они оказали ему явное сопротивленіе. Элизѣ брошенъ былъ черезъ столъ взглядъ, который въ ея сердцѣ отозвался какъ острый ножъ. Но огорченіе скоро уступило мѣсто какому-то безсознательному желанію отмстить за неумолимую строгость этаго укоризненнаго взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ старанію быть равнодушною къ несчастію, въ которомъ она не была виновата. Она вдругъ стала весела и говорлива и ни разу не взглянула на мужа, который, молчаливо хмурясь, рѣзалъ жаркое въ потѣ лица. Элиза въ первый разъ вздохнула свободно, когда встали изъ-за стола. Она искала случая помириться съ мужемъ, но онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, кромѣ Эмиліи. Между ними завязался живой и увлекательный разговоръ, который доставилъ бы Элизѣ большое наслажденіе и въ которомъ она легко могла бы принять участіе, если бъ возрастающее чувство оскорбленнаго самолюбія не легло ей на душу, когда она замѣтила въ обращеніи мужа съ нею какую-то холодность и пренебреженіе. Она становилась все молчаливѣе и блѣднѣе, между-тѣмъ какъ все собралось вокругъ блистательной Эмиліи. Даже дѣти были какъ будто обворожены ею. Ген-

рихъ поднесъ ей прекрасный цвѣтокъ, который онъ хитростію выманилъ у Луизы. Петрея совсѣмъ влюбилась въ «старую пассію» своего отца, сѣла возлѣ нея на скамеечку и безпрестанно цѣловала ей руки. Эмилія почти исключительно обращалась къ бывшему своему обожателю, и ослѣпляла его блескомъ своихъ прекрасныхъ глазъ и очаровательной улыбкой.

«Ахъ, какъ несносно!» думала Элиза, отирая слезинку, «однако я не подамъ вида...»

Кандидатъ замѣтилъ ея страданія; онъ поспѣшно вырвался изъ волшебнаго круга, центромъ котораго была Эмилія и въ который онъ былъ невольно завлеченъ вмѣстѣ съ другими; взявъ на руки малютку, онъ сѣлъ возлѣ Элизы и началъ расказывать ей какую-то легенду, занимательную и для матери и для малютки. Скоро обступили его всѣ дѣти: Петрея оставила свою новую «пассію», чтобы слушать удивительный расказъ Кандидата, да и самой Элизѣ онъ такъ нравился, что она въ эту минуту забыла про все и про всѣхъ. Кандидату того и хотѣлось, но Лагману было это совсѣмъ не по-сердцу. Онъ подошелъ на минуту къ женѣ, чтобы послушать, что такъ могло оковать ея вниманіе, и потомъ сказалъ ей въ полголоса :

«Я не понимаю, какъ могутъ забавлять тебя такія глупости, да и не знаю, какая польза пустяками набивать голову дѣтямъ.»

Наконецъ Эмилія встала и, прощаясь съ Элизой, насказала ей тму любезностей, на которыя Элиза отвѣчала, какъ умѣла. Лагманъ обѣщалъ полковницѣ показать ей въ городѣ какое-то замѣчательное заведеніе и отправился съ нею. Прочіе гости также скоро разошлись. Старшія изъ дѣтей ушли съ Кандидатомъ въ учебную комнату, чтобы взять урокъ рисованія; меньшія занялись игрой. Петрея выпросила позволеніе увести Габріэль, которая при видѣ пряничнаго сердечка согласилась и въ награду получила отъ него приличный кусочекъ. Элиза ушла въ свой кабинетъ.

Бѣдная Элиза! Она въ эту минуту не смѣла войти въ себя, она страшилась думать, она хотѣла бы, если бъ было возможно, отвратить свои мысли отъ самой себя и забыть смутныя впечатлѣнія, которыя этотъ день оставилъ въ ея душѣ. Передъ нею былъ часъ свободы, часъ ненарушимаго спокойствія, и она поспѣшила къ письменному столу, чтобы воспоминаніемъ лучшихъ минутъ жизни — которыя всегда отъ нея зависѣло вызвать на бумагу волшебнымъ перомъ —забыть житейскіе дрязги и, словомъ, изъ низшей существенности перенестись въ высшую. Томительное чувство, возбужденное въ ней мелочными горестями жизни, дало ей выразить краснорѣчиво ту прелесть

бытія, ту гармонію жизни, которыя такъ нравились ея душѣ. Она писала съ увлеченіемъ, и сердцу ея было тепло, на глазахъ были слезы, слова горѣли, жизнь прояснялась, минуты летѣли. Прошелъ часъ съ половиною, пробило семь;—въ эту пору Лагманъ обыкновенно пилъ чай. Онъ такъ любилъ, возвращаясь вечеромъ домой, заставать жену свою въ гостиной, за чайнымъ столомъ, окруженную дѣтьми. Элиза старалась, чтобы такъ всегда и было, и бой часовъ внезапно разогналъ ея поэтическіе восторги. Она отложила перо, и хотѣла встать, какъ вдругъ Лагманъ вошелъ въ комнату.

На лицѣ его изобразилось сильное неудовольствіе, когда онъ увидѣлъ, чѣмъ она занималась. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ сурово: «Ты сегодня дала намъ плохой обѣдъ, Элиза:—но сочиненіе романовъ отнимаетъ у тебя много времени, и потому не мудрено, что ты не успѣваешь исполнять обязанности доброй хозяйки. Но ты объ этомъ также мало заботишься, какъ и о томъ, чтобы мнѣ угождать.»

Элизѣ легко бы было извиниться и тѣмъ поправить дѣло, но суровый тонъ и насмѣшливая мина мужа сильно оскорбили ея чувство, и она отвѣчала съ гордостію и негодованіемъ: «Ты долженъ быть снисходителенъ ко мнѣ, Эрнстъ; я дома не была пріучена отказывать себѣ во всѣхъ невинныхъ наслаж-

деніяхъ! Мое воспитаніе, прежнее положеніе въ обществѣ не приготовили меня къ тому.»

Эти слова задѣли Лагмана за живое. Онъ отвѣчалъ еще суровѣе и язвительнѣе прежняго: «Ты бы должна была обдумать это прежде, нежели вышла за меня за-мужъ, нежели рѣшилась вступить въ такой низкій и тягостный кругъ занятій. Теперь поздно. Теперь я хочу...» Онъ вдругъ замолчалъ, потому-что чувствовалъ въ душѣ приближеніе бури и самъ боялся, чтобъ она не разразилась. Онъ пошелъ къ дверямъ, отворилъ ихъ и сказалъ спокойнѣе, но съ ледянымъ взоромъ и тономъ: «Я пришелъ сказать тебѣ, что я взялъ билетъ на завтрашній концертъ, если ты хочешь быть на немъ. Я надѣялся застать тебя за чайнымъ столомъ, но вижу, что ты объ этомъ еще и не подумала—тамъ пусто и мертво, какъ будто въ домѣ чума, — но теперь не безпокойся; я пойду пить чай въ клубъ.» Лагманъ съ силой захлопнулъ дверь и ушелъ.

Элиза сѣла—потому-что не могла стоять на ногахъ—и закрыла лице дрожащими руками. «Милосердый Боже! уже ли я до того дожила! Эрнстъ, Эрнстъ! Какія слова, какой взглядъ! А я, несчастная, что я сказала!»

Таковы были безсвязныя, смутныя мысли Элизы; между-тѣмъ слезы градомъ текли по ея щекамъ.

«Слова, слова, слова!» говоритъ Гамлетъ съ презрѣніемъ. Но сохрани насъ Боже отъ разрушительной силы словъ! Есть слова, которыя болѣе острыхъ мечей раздѣляютъ сердца, есть слова, которыхъ жало во всю жизнь не перестаетъ язвить сердце.

Долго Элиза рыдала; вся ея душа была потрясена глубоко.

Въ минуты сильной внутренней борьбы являются къ человѣку злые и добрые духи. Они окружили Элизу и говорили ей:

Злые.

«Подумай о своихъ лишеніяхъ, о собственномъ своемъ достоинствѣ. Вспомни, сколько маленькихъ несправедливостей ты претерпѣла, вспомни горькія минуты, которыя ты испытала по строгости мужа. Зачѣмъ тебѣ униженно пресмыкаться у ногъ его? Нѣтъ, встань, угнетенная! встань, оскорбленная жена! Подумай о своемъ женскомъ достоинствѣ, о своихъ правахъ. Не покоряйся. Покажи твердость — отмсти за страданія свои. И ты можешь мучить, и ты можешь наказывать. Прибѣгни къ нервнымъ припадкамъ или къ слезамъ! Употреби свою власть и вкуси удовольствіе мести.»

Добрые.

«Подумай о своихъ недостаткахъ, о своихъ проступкахъ. Вспомни, сколько терпѣнія, доброты и нѣжности было въ его обращеніи съ тобою. Подумай о прекрасныхъ минутахъ, которыми ты насладилась. Подумай о достоинствахъ своего мужа, о его прекрасныхъ, благородныхъ качествахъ. Подумай, какъ коротка жизнь, сколько въ ней неизбѣжнаго горя, но сколько и такаго, которое можно отвратить или изгладить; подумай наконецъ о любви, которой сила все поправляетъ. Страшись оковъ себялюбія. Освободись отъ нихъ новой жертвой любви, очисти небо домашняго міра. Набѣжавшее облако можетъ превратиться въ разрушительную громовую тучу, но оно можетъ и безъ слѣда разсѣяться въ воздухѣ. О, отвѣй, отвѣй его всесильнымъ дыханіемъ любви.»

Прочное счастіе жизни нерѣдко зависитъ отъ того: которыхъ изъ этихъ совѣтниковъ мы въ такія минуты послушаемся; отъ этаго зависитъ, отворятся ли намъ еще здѣсь на землѣ двери въ рай или въ адъ.

Элиза послушалась добрыхъ совѣтниковъ. Она долго съ ними бесѣдовала, и чѣмъ болѣе чистыхъ воспоминаній она вызывала при ихъ помощи, тѣмъ

свѣтлѣе становилось въ ея душѣ. Пламя любви зажглось въ ней и свѣтомъ своимъ открыло ей много путей. Она теперь знала, что̀ ей дѣлать съ своимъ романомъ; и сердцу ея стало тепло при этомъ откровеніи. Она знала также, что это будетъ ея послѣднее сочиненіе, и что мужъ ея никогда болѣе изъ-за этой причины не будетъ напрасно искать ея у чайнаго стола и ходить за чаемъ въ клубъ. (Однако жъ ему надобно бы когда-нибудь помириться съ грѣшнымъ романомъ!) Она хотѣла угостить Эмилію обѣдомъ, который бы заставилъ позабыть неудачу прежняго, и... «кабы Эрнстъ поскорѣй воротился домой! Я постараюсь изгладить его неудовольствіе; я заставлю его помириться со мною!»

Въ этотъ день обыкновенно купали дѣтей, и служанка, пришедшая съ докладомъ, что все готово, прервала уединеніе Элизы. Она велѣла сказать Бригиттѣ, чтобы та начала свое дѣло; когда же она немного успокоилась и съ помощію розовой воды успѣла сколько нибудь изгладить слѣды слезъ, то сама пошла въ купальню.

«Благодареніе Господу за воду!» подумала Элиза при видѣ того, что здѣсь представилось ей. Нѣжныя, атласныя плечики малютокъ въ свѣтлой, прозрачной водѣ, пурпуровый отблескъ, падавшій на нихъ и на бѣлыя простыни изъ топившейся печи, плесканье и радостные крики дѣтей отъ высшаго для нихъ наслаж-

девія, ихъ невинныя игры другъ съ другомъ въ безопасномъ озерѣ ванны, въ которомъ они не боялись подымать самыя бурныя волны, довольное лицо самой Бригитты подъ бѣлой шапкой, ея веселая дѣятельность и замѣчанія о «безподобной алебастровой ручкѣ, алебастровой ножкѣ, ландышевой груди» и т. д., между-тѣмъ какъ она окачивала ландышевую грудь и алебастровую ручку такой же бѣлой мыльной водой или окутывала ихъ лосиящимися простынями, изъ которыхъ выглядывали однѣ головки съ живыми, веселыми, свѣтлыми личиками, играя въ тютю; все вмѣстѣ составляло картину, исполненную жизни и прелести. Элиза не могла однако вполнѣ наслаждаться ею; мысль о случившемся, нетерпѣливое желаніе помириться съ мужемъ, опасеніе, что онъ не скоро воротится домой, что онъ такъ огорченъ и не скоро помирится съ нею,—все это сильно тревожило ее. Она однако не могла не засмѣяться, когда Габріэль, которую особо послѣ другихъ опустили въ ванну, закричала въ отчаяніи: «ахъ, я тону! я тону!» Мать, чтобы успокоить малютку, обвила ее своими бѣлыми руками, и та подъ ихъ защитою стала тѣшиться и плескаться, какъ рыба въ водѣ.

Вдругъ посыпался на нихъ градъ цвѣтовъ; Габріэль вскрикнула отъ радости и протянула ручки, чтобы ловить левкои, розы и гвоздики, которыя со всѣхъ сторонъ летѣли на нее. Элиза съ удивленіемъ обернулась и удивленіе ея превратилось въ живѣй-

шую радость, когда лицо ея встрѣтилось съ губами Эрнста.

«Ахъ, это ты!» воскликнула Элиза и, нѣжно обнявъ его, тихонько провела рукою по его щекамъ. «Я совсѣмъ вымокну,» сказалъ Лагманъ улыбаясь, однако не уклонился отъ мокрыхъ ласкъ своей жены и даже нагнулся къ Габріэли, чтобы поцѣловать ее и дать себя обрызгать съ головы до ногъ.

«Слава Богу! все прошло! и, можетъ быть, всего лучше совсѣмъ не упоминать объ этой глупой исторіи», думала Элиза, приготовляясь итти въ гостиную, куда мужъ отправился ужъ прежде.

Лагманъ, глотая свой дурной чай въ клубѣ, имѣлъ съ невидимыми собесѣдниками почти такой же разговоръ (съ нѣкоторою разницею, какъ Элиза въ его отсутствіи. Слѣдствіемъ того было посѣщеніе въ купальнѣ, цвѣточный дождь изъ принесеннаго Элизѣ букета и примирительный поцѣлуй, который изгладилъ горечь нѣкоторыхъ необдуманныхъ, язвительныхъ словъ. Онъ чувствовалъ, что все прошло, и что кроткій, уступчивый нравъ Элизы не требовалъ другаго удовлетворенія. Но, можетъ быть, именно отъ этаго онъ былъ тѣмъ недовольнѣе собой. Ему больно было смотрѣть на ея красные заплаканные глаза, такъ ласково обращенные на него; онъ чувствовалъ, что употребилъ во зло ту власть, кото-

рую обстоятельства дали ему надъ женой; онъ чувствовалъ, что обошелся съ нею сурово. И потому онъ хотѣлъ, онъ долженъ былъ помириться съ собою и сказать слово — котораго мущина не любитъ произносить, но котораго не боялся благородный, великодушный Эрнстъ Франкъ. Только-что Элиза вошла, онъ подалъ ей руку и сказалъ съ выраженіемъ непритворнаго, искренняго чувства:

«Прости мнѣ, Элиза! Я былъ сегодня жестоко несправедливъ къ тебѣ!»

«Ахъ, прости *мнѣ*, Эрнстъ!» сказала Элиза, глубоко растроганная, прижимая протянутую руку мужа къ груди своей, «и проклятіе всѣмъ возмутителямъ мира!» Въ эту самую минуту вошелъ такой возмутитель и раздѣлилъ то, что такъ горячо стремилось соединиться. Это былъ посланный съ запиской отъ Эмиліи, съ книгой для Лагмана и двумя баночками лучшей «розовой воды» для Элизы, «которая, какъ я знаю», сказано было въ запискѣ, «очень любитъ эти духи.» При чтеніи записки Лагманъ покраснѣлъ и не показалъ ея Элизѣ.

«Какая милая, интересная женщина!» сказалъ онъ, «я сейчасъ буду отвѣчать!»

«Эрнстъ!» сказала Элиза, «не попросить ли намъ ее къ обѣду назавтра? Я придумала кое-какія хоро-

шія кушанья, и надѣюсь, что они удадутся. Послѣ обѣда мы бы могли пойти всѣ вмѣстѣ въ концертъ, а оттуда она бы пріѣхала къ намъ ужинать.»

«Въ самомъ дѣлѣ! Это прекрасная мысль, и я благодарю тебя за нее, милая Элиза!» сказалъ Лагманъ съ видимою радостію.

Да, если бы не Полковница С., если бы не Кандидатъ, и если бы не *если*, то все бы было прекрасно. Но тутъ было иначе, и

«Одна ласточка не означаетъ еще весны.»

Много хаотическихъ элементовъ скопилось въ Франковомъ семействѣ, и одинъ свѣтлый лучь солнца не могъ ихъ разсѣять. Сами супруги были въ какомъ-то чаду. Лагманъ былъ очарованъ своей бывшей пассіей, а прекрасная Эмилія старалась всѣми мѣрами плѣнить своего бывшаго обожателя. Не было человѣка равнодушнѣе, неприступнѣе Эрнста Франка къ очевидной, прямой лести; но онъ не могъ устоять противъ тонкости и ловкости, съ которыми Эмилія умѣла скрывать свои познанія и способности, чтобы доставить его самолюбію удовольствіе учить и просвѣщать ее. «Что за любезная и интересная женщина!» думалъ онъ съ возрастающимъ участіемъ, хотя рѣдко говорилъ о томъ. Естественно, что чѣмъ сильнѣе было его пристрастіе къ Эмиліи, тѣмъ онъ

становился равнодушнѣе къ Элизѣ; а въ-добавокъ онъ находилъ въ Эмиліи то, чего напрасно искалъ въ Элизѣ: — участіе къ его гражданственной дѣятельности и вообще къ дѣламъ по этой части, которыя такъ занимали его.

Элиза съ своей стороны была недовольна собой и неспокойна; отношенія, возникшія между ея мужемъ и Эмиліей, огорчали ее; она находила какое-то утѣшительное, отрадное чувство въ преданности Якоби; но пламенный, страстный видъ, который эта преданность иногда принимала, приводилъ ее въ трепетъ. Письмо, въ это время написанное къ сестрѣ ея Сесиліи, свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ состояніи ея души.

«Я давно къ тебѣ не писала, Сесилія; я сама не знаю, какъ это случилось, и столько же мало знаю, что̀ со мною дѣлается и что дѣлается вокругъ меня! Все во мнѣ и вокругъ меня смутно и темно! Ахъ, если бъ опять прояснилось! Знаешь ли, какъ прекрасна, какъ блистательна «старая пассія» Эрнста! Я начинаю думать, что я ревнива. Вчера была я на большомъ ужинѣ, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Я постаралась одѣться, какъ можно лучше: на головѣ у меня были цвѣты; я хотѣла понравиться Эрнсту. Я поѣхала очень довольная собой и своимъ нарядомъ. Эрнстъ долженъ былъ явиться попозже. Полковница С. пріѣхала

еще до меня и была въ этотъ вечеръ необыкновенно хороша и нарядна. Меня посадили подлѣ нея. Передъ нами было трюмо; я украдкой посмотрѣла въ него и увидѣла передъ собой — тѣнь; я подумала сперва, что мнѣ такъ показалось, опять посмотрѣла въ зеркало, но безжалостное показало мнѣ опять блѣдную тѣнь подлѣ прекрасной, цвѣтущей Эмиліи. «Я вижу», подумала я, «что моя молодость, моя красота невозвратно пропали; но если мужъ и дѣти будутъ любить меня, тогда, о тогда я не буду жалѣть ни о своей молодости, ни о своей красотѣ.» Но я хотѣла еще разъ взглянуть на тѣнь въ зеркалѣ, и мнѣ стало грустно при видѣ ея. Эмилія также поглядывала въ зеркало и сравнивала меня съ собой, но по-видимому съ чувствомъ противоположнымъ моему. Тутъ пришелъ Эристъ. Я замѣтила, что онъ также сравнивалъ насъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ очень занятъ Эмиліей. Я чувствовала себя не хорошо, и мнѣ такъ хотѣлось приклонить голову къ плечу Эриста, — но онъ не подходилъ ко мнѣ. Можетъ быть, онъ думалъ, что я не въ духѣ; можетъ быть, я походила на то. Ахъ, я уѣхала передъ ужиномъ; онъ остался. Невыразимое чувство горести овладѣло мною, когда я, сидя одна одинехонька въ безпокойной наемной каретѣ, тряслась по опустѣлымъ улицамъ. Мрачныя мысли тяготили мою душу — мнѣ ихъ страшно стало. Подъѣзжая къ дому, я увидѣла въ воротахъ Якоби, который шелъ ко мнѣ на-встрѣчу. Онъ меня ждалъ, чтобы утѣшить

меня расказами о моихъ малюткахъ; онъ какъ будто отгадалъ мои чувства въ этотъ вечеръ; онъ приготовилъ моихъ любимыхъ плодовъ, чтобы освѣжить меня; его дружба, его преданность меня оживили. Ахъ, какъ пріятно быть любимой! . . . .

. . . .

Всякое тѣсное сближеніе, всякая новая связь между людьми имѣетъ свои опасности, свои искушенія, и въ самомъ чистомъ, благородномъ чувствѣ есть опасная сторона. О, какъ пособить этому? какъ обезопасить узы, не разорвавъ ихъ? какъ уничтожить ядъ, не притупивши острія? О, Сесилія, какъ бы мнѣ въ эту минуту было нужно присутствіе друга, тебя, въ которой я бы нашла прибѣжище и силу противъ собственной слабости, противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Я недовольна собой, я недовольна..... Ахъ, онъ, онъ одинъ могъ бы, если бъ хотѣлъ, все поправить. . . . . , ...

О, Сесилія! Это туманный часъ въ моей жизни. Что онъ предвѣщаетъ, день или—ночь? Въ глазахъ темнѣетъ;—я не вижу дороги. Однако. . . . я обращусь къ Тому, Кто можетъ сказать: »да будетъ свѣтъ!«

. . . .

Теперь мнѣ стало легче, и на душѣ свѣтлѣе. Слава тебѣ, Боже! Черезъ нѣсколько часовъ день этотъ пройдетъ; ахъ, если бъ онъ скорѣе прошелъ! У насъ

сегодня маленькій дѣтскій вечеръ. Эмилія также будетъ. Мы съ ней совсѣмъ не сходимся; она такъ холодна, такъ остроумна, такъ.... но я всѣми мѣрами постараюсь быть любезной хозяйкой. А когда день кончится, я сяду возлѣ моего спящаго красавца, буду смотрѣть на него, буду счастлива моими малютками.»

(Въ слѣдующемъ №.)

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

22. Картина Европейскихъ переворотовъ. *Въ исходѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, отъ начала Французской революціи до Вѣнскаго конгресса (*1789 — 1815*). На большомъ листѣ, раскрашенная. Сочиненіе* Р. Орлова *(заимствовано самимъ авторомъ изъ II-ой таблицы издаваемаго имъ синхронистическаго атласа исторіи).*

Въ XXVII т. Современника, 109 стран., первой нумераціи, говорено было о Синхронистическомъ Атласѣ Исторіи и сравнительной Географіи г. Орлова. Мы изложили объемъ, систему, удобство и пользу этаго добросовѣстнаго, прекрасно-исполняемаго труда, необходимаго пособія при изученіи Исторіи и Географіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Въ изданной теперь Картинѣ содержатся предметы, о которыхъ большая часть читателей можетъ судить безъ посторонняго руководства. Тутъ событія, почти передъ глазами нашими совершавшіяся. Они приведены въ порядокъ удивительный. Ничто не упущено изъ

виду. Государства всѣхъ частей свѣта, означенныя особыми красками, представляютъ вамъ почти изъ году въ годъ совершившіяся въ нихъ происшествія. Глаза ваши, прежде-нежели прочтутъ расказъ, уже видятъ и распространяющуюся власть однаго народа, и слабѣющую силу другаго. Пройдя линію судьбы какой-нибудь державы, съ новымъ любопытствомъ вы начинаете перебирать замѣчательнѣйшие годы — и, отправляясь взоромъ по другому направленію, усматриваете, какъ великій гдѣ-нибудь переворотъ вдругъ дѣйствовалъ на всѣ народы. Такаго рода Картина содержитъ въ себѣ что-то очаровательное: она проводитъ къ вашему глазу нити съ каждой точки земнаго міра, и вы въ состояніи по всѣмъ направленіямъ этихъ нитей чувствовать, что тамъ дѣлается. Мы увѣрены, что пріобрѣтеніе всѣхъ таблицъ историческихъ г. Орлова ускоритъ и вмѣстѣ упрочитъ изученіе Исторіи. Здѣсь памяти и разсудку всего болѣе помогаетъ зрѣніе, чувство самое дѣятельное и самое неутомимое. Мы нетерпѣливо желаемъ, чтобы автору скорѣе доставлены были средства привести къ концу это общеполезное предпріятіе.

23. Именитые люди Строгановы. *Сочиненіе* Н. Устрялова. *Въ б.* 8; 120 *стран.*

Авторъ говоритъ въ предисловіи: «Случайнымъ образомъ, въ кипѣ ветхихъ бумагъ, попался мнѣ любопытный документъ историческій — списокъ жа-

лованной грамматы царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича 1692 года именитому человѣку Григорію Дмитріевичу Строганову, о подтвержденіи правъ и преимуществъ, дарованныхъ роду его съ половины XVI вѣка до конца XVII. Изумленный богатствомъ историческаго содержанія моей неожиданной находки, и узнавъ изъ замѣчанія переписчика, что подлинная граммата хранится въ домовомъ архивѣ графини Софьи Владиміровны Строгановой, урожденной княжны Голицыной, я просилъ дозволенія ея свѣрить найденный мною списокъ съ оригиналомъ и издать его въ свѣтъ. Любознательная графиня не только изъявила согласіе на мое желаніе, но приказала сообщить мнѣ и другіе фамильные документы, драгоцѣнные для исторіи, числомъ до 100. Такимъ образомъ я разсмотрѣлъ болѣе 20 подлинныхъ царскихъ жалованныхъ грамматъ и указовъ съ 1517 года по 1700, столько же раздѣльныхъ актовъ XVI и XVII столѣтій, нѣсколько сотныхъ и писцовыхъ книгъ и до 50 разнаго содержанія записей, купчихъ, дарственныхъ, уговорныхъ, памятныхъ. Изъ сихъ актовъ и другихъ достовѣрныхъ источниковъ составлена мною статья объ именитыхъ людяхъ Строгановыхъ, нынѣ издаваемая въ свѣтъ вмѣстѣ съ жалованною грамматою 1692 года, *для поясненія* немаловажнаго вопроса историческаго, до сихъ поръ не изслѣдованнаго: какое значеніе въ-старину имѣли Строгановы, не разъ выходившіе на театръ исторіи самостоятельными дѣйствователями? *какое мѣсто занимали*

они среди прочихъ сословій, и какими заслугами пріобрѣли право на лестную почесть видѣть свое имя вписаннымъ въ Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича?» Все, что ни внесено въ брошюру г. Устрялова, очень любопытно; но рѣшеніе обще-историческаго вопроса о мѣстѣ *именитыхъ людей* среди прочихъ у насъ сословій касается непосредственно Науки, обработываемой г. профессоромъ. Онъ прежде всего опровергаетъ мнѣніе, будто первоначально Строгановы были купцы. «Имѣвъ случай прочитать болѣе 20 царскихъ грамматъ, данныхъ роду ихъ, и до 80 фамильныхъ записей и другихъ документовъ (говоритъ авторъ), мы ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтили наименованія ни купца, ни гостя, ни торговаго человѣка. Въ актахъ XVI вѣка они называются просто по имени и фамиліи (напримѣръ, Григорій Строгановъ), въ актахъ же XVII вѣка именитыми людьми съ прописаніемъ имени, отечества и фамиліи (напримѣръ, именитый человѣкъ Андрей Семеновичь Строгановъ). — — — — Владѣтели обширной страны въ Пермскихъ предѣлахъ, величиною съ нынѣшнюю Богемію, они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны, не зависѣли отъ Пермскихъ намѣстниковъ и отъ Московскихъ приказовъ; сами же не подлежали ничьему суду, кромѣ личнаго суда царскаго; имѣли право строить города и крѣпости, содержать полки людей ратныхъ, лить пушки, воевать съ владѣтелями Сибири, и вести безпошлинно заграничную торговлю съ народами Азіатскими. При-

знавая непосредственнымъ своимъ судьею самаго царя, слѣдственно не уступая въ чести знатнѣйшимъ сановникамъ, а другими преимуществами далеко превосходя ихъ, Строгановы имѣли *особенное* званіе, исключительно имъ принадлежавшее, званіе именитыхъ людей; составляли *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное, и отъ того *особенною* статьею внесены въ Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.» Послѣднее изъ сихъ обстоятельствъ болѣе всего убѣждаетъ въ справедливости предположенія автора, хотя, по общимъ о государствѣ понятіямъ, трудно слить значеніе сословія съ титломъ однаго рода или одной фамиліи. Нельзя не сожалѣть, что автору не удалось найти того документа, гдѣ Государемъ въ первый разъ пожаловано Строгановымъ титло именитыхъ людей. Въ подробной исторіи возвышенія ихъ фамиліи показаны только эпохи распространенія ихъ владѣній за услуги Государямъ. Царь Василій Іоанновичь Шуйскій въ 1610 г. повелѣлъ въ грамматахъ писать ихъ съ *вичемъ*, т. е. по имени и по отчеству. Это родъ возведенія въ сословіе высшихъ гражданъ. Въ грамматѣ царя Михаила Ѳеодоровича Дмитрію Андреевичу Строганову сказано: »Если *ему самому, дѣтямъ его, внукамъ, братьямъ, племянникамъ*, крестьянамъ, работникамъ случится быть *въ другихъ городахъ съ товарами или безъ товаровъ*, нигдѣ ихъ *боярамъ, воеводамъ и приказнымъ людямъ* ни въ чемъ не судить,» и проч. Силою сей грамматы они освобождены отъ подчиненности, рас-

пространявшейся на всѣхъ *торговцевъ* по государству. Наконецъ въ грамматѣ Петра Великаго Григорію Дмитріевичу Строганову изображено: »При царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ *у гостей* деньги иманы, и *имъ* въ томъ даваны изъ казны заклады жемчугомъ, золотомъ, сосудами серебряными, и *Нижегородцы* тѣ свои деньги изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ взяли назадъ; *а прадѣды и дѣды* Григорія Дмитріевича Строганова изъ нашей казны закладовъ и тѣхъ денегъ не имали и въ томъ *прибыли* не искали,» и проч Если указаніе грамматы на Строгановыхъ въ ряду съ *гостями*, т. е. купцами, принять за нѣчто положительное; то снова можно возвратиться къ вопросу: изъ какаго же сословія эта фамилія перешла въ особенный классъ? Между-тѣмъ, пока благопріятный случай не освѣтитъ еще нѣсколько темнаго разысканія о значеніи титла *именитые люди*, объ эпохѣ, съ которой впервые оно было внесено въ нашу гражданскую классификацію, и о начальномъ сословіи, изъ котораго Строгановы перешли въ почетное званіе именитыхъ людей, нельзя уже не радоваться появленію любопытной брошюры г. Устрялова. Она содержитъ множество выписокъ изъ Актовъ археографической коммиссіи и указаній на нихъ, выписокъ, свидѣтельствующихъ, какъ со дня на день улучшаются историческія наши изслѣдованія съ помощію этаго сокровища. Самое изданіе разсматриваемаго нами сочиненія можно назвать образцовымъ во многихъ отношеніяхъ. Кромѣ текста и главной грамматы, здѣсь

приложены: 1. портретъ Петра Великаго, пожалованный Григорію Дмитріевичу Строганову 1714 г.; 2. опись фамильнымъ документамъ, хранящимся въ домовомъ архивѣ графини Софьи Владиміровны Строгановой, урожденной княжны Голицыной (числомъ 101); 3. родословная именитыхъ людей Строгановыхъ (впрочемъ, не довольно полная); 4. карта владѣній рода Строгановыхъ по Камѣ и Чусовой; 5. снимокъ (fac simile) съ письма царицы Екатерины Алексѣевны къ Григорію Дмитріевичу и Марьѣ Яковлевнѣ Строгановымъ, писаннаго черезъ нѣсколько часовъ по рожденіи царевича Петра въ 29 день Октября 1715г.; 6. изображеніе стариннаго дома Строгановыхъ, находившагося въ Соль-Вычегодскѣ. Кто безъ любопытства можетъ прочесть слѣдующую надпись, на рисункѣ сего дома оставшуюся? »Въ городѣ Соли-Вычегодской »домъ деревянный господъ Строгановыхъ. Построенъ »въ 1565 году; стоялъ въ совершенномъ порядкѣ, не »покривившись ни на одну сторону до 1798 года, »всего 233 года. Длина дому со службами 34 саже»ни, вышина 21 сажень съ аршиномъ. Разобранъ въ »1798 году«.

3 Извѣщеніе о С. Петербургской школѣ земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ, *графини С. В. Строгановой. Въ* 8; 22 *стр.*

Въ № 1 нынѣшняго тома Современника (стран: 123 и 124) говорено было объ учебныхъ книгахъ, прекрасно составленныхъ и изданныхъ для воспитанниковъ школы горнозаводскихъ наукъ. Это заведеніе для образованія молодыхъ людей *всѣхъ сословій* достойно всеобщей извѣстности. Мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на *Извѣщеніе о школѣ.* Тутъ подробно изложено, на какихъ условіяхъ молодые люди поступаютъ въ школу, какъ въ ней содержатся, чему обучаются и проч. Въ этой же брошюрѣ есть извѣщеніе и о другомъ заведеніи, учрежденномъ равно Е. С. графинею С. В. Строгановою, которое называется Марьинская Школа практическаго земледѣлія и ремеслъ, находящаяся въ Новогородской губерніи.

4. *Отчетъ о дѣйствіяхъ и суммахъ* Императорскаго Человѣколюбиваго Общества *за* 1841 *годъ. Въ* 8; 35 *стр.*

Ничего нѣтъ утѣшительнѣе и трогательнѣе, какъ человѣколюбивыя дѣйствія Обществъ, находящихся въ такомъ количествѣ и силѣ въ Россіи. Не распространяясь о неисчислимыхъ благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ ихъ попечительности, довольно привести, что Императорское Человѣколюбивое Общество, въ 1841 г., призрѣло въ Богоугодныхъ и Учебныхъ заведеніяхъ 2,520 чел., выдало пенсій 7,000 чел., и единовременныхъ оказало пособій 16,619 чел. Въ Отчетѣ,

нами разсматриваемомъ, подробно изложены всѣ способы и дѣйствія вспомоществованія нуждающимся. Тамъ же находятся Отчеты комитетовъ и учрежденій, подвѣдомственныхъ Совѣту Общества, какъ-то: 1) Отчетъ медико-филантропическаго комитета, 2) Попечительнаго комитета, 3) Комитета сословія для призрѣнія малолѣтныхъ бѣдныхъ разночиннаго званія, 4) Института слѣпыхъ, 5) Дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей, 6) Дома призрѣнія убогихъ, 7) Ивановской богадѣльни, 8) По управленію имѣніемъ поручика Иванова, 9) Московскаго Попечительнаго Комитета, 10) Казанскаго Попеч. Комит., 11) Уфимскаго П. К., 12) Воронежскаго П. К., 13) Слуцкаго П. К., и 14) Калужскаго Женскаго Благотворительнаго Общества. Дѣйствительный приходъ всего по вѣдомству *Императорскаго* Человѣколюбиваго Общества: 232,382 р. 65⁶/₇ к, а расходъ 223,012 р. 35¹/₇ к.

5. Одиннадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 *Апрѣля*, 1842 *г. Въ* 8; 280 *стр.*

Сколько благотворныхъ послѣдствій отъ одной истинно-полезной мысли! Покойный П. Н. Демидовъ отдѣлилъ часть своего достоянія на поощреніе трудовъ ученыхъ людей въ Отечествѣ. Съ того времени ежегодно вносится въ Академію Наукъ множество книгъ къ соисканію награды. Не надобно воображать, что соперничество ученыхъ тружениковъ под-

держивается ожиданіемъ вознагражденія Нѣтъ: главнымъ тутъ побужденіемъ благородное честолюбіе — удостоиться гласнаго и справедливаго приговора. Академ Наукъ въ этомъ дѣлѣ есть верховное судилище. Сужденія ея не подлежатъ особеннымъ, мелкимъ обстоятельствамъ частныхъ людей. Одно безпристрастіе произноситъ судъ, который предоставляется людямъ, посвящающимъ всю жизнь обработыванію наукъ. Вотъ гдѣ источникъ соревнованія. Такимъ образомъ учрежденіе Демидовскихъ премій, въ нашей ученой литературѣ, сдѣлалось эпохою блистательной дѣятельности. Съ другой стороны обнародованіе подлинныхъ разборовъ, въ слѣдствіе которыхъ Академія увѣнчиваетъ сочиненія, вноситъ въ литературу нашу образцы ученой критики Академики, при разсматриваніи книгъ, подробно судятъ о каждой части науки, приводятъ о ней мнѣнія прежнія и новыя, знакомятъ читателей съ истинными ея, современными началами. Читатели вводятся въ созерцаніе самыхъ существенныхъ отдѣловъ храма наукъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно только прочитать книгу, которая подала намъ поводъ говорить о Демидовскихъ преміяхъ. Въ *одиннадцатомъ присужденіи* помѣщено десять разборовъ, составленныхъ Академиками, и общій отчетъ о семъ присужденіи, написанный Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи. Приводимъ для нашихъ читателей заглавіе разобранныхъ книгъ съ именами Академиковъ, которые предложили о нихъ свои сужденія: 1 Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири

и по Ледовитому морю, совершенное въ 1820, 1, 2, 3 и 4 годахъ экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ флота Лейтенанта (нынѣ Контръ-Адмирала) Фердинанда фонъ Врангеля. Академики: *Бэръ* и *Ленцъ*. 2. Генеральная карта горныхъ формацій Европейской Россіи, составленная Корпуса Горныхъ Инженеровъ Подполковникомъ Гельмерсеномъ. Профессоръ Университета Св. Владиміра *Гофманнъ*. 3. Руководство къ оперативной Хирургіи, сочиненіе Академика Соломона. Профессоръ Московскаго Университета *Иноземцевъ*. 4. Астрономическія средства Кораблевожденія, сочиненіе С. Зеленаго. Академикъ *Струве*. 5. Теорія Финансовъ, сочиненіе Горлова. Академикъ *Кеппенъ*. 6. Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго со всѣми Славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками, соч. Ф. Шимкѣвича. Академикъ *Востоковъ*. 7. Руководство къ познанію Средней исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, соч. С. Смарагдова. Профессоръ Глав. Педаг. Инст. *Лоренцъ*. 8. О булатахъ, соч. Корпуса Горн. Инж. Генералъ-Маіора Аносова. Академики: *Купферъ* и *Якоби*. 9. Исторія древней философіи, соч. К. Зедергольма. Профессоръ Университета Св. Владиміра *Новицкій*. 10. О веревчатомъ приводѣ, соч. Г. Диго. Академикъ *Якоби*.

6. Критика: *Денница новаго Болгарскаго образованія. Соч.* Василія Априлова. *Въ* 8; 32 *стран.*

О книгѣ, которая была причиною разсматриваемой здѣсь критики, мы очень подробно говорили въ XXVII т. Современника (82 стран. первой нумераціи). Всѣ извѣстія, историческія, топографическія и филологическія, сообщенныя читателямъ въ *Денницѣ*, не подлежатъ никакому сомнѣнію и не могутъ не возбуждать дѣйствительнаго участія, особенно у насъ, соплеменниковъ Болгаръ. По-этому и защиту сихъ данныхъ мы не можемъ иначе принять, какъ за пріятное дополненіе любопытныхъ предметовъ.

7. **Повѣсти А. П. Славина**: 1) *Мать-преступница*; 2) *Московская красавица*; 3) *Сказаніе о томъ, какъ внукъ женился-было на своей бабушкѣ*; 4) *Повѣсть о томъ, какъ влюбился Григорій Ѳоминъ, во что влюбился, какъ хотѣлъ жениться и что помѣшало его женитьбѣ. Въ* 12; 126 *стран.*

8. **Одна изъ женщинъ XIX вѣка.** *Эпизодъ изъ романа: Студенческая жизнь. Въ* 8; 34 *стран.*

9. **Любовь музыканта.** *Романъ Андрея Ярославцова. Въ трехъ частяхъ. Въ* 12; 197, 357 *и* 334 *стран.*

Всѣ три сочиненія выказываютъ желаніе авторовъ изобразить современную нашу жизнь на разныхъ ступеняхъ общества. Два послѣдніе писателя увлеклись даже моднымъ направленіемъ къ типамъ. Но и общія черты народнаго быта, ни частныя от-

личія сословій не могутъ быть возведены въ художническія картины безъ содѣйствія истиннаго таланта, котораго къ-сожалѣнію не дали почувствовать намъ сочинители своими произведеніями.

10. Карликъ-горбунокъ, учитель своего господина. *Сочиненіе* Павлова. *Въ* 32; 15 *стран.*

11. Спящая красавица. *Повѣсть* А. Павлова. *Въ* 32; 32 *стран.*

Брошюры безъ всякаго достоинства.

12. Очеркъ теоріи изящной словесности, Михайла Чистякова. *Въ* 8; 54 *стран.*

Основныя понятія этой теоріи очень вѣрны. Они заимствованы изъ созерцанія образцевъ, дѣйствительно художественныхъ по ихъ природѣ и возсозданію. Между-тѣмъ бываютъ теоріи произвольныя и даже основанныя на ложныхъ началахъ. Вникая въ это странное явленіе, что свѣтъ и тьма, истина и ложь, красота дѣйствительная и поддѣльная могутъ существовать въ одно и тоже время, невольно усомнишься, полезна ли, какая бы то ни было, теорія изящной словесности. Ежели ложная теорія не вредитъ созданіямъ истиннаго таланта, а истинная теорія не спасаетъ ложный талантъ отъ паденія; то очевидно, что успѣхи изящныхъ искуствъ только и

совмѣстны съ появленіемъ истинныхъ талантовъ, а всѣ теоріи остаются безъ малѣйшаго вліянія на совершенствованіе того, что онѣ хотятъ усовершенствовать. Это одно препровожденіе времени, достойное уваженія въ отношеніи къ трудящимся, если они, какъ авторъ разбираемой нами теоріи, трудятся, мысля здраво; жалкое — если ошибаются. Мы находимъ, что изданная теперь книжка болѣе соотвѣтствовала бы предполагаемой авторомъ цѣли, если бы она, какъ рукозодство, разложена была на параграфы, что необходимо для учениковъ.

13. Опытъ теоріи стратегіи. *Сочиненіе Полковника* Языкова (автора *Теоріи военной географіи и приложенія оной къ избранію пунктовъ для сооруженія крѣпостей). Три части. Въ* 8; *IV* — 90, 131 и 76 *стран.*

Есть поводъ конечно спорить и о томъ, возможна ли вездѣ-примѣнимая теорія стратегіи, какъ выше усомнились мы въ возможности существенно полезной теоріи изящной словесности. Успѣхъ войны часто зависитъ такъ же точно отъ неизъяснимаго вдохновенія, какъ успѣхъ поэмы или драмы. Но въ военномъ дѣлѣ несравненно положительнѣе всѣ принадлежности, способствующія къ успѣху полководца, нежели въ искуствѣ слóва и мысли. Число войскъ и орудій, мѣстность и запасы, переходы и прочіе предметы не безполезно приводятся въ строгую извѣстность и пред-

варительно получаютъ назначеніе, тогда-какъ явленіе, расположеніе, жизнь и краски идей ни малѣйшаго не произведутъ дѣйствія въ исполненіи безъ вдохновеннаго творчества, хотя бы и буквально внесены были въ произведеніе по предварительному расписанію. Сочиненіе, разсматриваемое нами, очень логически развито. Авторъ, изложивъ предварительныя понятія о стратегіи, разсматриваетъ тѣ изъ стратегическихъ истинъ, которыя по существу своему предшествуютъ вопросу объ употребленіи вооруженныхъ силъ на театрѣ войны, и потомъ уже предлагаетъ истины, относящіяся къ разсмотрѣнію выше означеннаго вопроса. Какъ Ученый человѣкъ, сочинитель обозрѣваетъ самую исторію стратегіи, подвергая критикѣ мнѣнія другихъ писателей. Вообще это сочиненіе достойно извѣстности всѣхъ военныхъ людей.

14. О сопротивленіи тѣла человѣческаго въ отношеніи къ электрическимъ токамъ. *Разсужденіе, написанное* Михаиломъ Пчельниковымъ *для полученія степени магистра Философіи. Въ* 8; 48 *стр.*

Положенія этой ученой брошюры были защищаемы публично во 2-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета Санктпетербургскаго Университета. Авторъ опредѣляетъ степень ослабленія электрическихъ токовъ при ихъ прохожденіи через человѣческое тѣло, принимая его за проводникъ, наиболѣе возбуж-

лающіїі любопытство каждаго изслѣдователя законовъ природы. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе ученыхъ читателей на это сочиненіе, по тому уваженію, что вообще Русскіе и иностранные писатели не довольно еще изслѣдовали предметъ разбираемаго нами разсужденія.

15. Идеалъ и подражаніе въ изящныхъ искуствахъ. *Въ* 8; 6 *стран.*

Авторъ предполагаетъ, что совершеннѣйшія созданія искуствъ явились отъ стремленія художниковъ къ воплощенію идеальныхъ образцевъ. Обыкновенно противополагали такимъ произведеніямъ простыя подражанія природѣ. Изученіе всѣхъ образцевъ, древнихъ и новыхъ, какіе только признаны наилучшими въ искуствахъ, преобразовало мнѣніе о происхожденіи этихъ идеаловъ. Въ нихъ увидѣли наконецъ одни счастливѣйшіе моменты природы, вѣрнѣйшія возсозданія истинной жизни — и тѣмъ пріобщили изящныя искуства къ сонму тѣхъ поучительныхъ произведеній генія, которыми онъ все прекрасное и великое человѣческаго духа охраняетъ отъ прехожденія или забвенія; которыми онъ все человѣчески-совершенное превращаетъ въ урокъ опять человѣчеству.

II.

16. **История Петра Великаго.** *Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ.* Выпуски: 12 и 13. *Въ* 8; *стран отъ* 353 *до* 417.

17. **Наши, списанные съ натуры Русскими.** Выпускъ тринадцатый. *Въ б.* 8; *съ* 121 *по* 154 стран.

Современника т. XXVI, стран. 28, *первой нумерации.*

18. **Утренняя заря,** *альманахъ на* 1843 *годъ, изданный И. Владиславлевымъ. Въ* 12; 361 *стран.*

Альманахъ сей, четыре года выходившій подъ редакціею В. А. Владиславлева, и при новомъ редакторѣ ни въ чемъ не измѣнился. Онъ изданъ очень красиво съ семью слѣдующими гравюрами: 1. Заглавная виньетка: Утренняя заря надъ памятникомъ Сусанина; 2. портретъ Торвальдсена, съ Кипренскаго; 3. видъ Фалля, сь картины Фрикке; 4. Волга въ Симбирской губерніи, съ картины Чернецова; 6. Поцѣлуй, съ картины Моллера; 6. Маріула, съ картины Кипренскаго; 7. дача графини Строгановой, съ картины Воронихина Въ прозѣ всѣхъ статей

четыре; а стихотвореній въ альманахѣ *тринадцать.* Самая любопытная статья въ нынѣшнемъ изданіи принадлежитъ М. Ѳ. Орлову и называется: *Капитуляція Парижа.*

19. Памятникъ искуствъ. *XV книжка. Въ* 8; 76 стр.

Вся посвящена описанію памятниковъ искуствъ въ Египтѣ. Особенно архитектура сей страны разсмотрѣна въ подробности. Тутъ приложена картинка, представляющая: *Общее расположеніе Египетскихъ зданій, извѣстныхъ подъ названіемъ Карнакскихъ дворцевъ въ Ѳивахъ.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

4. Божественная Комедія Данте Алигіери. Адъ. *Съ очерками Флаксмана и Италіанскимъ текстомъ. Переводъ съ Италіанскаго* Ѳ. Фанъ-Дима. *Введеніе и Біографія Данте* Д. Струкова. *Изданіе* Е. Фишера. *Въ* 8; 61 *и* 6 *стран*. Выпускъ первый.

Эпоха, въ которую на Русской языкъ переводятся вдругъ Данте, Шекспиръ и Гете, безъ преувеличенія можетъ назваться замѣчательнѣйшею въ литературѣ. Мы завоевываемъ въ одно время три міра поэзіи. Каждый изъ нихъ представляетъ полноту и совершенство искуства по идеямъ, краскамъ и жизни. Все, что католическое настроеніе съ самымъ глубокимъ познаніемъ древнихъ писателей внушило величайшему генію; все, что страсти, исторія, нравы вѣка и общирнѣйшія свѣдѣнія могли пробудить въ самой дѣятельной душѣ поэта, все запечатлѣно въ поэмѣ Данта. И это созданіе мы получимъ въ строжайшемъ, почти подстрочномъ переводѣ. Такъ и надобно начинать знакомство съ вѣковыми писателями. Только изучивъ ихъ буквально и вникнувъ въ глу-

бину ихъ каждаго выраженія, каждаго понятія, можно будетъ нѣкогда думать о соперничествѣ съ ними, т. е. о переводѣ стихами. Но переводъ, о которомъ мы теперь извѣщаемъ читателей, издается выпусками. Вотъ что всегда грустно встрѣчать! Не понимаемъ, для чего это дѣлается. Ни одно почти предпріятіе въ этомъ видѣ у насъ не удалось. За первыми живыми впечатлѣніями, обыкновенно, и со стороны читателей и со стороны издателей, слѣдуетъ какое-то охлажденіе—и часто дѣло не доходитъ до своей половины. Уже ли такъ будетъ и съ Данте? Но его обѣщаютъ выдать вполнѣ въ шесть выпусковъ, къ концу Іюня нынѣшняго года. А какъ бы радостно было получить вдругъ книгу Данте! Всевластная мода царствуетъ наконецъ повсюду, даже въ независимой области мышленія.

5. **Аладдинъ, или волшебная лампа.** *Драматическая сказка* Эленшлегера. *Вольный переводъ* В. Дерикера. Часть первая. *Въ* 8; 128 *стран.*

6. **Старкотеръ.** *Скандинавская драма, въ пяти актахъ,* Эленшлегера. *Перевелъ съ Нѣмецкаго* В. Дерикеръ. *Въ* 8; 112 *стр.*

Обѣ пьесы переведены стихами. Переводчикъ, хорошо постигая смыслъ автора и употребляя всѣ усилія сохранить требованія Русскаго стиха, видимо находится въ борьбѣ, что невольно заставляетъ его

уступать мѣстами подлиннику, мѣстами языку, на который онъ переводитъ. Надобно когда-нибудь убѣдиться, что переводы въ стихахъ, такіе, которые бы равнялись достоинствомъ своимъ подлиннику, возможны только при равныхъ талантахъ переводчика и оригинальнаго поэта. Безъ этаго условія всѣ труды можно считать не достигающими никакой цѣли. Мы или не чувствуемъ прелести поэзіи, или теряемъ лучшія ея краски. Для вѣрнаго успѣха остается работа скромная, но не безполезная: переводы прозою, переводы исправные, добросовѣстные. Эленшлегеръ, родоначальникъ поэтовъ, обратившихся къ Скандинавскому міру, стóитъ, чтобы ему одному посвятить нѣсколько лѣтъ. Онъ для насъ еще рудникъ нетронутый. Теперь ему шестдесятъ три года. Данія гордится имъ, какъ лучшимъ своимъ украшеніемъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія путешествуя по Европѣ, онъ въ Германіи, во Франціи и Италіи былъ предметомъ вниманія замѣчательнѣйшихъ умовъ и снискалъ дружбу первыхъ представителей Европейской литературы. Въ его талантѣ соединены самобытность и многосторонность. Не подчиняясь никакому вліянію, онъ развиваетъ идеи изъ предметовъ подъ собственнымъ настроеніемъ, сохраняя повсюду натуральныя краски, которыхъ истину онъ постигаетъ своимъ поэтическимъ чувствомъ. Съ дѣтства увлекаемый направленіемъ драматическимъ, онъ до такой степени усовершенствовалъ это самоотреченіе, или отстраненіе собственныхъ, личныхъ ощущеній въ картинахъ міра внѣшняго, что для него

нѣтъ страны или вѣка, преимущественно любимыхъ, гдѣ бы онъ исключительно-успѣшнѣе дѣйствовалъ: онъ какой-то чудный космополитъ поэзіи, умѣющій вездѣ обрѣсти вѣрный пріютъ родины. Къ такимъ счастливымъ особенностямъ присоединяется въ немъ непостижимая способность все обработывать почти мгновенно. Его творенія возникаютъ такъ быстро, какъ будто онъ ихъ находитъ готовыми. Безъ сомнѣнія, послѣднее обстоятельство не можетъ быть не чувствуемо въ обработкѣ его стиховъ, которые вездѣ для окончательнаго совершенства своего требуютъ труда и терпѣнія. Но сей недостатокъ уже останется какъ бы естественною чертою въ его характеристикѣ. Пусть переводчикъ, уловивши физіономію даже этаго недостатка, отразитъ все въ своемъ переводѣ. Тогда мы вполнѣ поймемъ, что за поэтъ Эленшлегеръ. Теперь мы только добираемся мѣстами до смысла нѣкоторыхъ его отрывковъ.

7. Всеобщій учебный атласъ *древней, среднихъ вѣковъ и новой географіи* В. Левассера, *состоящій изъ 88-ми картъ, въ 16-ю долю листа, изъ коихъ одиннадцать двойныхъ, и служащій къ объясненію текста: Учебнаго курса всеобщей географіи. Издалъ* И. Эйнерлингъ.

Трудно представить что-нибудь обдуманнѣе, полнѣе и удобнѣе этаго пособія для изученія географіи и исторіи въ разныя эпохи міра. Между-тѣмъ

объемъ книжки позволяетъ ею пользоваться не только ученику въ классѣ посреди товарищей, но и всякому прогуливающемуся, или даже ѣдущему въ дорогѣ. Вы можете держать этотъ атласъ въ боковомъ карманѣ и раскрывать его передъ глазами одною рукой. Цѣна его (5 р. ас. нераскрашенный экз., и 7 р. ас. раскрашенный), такъ невысока, что бѣдные постыдятся отказать себѣ въ столь полезной книжкѣ. Она напечатана хотя мелко, но четко, и не обременена излишествомъ предметовъ, отнимающихъ возможность пользоваться иногда и огромными атласами. До какой же степени ничто не забыто въ этомъ учебномъ пособіи, можно судить по первымъ картамъ, о которыхъ упомянуть мы считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ. 1. *Небесное плоскошаріе.* 2. *Солнечная система.* 3. *Состояніе земнаго шара въ различныхъ его возрастахъ.* (Другой листъ, гдѣ изображенъ тотъ же предметъ, называется: *физическая карта).* 4. *Сравнительная таблица высотъ главнѣйшихъ горъ на земномъ шарѣ.* 5. *Сравнительная таблица длины главнѣйшихъ рѣкъ земнаго шара.* 6. *Плоскошаріе.* 7. *Предполагаемое состояніе географіи во времена Гомера и Гезіода.* 8. *Географическая система Эратосѳена.* 9. *Міръ извѣстный древнимъ.* 10 *Географія Евреевъ.* 11. *Древняя Европа,* и такъ далѣе.

II.

8. **Жизнь и приключенія Робинсона Крузо,** *описанныя имъ самимъ. Соч.* Д. Дефо. *Новый пе-*

реводъ съ Англійскаго. П. А. Корсакова. *Изданіе украшенное* 200 *рисунк. Гранвиля.* Выпуски: третій и четвертый. *Въ* 8; *отъ* 320 *до* 480 *и* 1 *до* 136.

До какой степени мы высоко цѣнимъ достоинство этаго геніальнаго сочиненія, уже сказано нами въ XXVIII т. Соврем. на 104 стран. (первой нумераціи). Переводъ и исправность выпусковъ не напрасно поддерживаютъ общее ожиданіе — видѣть книгу Дефо на Русскомъ языкѣ такъ же удовлетворительно изданною, какъ ее уже столько разъ печатали повсюду въ Европѣ, *Третьимъ* выпускомъ кончилась первая часть сочиненія; *четвертый* составляетъ первую треть остальной.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

10. Сочиненія Θаддея Булгарина. *Четыре части. Въ* 12; 525, 509, 546 и 177 *стран.*

Такъ-какъ въ этомъ собраніи не встрѣтилось намъ ни одной статьи, которая бы уже не промелькнула прежде въ какомъ-нибудь то поденномъ, то недѣльномъ, то помѣсячномъ изданіи (кромѣ шутки *Похожденія Митрофанушки въ лунѣ, бредъ неспящаго человѣка* — шутки, которая оканчивается остроумными словами: *»не любо, не слушай, а лгать не мѣшай«*), то мы и должны были отнести книгу въ разрядъ новыхъ изданій. Чтобы читателямъ нашимъ познакомиться съ послѣдними успѣхами автора въ изящной словесности, для этаго имъ достаточно слога, тона и духа *Митрофанушки*. Вотъ изъ него начало расказа: »Когда слухъ объ этомъ (что Митрофанушка идетъ »въ службу) дошелъ до Петербурга, многочисленная »родня Митрофана, особы обоего пола изъ фамилій »Простаковыхъ и Скотининыхъ, вознамѣрилась вы»вести Митрофана въ-люди. Онъ былъ единственный »наслѣдникъ полуторы тысячи душъ отцовскихъ и »материнскихъ, и имѣлъ въ виду наслѣдство въ пять »сотъ душъ, принадлежавшихъ дядѣ его, пожилому »холостяку Тарасу Скотинину, знаменитому любителю »животныхъ, презираемыхъ Евреями и Мусульманами,

»и доставляющихъ славу и богатство почтеннымъ »Нѣмецкимъ колбасникамъ и Французскимъ шаркю»тье (charcutiers), т. е. свиноварамъ. Митрофанъ былъ »завидный женихъ! Онъ имѣлъ всѣ нужныя для эта»го качества« и проч.

11. Дочь купца Жолобова. *Романъ, извлеченный изъ Иркутскихъ преданій. Соч.* И. Калашникова. Издание третіе. *Четыре части. Въ* 12: 138, 132, 125 и 119 *стран.*

12. Басни и сказки И. И. Хемницера. *Въ трехъ частяхъ. Въ* 16; 237 *стран.*

13. Патріотическія пѣсни Михаила Максимова. Изданіе четвертое. *Въ* 12; 36 *стран.*

14. Собраніе куплетовъ изъ водевилей, *съ приложеніемъ пѣсень, арій и хоровъ изъ оперы: Аскольдова могила.* Изданіе второе безъ перемѣнъ. *Въ* 12; 140 *стран.*

15. Карманный пѣсенникъ, *или собраніе новѣйшихъ куплетовъ изъ оперъ и водевилей. Собранъ* А. Андреевымъ, *въ двухъ частяхъ.* Изданіе третіе. *Въ* 16; 117 и 62 *стран.*

16. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова. Первая книга. *Въ* 8; 128 *стран.*

II.

17. **Исторія Государства Россійскаго.** *Сочиненіе* Н. М. Карамзина. **Изданіе пятое.** *Въ трехъ книгахъ, заключающихъ въ себѣ двенадцать томовъ съ полными примѣчаніями, украшенное портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ, изданіе* И. Эйнерлинга. **Книга II.** (Томы V, VI, VII и VIII.) *Въ б.* 8; *стран.* 242, 228, 142 и 178 *текста*; 178, 104, 68 и 82 *страницы примѣчаній.*

Изданіе книги, по общему признанію единственной у насъ изъ литературныхъ созданій, которая должна находиться во всѣхъ библіотекахъ, у всякаго читателя, изъ какаго бы класса людей онъ ни былъ, такъ и надобно было предпринять, какъ обдумалъ г. Эйнерлингъ. Онъ соединилъ красоту, даже роскошь печатанія съ дешевизною, удобство объема съ полнотою текста и примѣчаній. Печатаніе производится съ такой быстротою и въ то же время съ такою исправностію, что едва вѣришь этому изумительному успѣху изданія, образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ.

БАЛЪ НА ФРЕГАТѢ.

Залива Финскаго лѣниво дремлютъ волны;
Ужъ вечеръ догорѣлъ, ужъ чайки улеглись;
Лѣсъ, скалы, берега молчаньемъ томнымъ полны,
И звѣзды раннія на небесахъ зажглись.
Здѣсь сѣверная ночь среди погоды ясной,
Какъ ночи южныя, отрадна и прекрасна,
И чудной нѣгою плѣнительно блеститъ,
А море синее и плещетъ и шумитъ.

Фрегатъ воинственный, на якорѣ качаясь,
Средь зеркальныхъ зыбей красуется царемъ,
И флаги пестрые, роскошно развѣваясь,
Надъ палубой его сошлись, сплелись шатромъ.
Онъ убранъ, онъ горитъ радушными огнями;
Дека унизаны веселыми гостями,
Живая музыка призывно намъ гремитъ,
А море синее и плещетъ и шумитъ.

На *Мельпоменѣ* балъ. Наряды дамъ мелькаютъ
Межъ эполетами, предъ строемъ моряковъ;
Ихъ ножки легкія свободно попираютъ
Жилище бранныхъ смутъ, опасностей, трудовъ;
Лафеты креслами имъ служатъ; завоеванъ
Безъ боя весь фрегатъ и вмигъ преобразованъ.
Не вихрь морской по немъ, но быстрый вальсъ летитъ;
А море синее и плещетъ и шумитъ.

Но женскій умъ пытливъ: по переходамъ длиннымъ,
По узкимъ лѣстницамъ, по декамъ, по жильямъ
Попарно балъ идетъ, и Польскій тактомъ чиннымъ
Вдали сопутствуетъ гуляющимъ четамъ.
Вотъ тѣсныхъ келій рядъ вкругъ офицерской залы . . .
Гдѣ много жизни лѣтъ у каждаго пропало,
Гдѣ въ вѣчныхъ странствіяхъ далекій свѣтъ забытъ,
Гдѣ въ общей тишинѣ лишь волнъ прибой шумитъ.

Вотъ въ дальней комнатѣ двѣ пушки, и межъ ними
Диванъ, часы и столъ: — здѣсь капитанъ живетъ,
Одинъ . . съ заботами и думами своими,
За благо общее отвѣтственность несетъ.
Здѣсь судъ, законъ и власть; здѣсь участь подчиненныхъ,
Ихъ жизнь, ихъ смерть, ихъ честь въ рукахъ отяго-
щенныхъ,
Владыка на морѣ, онъ держитъ и хранитъ;
И съ нимъ бесѣдуя, волна подъ нимъ шумитъ.

О! кто, кто здѣсь изъ насъ, танцующихъ безпечно,
Постигнетъ подвиги и долю моряка?
Какъ въ одиночествѣ, безъ радости сердечной,
Томить его должна по родинѣ тоска!
Какъ пусты дни его, какъ однозвучны годы!
Какъ онъ всегда лишенъ простора и свободы!
Какъ вѣчно гибелью въ глаза ему грозитъ
То море синее, что плещетъ и шумитъ! . .

И здѣсь, на палубѣ, гдѣ мы танцуемъ нынѣ,
Здѣсь былъ иль можетъ быть кровопролитный бой,
Когда, метая громъ по трепетной пучинѣ

И сыпля молньями, фрегатъ летитъ грозой
На вражескій корабль . . . и вдругъ они сойдутся,
И двухъ противныхъ силъ напоры размахнутся!
И битва жаркая межъ ними закипитъ . . . .
А море синее все плещетъ и шумитъ.

И много, можетъ быть, здѣсь ляжетъ братьевъ нашихъ . .
И много женскихъ слезъ вдали прольютъ по нимъ . . .
Танцуйте! радуйтесь! . . . Но я въ забавахъ вашихъ
Ужъ не участница! . . . Къ картинамъ роковымъ
Воображеніе влекло меня невольно,
И содрогнулась мысль, и сердцу стало больно;
Съ участьемъ горестнымъ мой взоръ на все глядитъ,
А море синее и плещетъ и шумитъ.

Графиня Ростопчина.

Гельсингфорсъ.
26 Іюля, 1842.

ПАУКЪ.

(изъ Стагнеліуса.)

Фрина! за-что паука многоногаго такъ ненавидишь?
Сжалься надъ бѣднымъ! какъ ты, прежде онъ дѣвушкой былъ;
Вкругъ прелестнаго личика кудри вились золотые;
Эоса ярче горѣлъ розовый пламень ланитъ;
Нѣги полонъ былъ взоръ; сладострастьемъ перси дышали;
Голосъ звенѣлъ серебромъ, будто во славу любви.
Нынѣ бѣдняжка Арахна—паукъ презрѣнный, не болѣ!
Да; но дѣвичьихъ затѣй бросить она не могла:
Вьетъ какъ и прежде тончайшія, чуть примѣтныя нити
И въ чародѣйскую сѣть ихъ соплетаетъ потомъ;
Послѣ важно сидитъ; стережетъ терпѣливо добычу:
Мошкѣ, которой летѣть мимо случится—бѣда!
Вотъ мотылекъ златокрылый: какъ гордо по воздуху вьется
Вѣтреный щеголь! но ахъ . . въ сѣткѣ запутался онъ!
Бьется и молитъ—напрасно! его обнимаютъ, цѣлуютъ,
Жадно сосутъ его кровь—кожа на немъ ужъ одна!
Знаетъ ли козни дѣвичьи паукъ? что скажешь, плутовка?
Жены! хитёръ онъ, но вы—вы не хитрѣй ли его?

Гельсингфорсъ. Я. Г.

1841.

ПРАВЫЙ И НЕПРАВЫЙ СУДЪ.

Къ–чему насмѣшкою небрежной
Язвить безвредный юный трудъ?
Какъ ропотъ зависти мятежной,
Безсильно золъ неправый судъ.
Случайный даръ всегда ничтоженъ,
И для бездарной головы
Успѣхъ огромный не возможенъ:
Коротокъ срокъ его молвы.
Но самобытный даръ обиленъ;
Онъ презираетъ ложный толкъ,
И снова блещетъ, свѣжъ и силенъ;
Въ немъ голосъ неба не умолкъ.
Поэтъ своей высокой доли
Молвѣ не выдастъ на позоръ;
Онъ молча слушаетъ безъ боли
Шальныхъ судей отважный вздоръ;
Ничто въ немъ духа не уронитъ,
Ничья стрѣла не уязвитъ;
Ничей полетъ не перегонитъ,
Когда онъ до неба паритъ.

Но мудрой истины совѣта
Неотрицаемый намекъ
Пріемлетъ чуткій слухъ поэта
Какъ жданый, явственный урокъ —
И рѣже прихотью ошибокъ
Пестря небрежные листы,
Безъ желчи, безъ журнальныхъ сшибокъ,
Поэтъ — судья своей мечты!

Елисавета Шахова.

Москва.

ПРЕДПОЧТЕНІЕ.

Я не люблю вашъ лепетъ свѣтскій,
Грѣховъ домашнихъ переборъ,
Коварной рѣчи голосъ дѣтскій,
Очей лукавыхъ сладкій взоръ.
Приму я гордо, безъ боязни,
Открытый вызовъ злой бѣды,
Но убѣгу, какъ лютой казни,
Друзей двусмысленной пріязни,
Враговъ безсмысленной вражды.

Но видъ младенческой природы
Всегда родной душѣ моей —
Разгулъ суровой непогоды,
Молчанье мертвое морей,
Роднаго сѣвера метели,
Поля подъ ризой снѣговой,
Холмовъ задумчивыя ели,
Осеребренныя луной,
И юга воздухъ раскаленный,
И скалъ протянутая цѣпь,
И — сторожъ пальмы обозженной —
Кругомъ синѣющая степь.

Когда мнѣ скучно, грустно, больно . . .
Коня!.. и мигомъ на коня!
Онъ мчитъ по степи своевольно
Легко и весело меня.
Легко и весело онъ рыщетъ,
Межь-тѣмъ громадная гроза
На-встрѣчу мнѣ реветъ и свищетъ,
И тѣшитъ душу и глаза
И унимаетъ сердца боли . . .
А вѣдь, о люди!.. нѣтъ у ней
Ни вашихъ ласковыхъ очей,
Ни вашихъ сладостныхъ рѣчей,
Ни разумѣнія, ни воли.....

К. Айбулатъ.

ОКОНЧАНІЕ ДНЯ.

(Продолженіе «Семейства»).

Насталъ вечеръ; свѣтло, гости. Въ обращеніи Элизы замѣтна была въ этотъ вечеръ необыкновенная любезность; она совершенно забывала себя, чтобы заниматься другими. Она была до-крайности внимательна къ Полковницѣ С.; заботилась, чтобы никто изъ гостей не скучалъ; играла на фортепіано танцы для дѣтей; однимъ словомъ, жертвовала собою для общаго удовольствія. Прекрасная Эмилія, напротивъ того, занималась только собою; въ этотъ вечеръ она была живѣе и блистательнѣе, нежели когда-либо, и, какъ обыкновенно, окружена толпою мущинъ. Разговоръ составившейся около нея группы былъ живъ и, переходя отъ политики къ литературѣ, коснулся театра, что̀ дало Эмиліи поводъ къ рѣзкой и вѣрной характеристикѣ драматической фабрики Скриба и Мельвиля. »Впрочемъ», прибавила она, «очень умно и остро придуманъ обычай опускать занавѣсъ тотчасъ послѣ брака героя или героини. Романъ поступаетъ такъ же благоразумно; если бъ онъ тянулся далѣе, никто бы не сталъ читать его.»

«Почему же?» сказалъ Лагманъ поспѣшно и с
нѣкоторою важностію.

«Потому,» отвѣчала Эмилія, »что послѣ этаг
золотаго мгновенія, мечты юности увядаютъ, и дѣй
ствительность является во всей своей наготѣ, и с
всѣмъ своимъ ужаснымъ гнетомъ. Посмотрите на мо
лодую чету на зарѣ супружества! Какъ пламенна их
любовь, какъ она все проникаетъ и украшаетъ, как
она горитъ, какъ она выражается въ каждомъ взорѣ
въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ и движені
Блескъ ея преображаетъ всю жизнь въ поэзію. *Ты*
вотъ слово, около котораго обращаются всѣ мысл
юныхъ супруговъ. Но посмотрите на ту же самую
чету нѣсколько лѣтъ спустя! Себялюбивое *я* засту
пило мѣсто прежняго *ты!* Обожающій, всепокорны
женихъ сталъ взыскательнымъ мужемъ, который хо
четъ, чтобы жена его слушалась, чтобы она ему рабо
лѣпствовала. А любящая, всѣмъ готовая жертвоват
невѣста преобразилась въ прозаическую хлопотливу
хозяйку, которая говоритъ о домашнихъ заботахъ
испорченномъ вареньѣ и нерадивыхъ служанкахъ —
и о чемъ же бесѣдуютъ супруги, когда они одни
вдвоемъ? Какъ, мой другъ, уже ли все масло опят
ужъ вышло? Вѣдь я недавно далъ денегъ на масло
Тебѣ надобно смотрѣть за кухаркой, чтобы она н
такъ много тратила масла! Такая расточительност
ни на что не похожа. Не нужно ли тебѣ еще чего?—
Ахъ, да, мой другъ! Мнѣ и дѣтямъ нужно новс

платье. Петрушинъ сертукъ совсѣмъ изношенъ, а Павля выросъ изъ своего. Да и шуба моя ужъ давно просится въ отставку!.. Надобно благодарить судьбу, если изъ этихъ интересныхъ разговоровъ не выйдетъ наконецъ раздора, и если въ блаженномъ спокойствіи супружеской жизни мѣсто прежнихъ поцѣлуевъ заступитъ невинная зѣвота, а не что другое. Домашнія непріятности, заботы и дрязги снѣдаютъ супружеское счастіе, какъ червь грызетъ цвѣтокъ; они раздражаютъ и огорчаютъ, и хотя супруги по смерть сохраняютъ привычку называть другъ друга «мой другъ», однакожъ про себя они часто говорятъ: «мой недругъ.» Впрочемъ это совсѣмъ въ порядкѣ вещей, и супружество въ этомъ случаѣ покоряется только неизмѣнному закону природы, которому подвержено всякое земное существованіе. Всѣ формы жизни носятъ въ себѣ начала тлѣнія и разрушенія; ядовитый змѣй гложетъ самый корень древа вселенной.*»

Эти очерки супружескихъ нравовъ возбудили громкій смѣхъ въ нѣкоторыхъ изъ слушателей, а между прочими и въ Якоби. Но Лагманъ не улыбнулся, и когда Эмилія замолчала, онъ отвѣчалъ съ выраженіемъ, отъ котораго сатира замерла на ея устахъ:

«Если бъ было такъ, Эмилія, то какъ пуста была бы жизнь даже въ блестящихъ своихъ точкахъ!

* Выраженіе, взятое изъ Скандинавской миѳологіи.

Тогда бы ихъ справедливо можно было назвать мечтами. Но оно не такъ, и вы изобразили темную сторону супружества, но забыли о лучшемъ, объ истинномъ его значеніи. Я согласенъ, что оно имѣетъ свои трудности, какъ и всякое другое положеніе; но я увѣренъ, что ихъ должно и можно побѣдить, и что онѣ побѣждаются, когда супруги вступаютъ въ святилище брака съ истинною любовію. И тогда, пусть придутъ недостатки, заботы, неудовольствія, даже огорченія, они придутъ не надолго: любовь и вѣрность возстанутъ противъ нихъ и имъ на зло принесутъ еще тѣснѣйшія узы. Вы говорили о разрушеніи и смерти, Эмилія, какъ объ окончаніи жизненной драмы. Вы забыли о возрожденіи, о обновленіи — еще въ глубокой древности воспѣтомъ сѣверной Валой *. Жизнь супружеская, какъ всякая жизнь, имѣетъ свое обновленіе, свое безпрестанное возрожденіе, если она основана на вѣчномъ единствѣ. И каждая вынесенная борьба, каждая побѣжденная опасность, каждое претерпѣнное горе превращается тогда въ благословеніе на семейство, на супруговъ, которые познали другъ друга лучше, соединились тѣснѣе.»

Лагманъ говорилъ съ необыкновеннымъ жаромъ, и голосъ его показывалъ внутреннее волненіе. Выразительный взоръ его искалъ взора Элизы и встрѣтился

* Прорицательницей, по миѳологіи Скандинавовъ.

съ нимъ. Она незамѣтно приблизилась къ разговаривающимъ; съ болѣзненнымъ чувствомъ выслушала она горькую сатиру Эмиліи — и не могла не сознаться внутренно, что она въ нѣкоторомъ отношеніи была права. Но когда Лагманъ въ свою очередь заговорилъ, она почувствовала, что онъ видѣлъ истину во всей ея чистотѣ; сердце ея забилось свободнѣе и сильнѣе; душа ея озарилась внезапнымъ свѣтомъ. Наклонивъ голову, она вперила въ мужа нѣжный, исполненный довѣрчивости взглядъ; она сосредоточила въ немъ все свое вниманіе; она съ жадностію слушала каждое слово, которое выходило изъ устъ его. Въ эту минуту взоры ихъ встрѣтились; и сколько дивнаго краснорѣчія было въ нихъ! Нѣжный румянецъ загорѣлся на щекахъ Элизы — и въ эту минуту она была почти прекрасна. Тихая веселость, одушевившая ее, вмѣстѣ съ ея красивымъ станомъ, граціозными движеніями и непорочнымъ выраженіемъ лица сообщила ей прелесть, которой прекрасная Полковница С. была вовсе лишена. Лагманъ часто слѣдовалъ глазами за Элизой, между-тѣмъ какъ она ласково и заботливо занималась гостями, или, съ Габріэлей на рукахъ, вмѣшивалась въ танцы по музыкѣ воспитанницъ Эвелины, игравшихъ à quatre mains.

Онъ почувствовалъ внезапную холодность къ своей «старой пассіи», и рѣзкій тонъ, какимъ маленькой ласковой Петреѣ поданъ былъ совѣтъ не

быть «такой навязчивой» ни мало не уменьшилъ этой холодности.

«Луизочка будетъ со-временемъ хорошо танцовать,» замѣтилъ Лагманъ своей женѣ, любуясь на ея «brisées и chassés», между-тѣмъ какъ двенадцати-лѣтній Нильсъ Шернгекъ съ важнымъ видомъ и какою-то рыцарскою вѣжливостью кружился и разговаривалъ съ своей дамочкой.

Покуда молодежь танцовала, Гофмаршальша передавала Полковницѣ С. свѣдѣнія о характерѣ и нравахъ Французовъ; но послѣдняя, которая послѣ разговора о супружествѣ сохранила кислую мину на лицѣ, дала ей почувствовать довольно рѣзкимъ тономъ, что та еще сама можетъ отъ нея кое-чему научиться на этотъ счетъ. Однако жъ ее заставила молчать Гофмаршальша, которая — никогда не бывала во Франціи.

Кандидатъ не спускалъ съ Элизы нѣжныхъ взоровъ и, казалось, былъ въ этотъ вечеръ совершенно очарованъ ея любезностію.

«Ахъ, какъ стыдно забирать себѣ одному всѣ конфекты и ничего не оставлять для другихъ», такъ проповѣдывала пчелка одному изъ маленькихъ С., толстому, дюжему мальчику, который съ тѣмъ же стоическимъ спокойствіемъ глоталъ конфекты и мо-

раль. Пчелка бросила на него взглядъ, исполненный негодованія, и отдала свою собственную порцію конфектъ маленькой дѣвочкѣ, которая жаловалась, что ей ничего не досталось.

Явился ужинъ. Глаза Эмиліи горѣли необыкновеннымъ блескомъ; казалось, что она всѣми мѣрами старалась овладѣть опять тѣмъ участіемъ, которо евидимо начинало ослабѣвать—и ея остроумный, игривый разговоръ электрически подѣйствовалъ на собраніе. Якоби былъ необыкновенно одушевленъ, выпивалъ одинъ стаканъ вина за другимъ, говорилъ и смѣялся очень громко, и иногда обращалъ на Элизу взоры, которые ясно обнаруживали его чувства. Эти взоры были уже не въ первый разъ подмѣчены проницательнымъ глазомъ Полковницы С. «Это кажется очень любезный молодой человѣкъ,» сказала она тихимъ, но значительнымъ голосомъ Лагману, смотря на Якоби — «у него необыкновенно пріятная наружность: онъ вѣроятно близкій родственникъ Элизы?»

«Вы ошибаетесь!» отвѣчалъ Лагманъ, посмотрѣвъ на Эмилію съ видомъ удивленія, »но онъ уже три мѣсяца считается членомъ нашего семейства.»

«Вотъ что!» возразила Полковница С. съ значительной и удивленной миной, «я бы скорѣе думала... впрочемъ,» прибавила она небрежно, «Элиза такъ

мила и любезна, что окружающимъ почти невозможно не любить ея.»

Лагманъ почувствовалъ змѣиное жало; взоръ его засверкалъ отъ благороднаго гнѣва. «Ваша правда, Эмилія!» отвѣчалъ онъ своей прелестной сосѣдкѣ, »я не знаю женщины, которая болѣе ея заслуживала бы любовь и уваженіе!»

Эмилія закусила губы и поблѣднѣла. Но она поблѣднѣла бы еще болѣе, если бъ знала, какое чувство она въ эту минуту возбудила въ душѣ прежняго почитателя своего. Лагманъ, котораго опытный глазъ легко проникалъ во всѣ изгибы души человѣческой, и отъ котораго не ускользали никакія ея движенія, какъ бы ни скрывались они подъ завѣсой ума или красоты, понялъ намѣреніе Эмиліи; оно внушило ему презрѣніе, и вся красота ея въ эту минуту исчезла въ его глазахъ. Между-тѣмъ спокойствіе его было нарушено. Онъ смотрѣлъ на Якоби и видѣлъ его взгляды, такъ несомнѣнно выражавшіе чувства его; онъ смотрѣлъ на Элизу и видѣлъ ея безпокойство, видѣлъ, что она избѣгала встрѣтиться съ нимъ взорами.

Ужасное, какъ бы судорожное чувство залегло въ его душу. Чтобы скрыть происходившее въ ней, онъ сдѣлался шутливъ и разговорчивъ; но въ словахъ его было что-то непріязненное, горько - язвитель-

ное, что̀ однако, благодаря общей веселости, было замѣчено только немногими. Ассесоръ Мунтеръ никогда не былъ такъ веселъ, никогда такъ мило не бранилъ людей и свѣтъ, никогда такъ горячо и отчаянно не спорилъ съ Гофмаршальшей. Другіе уже встали изъ-за стола и воротились въ гостиную, а они еще все бранились.

«Ради Бога, дайте намъ музыки!» возопилъ Ассесоръ съ пантомимой отчаянія, и Полковница С. и Элиза поспѣшили къ фортепіано. Отрадно было слышать, послѣ хриплыхъ, крикливыхъ голосовъ, мелодическіе звуки ноктурны Бланджини — звуки, родившіеся подъ прекраснымъ небомъ Италіи и пробуждающіе въ душѣ дивныя мечты объ ея роскошныхъ лѣтнихъ ночахъ и благоухающихъ рощахъ, объ ея любви и пѣсняхъ и всѣхъ ея чудесахъ. «Un' eterna costanza in amor!» этими словами, которыя безпрестанно повторялись при самыхъ граціозныхъ измѣненіяхъ голоса, кончалась арія.

«Un'eterna costanza in amor!» повторилъ Кандидатъ тихо и страстно, приложивъ руку къ сердцу и слѣдуя за Элизой, которая шла къ окну, чтобы сорвать розу для Полковницы С., и въ ту самую минуту, когда рука Элизы коснулась розы, губы Якоби коснулись ея руки.

Эмилія пропѣла еще одну арію, на которую всѣ слушатели отозвались громкими изъявленіями удовольствія. Но Лагманъ стоялъ безмолвенъ и мраченъ. Слышанное имъ открыло ему глаза: при взглядѣ на Элизу и Якоби у него чуть не подкосились ноги. Онъ видѣлъ, что̀ происходило у окна, и дыханіе его сперлось. Буря бушевала въ его груди. Отворотившись, онъ встрѣтилъ два глаза, которые устремляли на него испытующій, проницательный взоръ. То были глаза Ассесора. Если бъ кто другой такъ взглянулъ на Лагмана, онъ почувствовалъ бы ядъ въ душѣ своей; но взглядъ Іереміи Мунтера подѣйствовалъ на него не такъ ужасно. Черезъ минуту Лагманъ замѣтилъ, что другъ его пишетъ что-то на лоскуткѣ бумаги; онъ подошелъ и, ставъ за нимъ, прочиталъ слѣдующія слова:

«Ты видишь сучецъ въ глазу ближняго, а не видишь бревна въ своемъ собственномъ.»

«Что, это ко мнѣ относится?» спросилъ Лагманъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

«Да!» отвѣчалъ Ассесоръ такимъ же голосомъ.

Лагманъ взялъ бумажку и спряталъ ее за-пазуху.

Онъ сталъ блѣденъ и молчаливъ и углубился въ самаго себя.

Наконецъ гости начали разъѣзжаться. Лагманъ обѣщалъ Эмиліи проводить ее домой, но теперь стоялъ холоденъ и безмолвенъ, какъ ледяной столбъ, подлѣ своей «старой пассіи,» которая весело шутила съ кавалерами, пока лакей надѣвалъ ей калоши. Гофмаршальша и Ассесоръ бранились до послѣдней минуты. Между-тѣмъ Элиза поспѣшно подошла къ Якоби, который стоялъ въ отдаленіи, и сказала ему въ полголоса: «Мнѣ нужно съ вами поговорить, и я буду ожидать васъ въ гостиной, когда всѣ гости разъѣдутся!» Якоби поклонился; яркій румянецъ горѣлъ на его щекахъ. Лагманъ бросилъ проницательный взглядъ въ ту сторону и повелъ рукою по блѣдному лицу.

«Я люблю», говорила Гофмаршальша громкимъ и отрывистымъ голосомъ, «я люблю видѣться съ своими ближними, и мнѣ пріятно, что они также рады видѣться со мной. Что за бѣда, если они не всегда бываютъ въ одинаково-веселомъ расположеніи духа? Я и сама не всегда въ-духѣ. Надобно имѣть снисхожденіе другъ къ другу, голубчикъ мой, не требовать отъ людей слишкомъ много и не ставить въ порокъ человѣку его слабости. Сохрани меня Господи отъ такаго грѣха! Свѣтъ и люди созданы Богомъ—и мы должны быть довольны ими, какъ они есть. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые все хулятъ и осуждаютъ, надо всѣмъ смѣются, которымъ ничто не нравится и которые безпрестанно кричатъ: «Я хочу

того! я не хочу другаго! Я хочу, чтобъ было такъ, а не иначе!» «Это безразсудно,» «это несносно,» «это скучно,» «это глупо». Какъ будто-бы они одни были и сносны и забавны и умны! Нѣтъ, я не такая невѣжа. У меня нѣтъ ни выспренняго ума, ни учености, ни талантовъ, на которые нынче пошла такая мода; но я воспитана въ страхѣ Божіемъ».

Въ то время, какъ Гофмаршальша произносила эту наставительную рѣчь, Ассесоръ также говорилъ, стараясь перекричать ее: «А какое удовольствіе приноситъ вамъ ваша хваленая жизнь въ обществѣ? Рѣшительно никакаго! Жизнь въ обществѣ есть не что иное, какъ желаніе тянуться въ свѣтѣ за другими, и отъ того находить свѣтъ несноснымъ; интриговать и подличать, чтобы получить приглашеніе; обижаться и огорчаться, когда останешься непозваннымъ, а въ противномъ случаѣ говорить: какъ это скучно, какъ это несносно! и потомъ подтверждать эти жалобы на дѣлѣ. Мало того: сами назовутъ къ себѣ бездну гостей, а потомъ ихъ же посылаютъ къ чорту. И спросить бы людей, изъ-за чего они такъ бьются? Изъ-за того, чтобы разстроить свои дѣла, потерять веселость, здоровье, однимъ словомъ, совершенно поссориться съ счастьемъ. Наконецъ-то, слава Богу! Прощайте, прощайте! Ужъ какъ женщины начнутъ прощаться, такъ никогда не дождешься конца.»

«Вы ни однаго дѣльнаго слова не сказали!» отвѣчала Гофмаршальша смѣясь и тѣмъ кончила свою бесѣду съ Ассесоромъ. Она вышла, а за ней Кандидатъ; Лагманъ ушелъ нѣсколько прежде. Элиза осталась одна и пошла въ гостиную.

Вдругъ она услышала за собой чьи-то скорые шаги. Она подумала, что это Якоби, обернулась и увидѣла передъ собой — мужа. Но такимъ она его еще никогда не видала. На лицѣ его изображалось такое душевное страданіе, такое смятеніе, что она испугалась. Онъ крѣпко обнялъ ее и взглядомъ своимъ какъ будто хотѣлъ проникнуть во внутрь ея души. «Эрнстъ, мой другъ, успокойся!» шептала Элиза, глубоко тронутая его положеніемъ, котораго причину она угадывала. Лагманъ взялъ ея руку и приложилъ ко лбу. Онъ былъ покрытъ холоднымъ потомъ. Черезъ минуту онъ вышелъ.

Перейдемъ къ Кандидату.

Вино, любовь и нетерпѣливое ожиданіе такъ разгорячили юношеское его воображеніе, что онъ самъ незналъ, что̀ дѣлалъ, шелъ или летѣлъ, и Гофмаршальша, которую онъ велъ по лѣстницѣ, не разъ была въ опасности вмѣстѣ съ нимъ скатиться внизъ. Съ кротостію, хотя и не безъ удивленія, она говорила: «Помилуй! что съ тобою сегодня, мой милый! Я не понимаю, какъ мы съ тобой сегодня странно идемъ.

Я того и гляжу, что мы оба сейчасъ вотъ такъ и – – – смотри, опять споткнулся! Нѣтъ, спасибо: носъ мой, хоть и кривой, а все-таки дорогъ мнѣ. Я думаю, мнѣ лучше итти одной; я буду держаться за – – –»

»Ахъ! простите, ради Бога, простите, сударыня!« вскричалъ Кандидатъ, крѣпко сжавши руку Гуниллы. Виноватъ, виноватъ! Я уже не буду болѣе спотыкаться. Я вдругъ почувствовалъ круженіе головы.»

»Круженіе головы? Ахъ, мой милый, надобно остерегаться какъ круженія головы, такъ и круженія сердца, а не то начнешь ходить вкривь да вкось, не лучше . . . . . какъ мы съ тобой опять пошли, хе, хе, хе, хе. Знаешь ли, что я тебѣ скажу, мой другъ —» сказала Гунилла, вдругъ перемѣнивъ свой шутливый тонъ на серьёзный, »я дамъ тебѣ добрый совѣтъ, а именно – – – –«

«Я долженъ просить у васъ извиненія, милостивая государыня, но я чувствую... мнѣ дурно; я... но вотъ мы и у вашихъ дверей! Прощайте!» И Кандидатъ опрометью побѣжалъ наверхъ.

Въ прихожей у Франковъ онъ перевелъ дыханіе. Мысль о таинственномъ свиданіи наполняла его душу радостію, смѣшанною съ безпокойствомъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, и

сильно билось его сердце, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Элиза его ожидала.

Когда онъ увидѣлъ ея бѣлую, стройную фигуру при волшебномъ свѣтѣ лампы, онъ потерялъ власть надъ собою и хотѣлъ броситься къ ея ногамъ; но Элиза съ достоинствомъ поспѣшила отступить назадъ, и сказала дрожащимъ голосомъ и съ строгимъ взглядомъ:

«Послушайте меня, Якоби.»

«Слушать васъ!» воскликнулъ онъ страстно, «о если бы я могъ вѣчно слушать васъ! если бы я... »

«Замолчите!» прервала Элиза съ непривычною строгостію. «Еще одно такое слово, и разговоръ нашъ кончился, и мы навѣки разлучены!»

«О Боже!» возразилъ Якоби, «что я...»

«Прошу васъ, слушайте меня!» продолжала Элиза. «Скажите мнѣ, Якоби — дала ли я вамъ когда-нибудь поводъ презирать меня?»

Якоби остолбенѣлъ. «Что за вопросъ?» сказалъ онъ, запинаясь и блѣднѣя.

»Вы сами вызвали его!» продолжала Элиза, «ваше сегоднешнее поведеніе мнѣ его внушило Можете ли вы думать, Якоби, что я, супруга, мать шестерыхъ дѣтей, могу одобрить чувства, которыя вы такъ безразсудно обнаружили сегодня вечеромъ, Можете ли вы думать, что они возбудили во мнѣ что-нибудь, кромѣ негодованія и глубокаго огорченія? Да, огорченія. Я не могу не жалѣть о васъ, Якоби, что вы впали въ такое пагубное заблужденіе, и если я неосторожнымъ обращеніемъ съ вами способствовала къ тому, то—да проститъ меня Богъ! Вы меня наказали за то, Якоби, вы наказали меня за мою преданность къ вамъ, и если я разрываю теперь связь, которая, какъ я надѣялась, была бы усладою моей жизни, то вы сами въ томъ виноваты. Повторяю: еще одинъ взглядъ, еще одинъ намекъ, подобный сегоднешнимъ, и я принуждена буду сама удалить васъ изъ моего дома!»

Лице Кандидата горѣло отъ стыда и досады. «Пощадите! пощадите меня» сказалъ онъ; «я не заслужилъ такой строгости отъ васъ!»

«Ахъ! войдите въ себя, Якоби, и вы осудите себя строже, нежели я васъ осудила. Вы говорите, что любите меня, Якоби, а между-тѣмъ не боитесь легкомысленно разрушать спокойствіе и счастіе моей жизни. Злые языки, можетъ быть, уже чернятъ меня. Сегодня вечеромъ я видѣла, что на насъ останавливались

взгляды, въ которыхъ выражалось явное недоброжелательство, а въ душѣ мужа моего пробудились чувства, которыхъ она никогда не должна была знать. Вы возмутили миръ въ домѣ, гдѣ васъ приняли дружелюбно и довѣрчиво. Но я знаю, продолжала Элиза смягченнымъ тономъ, что у васъ не было злаго умысла. Ваше поведеніе произошло не отъ дурныхъ намѣреній; одно легкомысліе увлекло васъ необдуманно посягнуть на священнѣйшія узы, какія есть на землѣ. Вы еще не размышляли, какъ слѣдуетъ, о жизни, о вашихъ обязанностяхъ, о вашемъ положеніи въ нашемъ семействѣ, объ истинномъ достоинствѣ.»

Якоби закрылъ лице руками; сильное волненіе происходило въ душѣ его.

«Я сказала, достоинство!» продолжала Элиза съ жаромъ и увлеченіемъ; «ахъ, какъ оно украшаетъ мущину, какъ оно возвышаетъ его! Якоби! спаситель моего ребенка! другъ мой! я бы не говорила съ вами такъ, если бы не вѣрила въ превосходство вашего ума, въ благородство вашей души; если бы я не надѣялась пріобрѣсть въ васъ друга на всю жизнь для себя и для Эрнста. Выслушайте мою просьбу, Якоби! Вы попали къ людямъ, которые отъ всей души желаютъ вамъ добра. О, позвольте имъ любить васъ, уважать васъ; не воздавайте огорченіемъ за искреннюю дружбу, которую они къ вамъ чувствуютъ. Удалите, побѣдите, прогоните прочь отъ себя

это безразсудное чувство, которое вы себѣ вообразили, будто питаете ко мнѣ; любите меня какъ сестру, какъ мать — да« — продолжала Элиза, невольно вздрогнувъ при этомъ словѣ, но съ какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ — » можетъ быть, придетъ время, когда вы будете называть меня матерью. И если, какъ вы сказали, вы дарите мнѣ вашу любовь и вашу преданность, то я принимаю ее—для моего сына. Если вамъ дорого мое благословеніе, если вы хотите заслужить мою вѣчную благодарность, Якоби! будьте вѣрнымъ другомъ и наставникомъ моего сына, моего Генриха! У васъ необыкновенныя способности къ воспитанію молодыхъ людей, прекрасное сердце, умъ, возвышенный истиннымъ образованіемъ, однимъ словомъ, вамъ открытъ путь ко всему, что можетъ доставить человѣку любовь и уваженіе;—о! не совращайтесь съ этаго пути, Якоби; идите по немъ твердыми шагами.... »

»Довольно!» воскликнулъ Якоби; «глаза мои прозрѣли! Элиза! Ангелъ кротости и доброты, простите меня! Я готовъ на все, чтобы сдѣлаться достойнымъ вашего уваженія и со временемъ вашей дружбы. Вы проникнули до глубины моего сердца; вы преобразовали его; вы обратили меня на путь истины. Скажите только, что вы меня прощаете, что вы еще можете, что вы хотите быть моимъ другомъ!»

Якоби въ порывѣ душевнаго волненія бросился на колѣна; Элиза была также очень взволнована; слезы потекли изъ глазъ ея, когда она, протянувши ему руку и наклонившись къ нему, произнесла изъ глубины сердца: «О, да! я буду вашимъ другомъ навѣки!»

Тутъ оба поднялись безмолвно. На лицахъ ихъ сіяла тихая радость; но они невольно содрогнулись, когда увидѣли передъ собой — Лагмана. Строгость изображалась на блѣдномъ лицѣ его.

Якоби всталъ съ рѣшимостію, подошелъ къ нему и сказалъ твердымъ, но тихимъ голосомъ: «Лагманъ Франкъ! вы видите передъ собой....»

«Полно, Якоби!« прервала его поспѣшно Элиза; «вамъ не должно краснѣть, что мужъ мой нашелъ васъ передо мной на колѣнахъ, и это не требуетъ никакаго объясненія. Не правда ли, Эрнстъ?» продолжала она со всею непринужденною простотою невинности, »тебѣ не нужно объясненія? Ты повѣришь мнѣ на-слово, если я скажу тебѣ, что Якоби достоинъ болѣе, нежели когда-нибудь, твоей дружбы. Съ этаго дня заключается между нами тройственный союзъ, котораго, какъ я надѣюсь, при благословеніи Божіемъ, ничто не разстроитъ, и котораго не осквернитъ злословіе. Вѣришь ли ты мнѣ, Эрнстъ?»

Лагманъ протянулъ ей руку и сказалъ: «Вѣрю! Не то бы.....» Онъ сдѣлалъ знакъ отчаянія. Онъ замолчалъ, продолжая пристально смотрѣть на жену; потомъ сказалъ спокойнѣе: »Мнѣ нужно поговорить съ тобою. Прощайте, господинъ Якоби!»

Якоби поклонился, отошелъ на нѣсколько шаговъ, но вдругъ воротился и сказалъ голосомъ, обнаруживавшимъ состояніе его души: «Дайте мнѣ вашу руку, Лагманъ Франкъ! я хочу заслужить вашу дружбу!» Протянутая рука его встрѣтила крѣпкое, дружеское пожатіе, и Якоби поспѣшно удалился.

»Поди сюда, Элиза,» сказалъ Лагманъ съ живостію. Онъ горячо обнялъ ее и, сѣвъ съ нею на софу, сказалъ: «Элиза! я своимъ поведеніемъ въ послѣднее время охладилъ твое сердце ко мнѣ? Не правда ли? говори, говори скорѣе!»

Элиза молчала, припавъ головой къ плечу мужа. »Ахъ, Эрнстъ!» сказала она наконецъ съ глубокимъ вздохомъ; «я и сама собой была недовольна. Но»— продолжала она съ живостію—»когда я, такъ какъ теперь, опираюсь на тебя, и слышу біеніе твоего сердца, и чувствую, и знаю, что̀ въ немъ происходитъ, о! тогда я чувствую, сколько я тебя люблю, сколько я вѣрю въ тебя! Тогда я упрекаю себя въ слабости, въ неблагодарности и малодушіи, тогда... О! люби меня, Эрнстъ! Смотри на меня всегда, какъ те-

перь смотришь! Тогда жизнь моя будетъ свѣтла; тогда я буду въ состояніи превозмочь все на свѣтѣ, даже свою собственную слабость. Тогда между нами будутъ являться развѣ только легкіе тучки и туманы, которые будутъ исчезать, какъ призраки. Ахъ, вѣдь и нынче это былъ только призракъ. Теперь я готова открыть передъ тобою самые тайные изгибы сердца моего, признаться тебѣ въ моей слабости.»

«Довольно, довольно!» сказалъ Лагманъ съ свѣтлымъ, исполненнымъ нѣжности взглядомъ и положивъ руку на уста Элизы.» Я болѣе тебя былъ виноватъ, но я опомнился. Не плачь, Элиза. Дай мнѣ отереть твои слезы поцѣлуями. Ужели ты не чувствуешь, такъ какъ я, что мы опять будемъ счастливы? Это такъ вѣрно, какъ мы вѣруемъ въ вѣчнаго, милосердаго Бога, какъ мы вѣруемъ другъ въ друга! Забудемъ прошедшее, простимъ другъ другу наши взаимныя слабости и будемъ жить счастливы.другъ съ другомъ. Потомъ, когда отъ нашихъ теперешнихъ заблужденій останутся въ памяти нашей едва замѣтные слѣды, мы будемъ вспоминать о нихъ и удивляться, какъ они могли произойти между нами. Теперь между нами стало свѣтло, и каждый изъ насъ видитъ ясно дорогу, по которой онъ долженъ итти. Наши слабости будутъ служить намъ впредь предостереженіемъ. Зачѣмъ же мы и живемъ на свѣтѣ, если не для того, чтобы совершенствоваться? Посмотри на меня, Элиза: можешь

ли ты простить мнѣ, можешь ли ты забыть прошедшее?»

«Ахъ я все забыла, все прощаю, между нами нѣтъ ни пылинки.»

«И-такъ мы опять одна душа, мы пройдемъ жизнь рука въ руку. Во имя Господа Бога! Что Онъ соединилъ, того не въ силахъ разорвать ни люди, ни обстоятельства, ничто въ свѣтѣ!»

Настала ночь, но въ душѣ супруговъ занялась заря.

На почвѣ раздора произрастаютъ обыкновенно тернъ и волчецъ, но иногда она приноситъ и жатву для житницъ небесныхъ.

Якоби.

Возвратясь въ свою комнату, Якоби нашелъ на столѣ возлѣ кровати письмо. Онъ узналъ руку Лагмана, и торопливо распечаталъ конвертъ. Изъ него выпала довольно многоцѣнная ассигнація, а въ письмѣ онъ прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный Якоби! вы въ-долгу у нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми я бы желалъ, для васъ, чтобы вы имѣли какъ можно менѣе дѣла. Вы получите вмѣстѣ

съ этими строками способъ удовлетворить ихъ справедливыя требованія; примите это отъ друга, который любитъ васъ какъ отецъ и искренно желаетъ, чтобы вы точно видѣли въ немъ отца. Съ радостью пользуюсь случаемъ доказать на дѣлѣ свою благодарность другу и наставнику моихъ дѣтей; но всегда останусь въ-долгу у избавителя одного изъ нихъ. Если впредь вамъ въ чемъ-нибудь случится надобность, если вы чего-нибудь захотите или пожелаете; то не обращайтесь ни къ кому, кромѣ вашего друга Э. Франка.»

«И онъ, онъ также!» воскликнулъ Якоби съ глубокимъ чувствомъ, прочитавъ эти строки. «О, какіе добрые, благородные, великодушные люди! . . . А я?!.. Но я сдѣлаюсь, я хочу сдѣлаться достойнымъ ихъ. Съ этаго дня я другой человѣкъ.»

Онъ прижалъ письмо къ груди, и съ безмолвною, но горячею молитвой поднялъ глаза къ звѣздному небу.

ВРЕМЯ ПРОХОДИТЪ.

Есть въ жизни минуты силы и цвѣта, ясныя минуты вдохновенія, когда человѣкъ-художникъ (образователь земной жизни) постигаетъ и высказываетъ совершеннѣйшую чистоту и красоту, истинную божественность. Если бы этимъ все было рѣшено въ земной жизни, если бы въ такую минуту жертвоприношеніе было исполнено, подвигъ оконченъ, побѣда одержана; то жизнь была бы не трудное дѣло. Но трудность ея состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ долгую цѣпь лѣтъ сохранить чистое пламя, вспыхнувшее въ минуту вдохновенія — сохранить его посреди житейскихъ бурь, посреди мелкаго дождя минутъ, безмолвно и однообразно и непрерывно падающаго при однообразномъ ходѣ однообразныхъ дней и ночей. Для того нужна сила свыше, нужно часто почерпать живительную струю изъ источника вдохновенія, и это равно необходимо для всѣхъ тружениковъ земныхъ — и великихъ и малыхъ. Къ-счастію, Элиза и Эрнстъ знали это и умѣли пользоваться столь благотворною истиною.

Вотъ почему имъ удавалось побѣждать свои врожденныя слабости; вотъ почему они все болѣе и болѣе

сближались другъ съ другомъ тѣми медленными шагами, которые хотя и непримѣтны, но сладкими и крѣпкими узами соединяютъ сердца и судьбы людей и могутъ быть подведены подъ эти немногія слова: вниманіе однаго къ склонностямъ другаго, участіе однаго къ тому, что занимаетъ другаго.

Такою-то возрожденною привязанностію, такою усиленною, очищенною любовію Элизѣ удалось принять твердое и благородное положеніе относительно Якоби. Ни страданіе, изображавшееся на юномъ лицѣ его, ни даже замѣченное въ немъ разстройство здоровья не могли поколебать ея твердости; она только просила мужа назначить, какъ можно скорѣе, день отъѣзда его съ Генрихомъ. Лагманъ самъ этаго желалъ. Какъ добрый ангелъ, и сильный и кроткій, охранялъ онъ ее въ эти опасныя минуты, и потому Элизѣ не мудрено было выйти изъ борьбы съ побѣдой! Не мудрено также, что эта благородная энергія Лагмана, это прекрасное отношеніе между супругами скоро положили конецъ злословію, которое уже начинало шипѣть противъ нихъ; оно погасло какъ пламя, которое умираетъ, когда ему нечѣмъ питаться.

Что касается до «старой пассіи» Лагмана, предмета опасеній Элизы; то мы можемъ расказать нашимъ читателямъ, что ежедневно возраставшее равнодушіе ея прежняго обожателя такъ огорчило и охладило ея сердце, что она вдругъ оставила мысль поселиться

въ городѣ. «У васъ слишкомъ однообразно! слишкомъ скучно!» сказала она зѣвая Лагману, который очень совѣтовалъ ей воротиться во Францію или въ Италію. «Ваша правда; у насъ на холодномъ сѣверѣ,» отвѣчалъ онъ, «люди привыкли извлекать свои чистѣйшія наслажденія, свои живѣйшія радости и удовольствія изъ собственныхъ запасовъ, изъ семейнаго быта, изъ тайника души.»

«Какая она однако прекрасная и интересная женщина!» сказала Элиза съ дружескимъ расположеніемъ къ Полковницѣ С., когда та уѣхала. Лагманъ не отвѣчалъ ни слова, и послѣ никогда уже болѣе не говорилъ о своей бывшей пассіи.

Дни проходили. Лагманъ былъ погруженъ въ свои дѣла. Элиза усердно занималась своими дочерьми, Кандидатъ — Генрихомъ и науками.

Дѣти росли какъ спаржа въ Іюнѣ мѣсяцѣ, и отецъ не могъ ими нарадоваться. «Пчелка скоро насъ всѣхъ перерастетъ!» говаривалъ онъ; а когда Фанни бренчала «Malbrough s'en va-t-en guerre», то у него какъ будто пробуждалось музыкальное чувство и онъ говорилъ: «Съ какимъ она выраженіемъ играетъ еще въ эти лѣта! Не правда ли, Элиза?» Вечера когда всѣ члены семейства собирались вмѣстѣ, были для всѣхъ пріятнымъ отдохновеніемъ. Взрослые часто играли и плясали вмѣстѣ съ дѣтьми.

Дѣти! Они съ собой приносятъ въ домъ цѣлый міръ радостей и печалей. Вѣдь и съ ними не всё усѣяно розами, какъ ихъ личико. Элиза испытала это съ своими малютками, которыя часто были совсѣмъ не «довольно хороши.» «Не дѣлай другому, чего самъ себѣ не желаешь. Надобно думать о томъ, что дѣлаешь! Дѣти должны пріучаться къ терпѣнію! Развѣ маменька и папенька дѣлаютъ такъ? Посмотри на меня! учись отъ меня!» Эти стоячія и ходячія поговорки сохранились въ неизмѣнномъ видѣ со временъ Адама и Эвы до нашихъ дней, переходя изъ рода въ родъ, и будутъ переходить и возобновляться изъ однаго поколѣнія въ другое до скончанія міра, такъ же, какъ и вѣчныя увѣренія родителей, когда они наказываютъ дѣтей или заставляютъ ихъ повторять плохо выученные уроки: «это для твоей же пользы; выростешь, будешь благодарить меня!» И такъ какъ дѣти рѣдко вѣрятъ, или лучше сказать, никогда не вѣрятъ въ это домашнее лекарство, всемірное и патріархальное, которое было въ ходу у Франковъ, какъ и во всякомъ порядочномъ домѣ, то оно не всегда приносило пользу. Можетъ быть, частое повтореніе дѣтьми тѣхъ же проступковъ причиняло Элизѣ излишнее безпокойство; можетъ быть, она слишкомъ мало довѣряла невидимому, сильному вліянію истинной родительской любви, которая дѣйствуетъ на дѣтей, какъ солнце на растенія. Но то вѣрно, что они причиняли ей много заботъ, и что особенно воспитаніе и будущность дочерей без-

престанно занимали и безпокоили ее. Однажды, когда мысли эти сильно тревожили ее, она почувствовала потребность сообщить их одной умной и въ этомъ дѣлѣ опытной пріятельницѣ.

«Эрнстъ!» сказала она, видя, что Лагманъ тотчасъ послѣ обѣда сбирался итти со двора, «я пойду на-минуту къ Эвелинѣ, но я ворочусь домой къ твоему приходу.»

«Для меня не торопись, мой другъ, и оставайся въ-гостяхъ, сколько хочешь; я самъ приду за тобой. Пойдемъ вмѣстѣ, я провожу тебя до дверей, чтобы знать, куда за тобой послѣ притти.»

МАЛЕНЬКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ И КОФЕЙНЫЙ КОМИТЕТЪ.

Когда Элиза пришла къ Эвелинѣ, Пиррусъ залаялъ и, махая хвостомъ, побѣжалъ ей на-встрѣчу. Фру Гунилла и хозяйка приняли любезную гостью съ радостными привѣтствіями.

«Ахъ, моя милая, какъ я рада васъ видѣть,» воскликнула фру Гунилла, ласково обнимая Элизу. «Каково поживаете? Вы сегодня что-то блѣдны и какъ будто не веселы? Я вамъ скажу по секрету, что намъ дадутъ скоро чуднаго кофею; это развеселитъ васъ, душа моя.»

Эвелина взяла Элизу за руку, и съ сердечнымъ участіемъ смотрѣла на нее глазами, въ которыхъ было такъ много ума и спокойствія. Пиррусъ мордою слегка толкалъ ея ногу, чтобъ быть замѣченнымъ, а потомъ сѣлъ на заднія лапы и заворчалъ, чтобы показать ей также свое участіе. Элиза улыбалась и попеременно съ фру Гуниллой ласкала доброе животное.

На взглядъ Эвелины, въ которомъ она прочитала дружеское «Что у васъ дѣлается?» она отвѣчала.

Я пришла поболтать съ вами, чтобы прогнать тоску свою. Здѣсь все такъ тихо и хорошо. Я не знаю отъ чего, но мнѣ всегда кажется, Эвелина, что воздухъ въ вашихъ комнатахъ прозрачнѣе, нежели въ другихъ; я какъ будто вхожу въ храмъ мира.»

«Ахъ, это правда!» сказала фру Гунилла съ чувствомъ.

Эвелина улыбнулась въ знакъ благодарности и сказала. «Да, милосердый Богъ благословилъ насъ миромъ!» и на глазахъ ея навернулись слезы.

«А у васъ, моя душа, чай дѣточки подымаютъ пыль и въ комнатахъ и въ головѣ» сказала фру Гунилла шуточнымъ тономъ. «Что дѣлать,» прибавила она въ видѣ утѣшенія, «съ дѣтьми не безъ того, но это пройдетъ въ свое время. Потерпите только!»

«Ахъ, терпѣнія-то у меня и недостаетъ» сказала Элиза, «и я нарочно пришла сюда, чтобы попросить у васъ добрыхъ совѣтовъ и наставленій. Они мнѣ такъ нужны. А гдѣ твои дѣвицы сегодня, Эвелина?»

Онѣ у одной пріятельницы на пирушкѣ, которая уже заранѣе давно ихъ занимала, а мнѣ довольно и расказовъ ихъ, изъ которыхъ я узнаю всѣ подробности праздника.»

Ахъ, научи меня, Эвелина, что мнѣ дѣлать, чтобы мои дѣти были такія же добрыя, милыя и счастливыя, какъ твоя Лаура и Карина. Признаюсь, мысль о воспитаніи дочерей часто меня озабочиваетъ, и сегодня эта мысль необыкновенно встревожила меня. Боюсь, что моихъ способностей и знаній не станетъ на то, чтобы, какъ слѣдуетъ, развить ихъ характеръ, образовать ихъ умъ.»

«Ужъ вы мнѣ съ вашимъ образованіемъ! «сказала въ негодованіи фру Гунилла; «вездѣ толкуютъ и кричатъ о образованіи. Бывало, никто и не думалъ говорить о томъ, а, слава Богу, насъ таки-воспитали не хуже нынѣшняго. Признаюсь, что въ первое время, когда начались толки о образованіи, я думала, что это должно быть что-то совершенно особенное. Теперь я уже начинаю привыкать къ этимъ пустякамъ, потому-что съ тѣхъ поръ, какъ люди «du tiers état» начали лѣзть въ-знать, важничать и думать о себѣ Богъ знаетъ что съ своимъ образованіемъ, то и пошли кричать о образованіи! Нынче стали даже хлопотать о образованіи служанокъ! Сохрани меня Богъ дожить до того времени, когда онѣ будутъ образованы; онѣ теперь мнѣ прислуживаютъ, а тогда мнѣ придется прислуживать имъ. А кажется этаго не миновать, вспомните мои слова. И теперь уже онѣ читаютъ Фритіофа и Акселя *; и если такъ будетъ продол-

* *Фритіофъ и Аксель,* заглавія двухъ извѣстныхъ поэмъ Тегнера.

жаться, то мы доживемъ до того, что онѣ будутъ говорить о «женщинѣ и мущинѣ» и «мущинѣ и женщинѣ», и воображать себѣ, что онѣ «виноградныя лозы, которыя увянутъ, если не найдутъ опоры» и толковать о «жертвахъ» и тому подобныхъ трогательныхъ вещахъ, а между-тѣмъ не будутъ въ состояніи порядочно вымыть полъ или вычистить кастрюлю. Тогда-то не сдобровать свѣту со всѣмъ его образованіемъ. Сохрани Богъ отъ такаго сумасбродства, отъ такаго дурачества!» Чѣмъ далѣе Гунилла проповѣдывала, тѣмъ больше она горячилась.

Элиза и Эвелина не могли удержаться отъ громкаго смѣха и объявили, что, принадлежа къ «tiers état», онѣ должны вступиться не только за образованіе вообще, но и за образованіе служанокъ. «И, полно!» сказала Гофмаршальша съ нетерпѣніемъ. «Вы только хотите пустить пыль въ глаза вашимъ образованіемъ: слыхано ли набивать дѣтямъ голову такимъ множествомъ вещей, что они во всю жизнь не могутъ переработать ихъ? Въ мою молодость учили «языку»—какъ тогда назывался Французскій языкъ— сколько нужно, объяснить девизъ, рисованію, сколько нужно, чтобы безъ посторонней помощи срисовать оригиналъ, а музыкѣ — столько, чтобы по необходимости сыграть французскую кадриль; насъ не учили, какъ теперь, болтать обо всемъ на свѣтѣ, а учили *мыслить*, и хоть мы, можетъ быть, не были такъ учены и не знали столькихъ мудреныхъ вещей,

какъ нынѣшніе молодые люди, за то твердо научались заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ и оставлять другихъ въ покоѣ.»

Однако, позвольте вамъ замѣтить, сказала Эвелина, что образованіе — какъ его теперь понимаютъ — настоящее образованіе, въ томъ-то именно и состоитъ, чтобы научать здраво мыслить о жизни и обязанностяхъ человѣка и давать ясныя понятія о собственномъ призваніи и о призваніи другихъ, однимъ словомъ, оно научаетъ быть полезнымъ обществу и довольнымъ своею судьбою.

«Положимъ!» сказала фру Гунилла, «что все это прекрасно, но». . . . Но тутъ явился кофей съ кренделями и пряниками и такъ оживилъ споръ, что онъ наконецъ принялъ самый веселый оборотъ. Фру Гунилла, полушутя, полусеріозно, подала Элизѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ на счетъ воспитанія ея дѣтей. Она очень хвалила — и въ подкрѣпленіе своихъ похвалъ велѣла принесть — какой-то старинный orbis pictus (живописный міръ), который ее заставляли читать въ дѣтствѣ и который начинался словами: «поди сюда, дѣтище, и познай премудрость изъ устъ моихъ!» Въ немъ совершенно ясно было изображено «какой видъ у души и какъ она образована»: она кругла и плоска, какъ блинъ, и лежитъ на столѣ со всѣми пятью чувствами, по порядку нумерованными. Фру Гунилла увѣряла Элизу, что, навѣрное, изученіе этой картины

значительно способствовало бы къ развитію и образованію понятій ея дѣтей. Потомъ Фру Гунилла предложила Элизѣ принять для своихъ «дѣтенышей» ту же методу, какая употреблялась при воспитаніи блаженной памяти отца ея и дяди, когда они ходили въ школу. Она состояла въ томъ, что имъ каждую субботу расчесывали волосы частымъ гребнемъ, заставляли глотать по порціи Англійской соли, и сѣкли, чтобы такимъ образомъ выгнать изъ нихъ нечистаго. Къ обѣду имъ въ тотъ день давали пивной супъ съ хлѣбомъ и клецками, который прозвали «грамматикой», и который долженъ былъ служить дѣтямъ крѣпительнымъ средствомъ для воспріятія учености въ продолженіе слѣдующей недѣли.

Во время общаго смѣха, возбужденнаго этимъ расказомъ, вошелъ Лагманъ. Такая веселость, а особенно присутствіе жены завлекли его; онъ сѣлъ возлѣ нея, и рѣшился проболтать часокъ съ дамами. Фру Гунилла тотчасъ разложила передъ нимъ «душу» въ «orbis pictus», а Элиза уговорила ее повторить расказъ объ очищеніи ея малолѣтнаго родителя и дяди. Лагманъ отъ-души смѣялся тому и другому, и потомъ продолжалъ вести разговоръ по каменистому и спорному грунту воспитанія. Всѣ согласились, что никакія правила и методы не достаточны для успѣшнаго воздѣлыванія этой почвы.

Эвелина полагала, что воспитаніе много зависитъ отъ степени образованія самихъ воспитателей. «Въ той самой мѣрѣ», сказала она, «въ какой мы способны развивать качества ума и сердца въ себѣ, мы способны образовать ихъ и у другихъ.»

Всѣ безъ исключенія члены собранія безпрекословно согласились съ нею, а Элиза чувствовала, что эти слова, которыя ясно указывали ей дорогу къ ея великой цѣли, освѣжили и подкрѣпили ее. Она вдругъ обратила разговоръ на жизнь и нравственное развитіе самой Эвелины. Всѣмъ ея друзьямъ было извѣстно, что она необыкновеннымъ путемъ дошла до того независимаго положенія, въ какомъ теперь находилась. Элиза желала знать, какимъ образомъ она пріобрѣла это мудрое, невозмутимое спокойствіе, которое выражалось во всемъ ея существованіи. Эвелина покраснѣла и старалась отклонить разговоръ отъ себя, какъ отъ предмета, о которомъ она не любила говорить, вѣроятно потому, что была въ-ладу сама съ собою; но когда Лагманъ, вмѣстѣ съ Элизой и Гофмаршальшей, сталъ упрашивать ее, съ своей убѣдительной искренностію, расказать имъ что-нибудь изъ ея жизни, она охотно согласилась на ихъ желаніе, замѣтивъ однако жъ, что исторія ея вовсе не занимательна; и послѣ минуты молчанія, обращаясь преимущественно къ Элизѣ и не мѣшая фру Гуниллѣ прилежно «дергать,» начала свой расказъ, который мы передаемъ читателю подъ названіемъ:

ИСТОРІЯ ЭВЕЛИНЫ.

Если вы когда нибудь во время прекрасной музыки чувствовали неодолимую потребность, невыразимое желаніе ощутить въ собственной душѣ, въ собственной жизни своей, гармонію, подобную той, какая обворожала слухъ вашъ, то вамъ понятно, чѣмъ страдала душа моя, и въ чемъ она нашла свое спасеніе. Я была еще маленькимъ ребенкомъ, когда мною въ первый разъ овладѣло это желаніе, но тогда я не могла понять его. Мои родители давали маленькій концертъ. Тутъ четыре отличные артиста играли на арфѣ, на фортепіано, на валторнѣ и на кларнетѣ. Когда, на одномъ мѣстѣ симфоніи, инструменты слились въ невыразимо - пріятную, чудную гармонію, моя дѣтская душа предалась странному, внезапному восторгу и вмѣстѣ съ тѣмъ такой же внезапной грусти; мнѣ показалось, что передо мной разверзлось небо, и я залилась слезами. Ахъ! я познала въ-послѣдствіи значеніе этихъ слезъ: много такихъ же, много еще горшихъ слезъ желанія пролилось на перепутанную ткань моей жизни.

Съ чѣмъ сравнить картину моей юности? Она — подобно большей части семейныхъ картинъ — отли-

чалась тою неясностію, неопредѣленностію — скажемъ болѣе — мутностію, которая въ нихъ обыкновенно преобладаетъ; онѣ похожи на пасмурное осеннее небо съ его сѣрыми, неопредѣленными, сливающимися облаками; въ нихъ безпрестанно попадаются тѣ не твердыя черты, тѣ абрисы безъ смысла и истины, тѣ невѣрныя тѣни, то тусклое освѣщеніе, которыми такъ существенно отличается работа живописца-ремесленника отъ созданія истиннаго художника.

Мое семейство принадлежало къ среднему классу, и мы благодарили судьбу, что могли причислять себя къ этому почтенному среднему классу; а такъ-какъ мы жили своими доходами и собственно не принадлежали ни къ какому государственному сословію, то мы съ самодовольствіемъ называли себя — господами. Мы показывали какое-то презрительное равнодушіе къ «haute volée» общества, т. е. на словахъ, а иногда и на дѣлѣ; по втайнѣ насъ крайне оскорбляло невниманіе и радовало вниманіе знати; изрѣдка даже въ семействѣ глухо поговаривали о дворянствѣ — на основаніи важныхъ услугъ, которыя отецъ нашъ могъ бы оказать отечеству на государственномъ сеймѣ — а въ сердцахъ молодыхъ дѣвушекъ пробудилось сильное желаніе промѣнять названіе *mamsell* на благородное: *fröken*. *) Это желаніе однако никогда не осуществилось.

*) У Шведовъ, какъ и у Нѣмцевъ, только дѣвушки дворянскаго происхожденія пользуются названіемъ *fröken*. Незамужнихъ мѣщанокъ зовутъ мамзелями.

Насъ учили, что всѣ мірскія наслажденія и величіе — одна суета, что кромѣ добродѣтели и внутренняго достоинства нѣтъ на свѣтѣ ничего важнаго, ни къ чему не стоитъ стремиться. Не смотря на то, цѣлію всѣхъ нашихъ помышленій, желаній и стремленій были богатство, чины и всѣ роды земнаго счастія. Насъ учили исполнять во всемъ одну волю Божію, а мы во всемъ руководились только страхомъ людей. Насъ учили, что красота ничего не значитъ, не имѣетъ никакой цѣны, а намъ часто приходилось даже и въ родительскомъ домѣ чувствовать съ огорченіемъ, что мы собой не хороши. Насъ учили разнымъ наукамъ и совершенствованію талантовъ; но такъ-какъ мы (сохрани Боже отъ такаго несчастія!) не должны были сдѣлаться учеными женщинами, и во избѣжаніе этаго зла нечему учиться основательно, то и вышло, что у насъ во многомъ были притязанія на ученость, а не было ея корня съ его питательной силой, не было свѣтлой, облагороживающей человѣка философіи. Лучше всего научались мы — и тѣмъ лучше, чѣмъ старѣе мы становились — смотрѣть на супружество, какъ на единственную цѣль существованія (этому мы учились не посредствомъ опредѣленныхъ словъ, а посредствомъ какаго-то тайнаго, невыразимаго вліянія), а на благосклонность мущинъ, какъ на первое счастіе, и между-тѣмъ не признаваться въ этомъ образѣ мыслей. Насъ было три сестры. Въ дѣтствѣ насъ пріучили любить другъ друга; но предпочтеніе, какое наши наставницы оказывали одной передъ другою,

ихъ преувеличенные похвалы и упреки, награды и наказанія, которые придавали важность незначащимъ вещамъ, возбудили между сестрами взаимную зависть и неудовольствіе. Говорили, что старшая сестра и я были очень дружны, что мы не могли жить одна безъ другой; насъ ставили въ примѣръ братской любви; и до того говорили объ этомъ, что наконецъ намъ самимъ ,показалось, что такъ было дѣйствительно. Насъ сравнивали съ парой каретныхъ лошадей, и чтобы оправдать это, мы стали, сами отъ себя, садиться каждое послѣ-обѣда на софу по обѣимъ сторонамъ нашего добраго батюшки, который ласкалъ насъ и называлъ своими каретными лошадьми. На самомъ же дѣлѣ мы везли совсѣмъ не ровно. Сестра моя была отъ природы лучше меня надѣлена и больше меня нравилась. Никто въ свѣтѣ не возбуждалъ моей зависти такъ, какъ она; но лѣта и перемѣна обстоятельствъ изгладили это чувство: я полюбила ее искренно и стала радоваться ея успѣхамъ.

Мы были не богаты, и смотрѣли съ какимъ-то философическимъ состраданіемъ на тѣхъ, которые жили пышнѣе, держали экипажъ красивѣе, и одѣвались наряднѣе. «Какое дурачество! Какое жалкое тщеславіе!» говорили мы. «Люди, которые поставляютъ въ этомъ свое блаженство, достойны сожалѣнія!» Мы не подозрѣвали, что наша философія немножко походила на философію лисицы передъ виноградомъ.

Если мы съ жалостію смотрѣли на преимущества знатныхъ, то можно себѣ представить, какъ мы пренебрегали удовольствіями толпы. (Мы хотѣли извлекать все изъ самихъ себя. Но—увы! ..) Когда на театрѣ давали какую-нибудь знаменитую пьесу, которая привлекала множество людей, мы поставляли себѣ за честь говорить равнодушно, что мы еще не видѣли ея; а когда въ народные праздники толпа стремилась въ Гагу или въ Паркъ, то можно было знать навѣрное, что наша коляска — если она появлялась на улицѣ — поворотитъ къ Саббатсбергу или къ другому мѣсту, гдѣ въ тотъ день не было ни души, и мы гордились нашей философіей. Но въ душѣ мы между-тѣмъ совсѣмъ не радовались.

Мы начали выѣзжать въ свѣтъ. Родители наши желали, чтобы мы нравились, чтобы мы играли роль въ обществѣ, мы сами не менѣе ихъ желали этаго; но— мы были не хороши собой, и одѣвались очень просто. Мы рѣдко принимали гостей, и потому — сидѣли на балахъ и не обращали на себя вниманія на ужинахъ. Такимъ образомъ проходилъ годъ за годомъ въ скучномъ однообразіи.

Между-тѣмъ мы уже перешли изъ первой молодости въ зрѣлый возрастъ, и родители очень желали видѣть насъ замужемъ. Мы также желали этаго. и оно очень естественно, тѣмъ болѣе, что мы были не совсѣмъ счастливы дома. Надобно однако сознаться

что мы ничего и не дѣлали для своего счастья. Мы были прихотливаго, сварливаго, недовольнаго права, и сами не знали, чего хотѣли и чѣмъ были недовольны. . . Мы какъ будто бы блуждали въ густомъ туманѣ.

Часто случается слышать отъ незамужнихъ женщинъ, что онѣ довольны своимъ положеніемъ и не желаютъ выйти замужъ. Въ этихъ словахъ болѣе правды, нежели обыкновенно думаютъ, особенно когда пройдетъ живость первой молодости. Вотъ что я часто замѣчала; но это бываетъ только съ такими женщинами, которыя или умѣли создать себѣ независимый кругъ дѣйствія, или пользуются, подъ родительскимъ кровомъ, тою свободой, тѣмъ чистымъ счастіемъ, которыя можно найти только въ кругу истинныхъ друзей и людей съ истиннымъ образованіемъ.

Одна изъ моихъ знакомыхъ, молодая женщина, сдѣлала, что̀ называется въ свѣтѣ, блистательную партію, хотя любовь на этотъ разъ играла не первостепенную роль. Однажды кто-то въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ поздравлялъ ее съ счастливою перемѣною судьбы; она отвѣчала: «Да, въ самомъ дѣлѣ пріятно имѣть свое.» Такая низкая оцѣнка того, что всѣ почитали большимъ счастіемъ, заставила усмѣхнуться. Въ этихъ словахъ заключалась однако большая и общая истина. Всякій человѣкъ— чтобы развить свою особенную природу, чтобы сдѣ-

латься самостоятельнымъ и счастливымъ, чтобы внушить другимъ и чувствовать самому къ себѣ уваженіе — не можетъ обойтись безъ этаго «своего» въ обществѣ и въ какомъ бы-то ни было кругѣ дѣйствій. Даже у монашенки *своя* келья, гдѣ она спокойно можетъ готовиться къ небесной жизни — настоящей ея родинѣ, тогда-какъ въ свободной общественной жизни у незамужней женщины часто нѣтъ даже тѣсной кельи, которую она бы могла назвать своею, и она проходитъ жизненный путь, какъ блуждающее облако, и нигдѣ не находитъ себѣ пристанища. Отъ того происходятъ эти неудачные браки — настоящія дѣти нужды — и это грустное, такъ часто встрѣчающееся желаніе скорѣе найти успокоеніе въ тихой кельѣ могилы.

Но такъ не должно быть, и это зло видимо уменьшается въ наше время, по мѣрѣ того, какъ распространяется просвѣщеніе, которое, указывая на тысячи безпріютныхъ страдальцевъ и сирыхъ, непризрѣнныхъ дѣтей, по большей части умирающихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, устраняетъ односторонность взгляда на назначеніе женщины и открываетъ ей болѣе свободы въ выборѣ круга дѣйствій.

Но я возвращаюсь къ pro и contra моей собственной исторіи. Вотъ еще черта нашихъ нравовъ. Когда молодыя дѣвицы изъ нашего круга выходили замужъ за людей, которые по чину и состоянію были ниже ихъ, то мы находили, что онѣ поступали очень благо-

разумно и заслуживали уваженіе. Но если мущина, находившійся въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ намъ, желалъ породниться съ нашимъ домомъ, то мы называли это дерзостью и давали чувствовать наше негодованіе. Мы тихомолкомъ высматривали себѣ болѣе знатныхъ и богатыхъ жениховъ, а они опять высматривали себѣ болѣе знатныхъ и богатыхъ невѣстъ, нежели каковы мы были. (NB. Это высматриваніе въ большомъ употребленіи у людей большаго свѣта, хотя тотъ или та, кто бы въ простодушіи своемъ признался въ томъ, равно повредилъ бы себѣ въ мнѣніи высматривающихъ и невысматривающихъ.)

Между-тѣмъ во мнѣ развилось чувство собственнаго достоинства — чувство человѣка, полнаго жизни, пробудившагося къ тягостному сознанію своей зависимости и тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ душа моя томилась, и мною овладѣло сильное желаніе освободиться изъ своихъ оковъ. Тревожный духъ мой рвался то въ одну, то въ другую сторону — но часто, при разсматриваніи какаго-нибудь произведенія искуства, я какъ будто находила объясненіе загадки моей души. Когда я смотрѣла на Весталку древнихъ и восхищалась этой дивной фигурой, исполненной спокойствія, гордости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кротости, когда я останавливала взоръ свой на ея чистомъ, свѣтломъ, задумчивомъ челѣ, то я понимала въ ней ту жизнь, которой сама искала и не находила въ себѣ, и, чувствуя свое безсиліе, я плакала.

Долго страдала я такимъ образомъ отъ ложныхъ отношеній — всѣхъ ихъ не могу исчислить — въ которыхъ я находилась посреди своихъ родныхъ; и чѣмъ я становилась старѣе, тѣмъ опаснѣе, съ моимъ характеромъ, дѣлалось мое положеніе въ свѣтѣ.

Намъ расказывали про дѣвицъ Густавель, что онѣ въ своемъ семействѣ состарѣлись за прялкой или ткацкимъ станкомъ; но лучше въ тысячу разъ состарѣться надъ пряжей или передъ очагомъ, нежели съ искуственными цвѣтами (ужъ подлинно искуственными!) въ волосахъ, старѣться на скамейкахъ бальной залы или за столами блестящихъ soupers, стараясь улыбаться свѣту, который уже болѣе не улыбается намъ. Такъ было со мной. Есть существа кроткія, скромныя, которыя безропотно и безмолвно склоняютъ голову свою подъ игомъ, котораго онѣ не въ состояніи свергнуть; онѣ годъ за годомъ являются во всѣхъ собраніяхъ только для того, чтобы наполнять собою пустыя мѣста, или служить украшеніемъ стѣнъ. Миръ надъ этими мученицами! Есть другія—веселыя, живыя, вѣчно-юныя существа, которыя, даже въ старости и въ какихъ бы обстоятельствахъ ни было, своимъ присутствіемъ распространяютъ въ обществахъ веселость и жизнь. Такія существа принадлежатъ свѣту, и онъ ихъ благословляетъ. Люди — и слава Богу! — созданы такъ различно. Что до меня касается, то я не принадлежала ни къ веселымъ и остроумнымъ, ни къ терпѣливымъ и скромнымъ существамъ. И

потому я стала ненавидѣть общество, которое наводило на меня смертельную скуку; но я посѣщала его, чтобы избавиться отъ тоски и внутренняго безпокойства, которыя снѣдали меня дома. Духъ мой былъ въ безпрестанной дѣятельности, но я не смѣла показывать этаго, я должна была зарывать *свой талантъ въ землю.* Того требовали приличія и нравы круга, въ которомъ я жила.

Цвѣты доставляютъ человѣку запахъ и наслажденіе; они питаютъ насѣкомыхъ своимъ благоуханіемъ. Капля росы оживляетъ листокъ, на который падаетъ. Въ тѣхъ обстоятельствахъ я была ничтожнѣе цвѣтка, ничтожнѣе капли росы, я, разумное существо, полное жизни, съ безсмертной душей. Но я еще во-время очнулась. Я говорю во-время, потому-что приходитъ пора, когда уже бываетъ слишкомъ поздно. Душа черствѣетъ подъ тяжелымъ гнетомъ лѣтъ, и у человѣка уже не стаетъ силы подняться изъ омута, въ который онъ упалъ.

Я чувствовала, что я становилась хуже въ нравственномъ отношеніи и что отъ праздной, безполезной жизни, каждый день выростала новая дурная трава на почвѣ души моей, которая будто лежала въ пару. Любопытство, сплетничество, склонность къ пересудамъ и злословію и умножавшаяся неровность характера, начали овладѣвать душей, которая, получивъ отъ природы такъ много силы и дѣятельности, не могла

смиренно довольствоваться прозябаніемъ вмѣсто жизни. Ахъ, милая Элиза! Когда живешь безъ цѣли, когда стоишь, такъ сказать, внѣ практической жизни, которая питаетъ и укрѣпляетъ духъ, когда нѣтъ никакаго благороднаго стремленія, никакой сердечной привязанности, никакой отрады во вседневной жизни, которыя, хоть въ нѣкоторыя минуты, давали чувствовать слабость жизни; тогда въ человѣкѣ поселяется демонъ безпокойства, который непрестанно терзаетъ духъ его, разрушаетъ здоровье, веселость, доброту, увы! даже чистоту совѣсти, и накликаетъ на него всѣ мученія ада. Такъ ѣдкая ржавчина пожираетъ крѣпкую сталь и исчерчиваетъ ея зеркальную поверхность уродливыми фигурами.

Разъ мнѣ случилось прочитать гдѣ-то слова многосторонняго мыслителя Стефенса: «Тотъ, у кого нѣтъ занятія, которому бы онъ предался съ неизмѣннымъ жаромъ, кто не любитъ такаго занятія, какъ самаго себя, какъ ближняго, тотъ не нашелъ твердаго основанія, на которомъ Христіанство и здѣсь уже приноситъ плоды. Такое занятіе превращается въ мирное святилище, на которое Спаситель въ каждый мигъ труда изливаетъ свое благословеніе; оно связываетъ насъ съ людьми, заставляетъ насъ принимать участіе въ ихъ чувствахъ и сообщаетъ намъ возможность дѣйствовать подлинно для ихъ пользы; оно научаетъ насъ вѣрно оцѣнять нашу ограниченность и

достоинство другихъ, оно составляетъ истинную, мирную и плодоносную почву дѣятельнаго христіанства.»

Эти слова были для меня тѣмъ же, что вѣтеръ для распаленной искры. Душа моя озарилась внезапнымъ свѣтомъ, и я поняла свое назначеніе. Обдумавъ хорошенько свой планъ, я сообщила его родителямъ и открыла имъ сердце. Они были удивлены, начали противиться, просили меня еще подумать. Я это предвидѣла, но съ спокойною твердостію осталась при своемъ желаніи, при своей просьбѣ — и была поражена ихъ добротою.

Я очень любила дѣтей и намѣрена была завести хозяйство и пріискать себѣ какое-нибудь занятіе или должность, которая могла бы доставить мнѣ со временемъ средства взять къ себѣ чужое дитя или даже двухъ, которыхъ я бы содержала, воспитывала, словомъ—считала своими. Я знала, что мнѣ недоставало многихъ необходимыхъ достоинствъ хорошей воспитательницы; но я надѣялась, что живительная сила дѣятельности обновитъ все мое существо. Моя добрая воля, моя любовь къ дѣтямъ пособятъ мнѣ, думала я, быть имъ хорошей руководительницей; и если мнѣ не суждено сдѣлаться супругой, то я узнаю хоть блаженство быть матерью.

«Но почему же вы не вышли замужъ? почему вы не хотѣли выйти?» спросила съ живостію Элиза.

Эвелина улыбнулась и отвѣчала: Видно, что вы могли выбрать между многими обожателями; вы и не воображаете, что есть женщины, которымъ никогда не представлялось и случая къ выбору. Но такъ было со мной. Вы удивляетесь, милая Елиза? вы смотрите на меня, какъ на государственную преступницу? Но я сказала вамъ сущую правду и повторяю: я никогда не имѣла случая отвѣчать ни да, ни нѣтъ, потому-что никто не просилъ руки моей. Съ сестрами моими, которыя были гораздо лучше меня лицомъ и больше нравились, было другое дѣло.

Но я возвращаюсь къ той важной для меня минутѣ, когда я оставила обычную колею моей жизни, и оставила ее, благодаря Бога, безъ насилія, безъ непріятностей, а съ благословеніемъ тѣхъ, которые дали мнѣ жизнь — даръ, за который я ихъ въ эту минуту въ первой разъ благословила.

Родители мои, тронутые состояніемъ моей души и искреннею доброю волей, которую замѣчали во мнѣ, рѣшились — да наградитъ ихъ Господь! — употребить на мое обзаведеніе ту сумму денегъ, которую они назначили на мое приданое, если бы я вышла замужъ. Они сами и сестры мои съ особенными удовольствіемъ принялись за устройство моего хозяйства, и я покинула родительскій домъ со слезами искренняго сожалѣнія. Но, вполнѣ понявъ свой характеръ и свое

положеніе, я не могла раскаяться въ принятомъ намѣренія.

И-такъ однажды въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ — когда мнѣ исполнилось ровно тридцать лѣтъ — я перешла въ свое новое, небольшое, но удобное жилище. Меня провожали родные. Двѣ маленькія дѣвочки, круглыя сироты, но не совсѣмъ безпомощныя, поселились вмѣстѣ со мною. Это были мои пріемыши; я хотѣла быть имъ матерью.

Первое утро, когда я проснулась въ моемъ новомъ жилищѣ, незабвенно для меня. Живо помню, какъ въ комнатѣ начало свѣтать, и какъ всѣ предметы по-немногу выходили изъ темноты и являлись моимъ глазамъ въ такомъ, казалось мнѣ, необычайно опредѣленномъ видѣ. Изъ ближней церкви раздалось утреннее пѣніе, котораго сладостно-торжественныя мелодіи такъ возвышаютъ и успокоиваютъ душу. Я встала рано; мнѣ надобно было позаботиться о хозяйствѣ и дѣтяхъ. Въ моей душѣ было такъ весело, свѣтло; по мнѣ пробѣжалъ сладкій трепетъ, подобный живительному весеннему вѣтерку. Природа также дышала весной. Снѣгъ таялъ на кровляхъ и стекалъ блестящими каплями; мнѣ казалось, что солнце никогда еще такъ ярко не отражалось въ нихъ. На трубахъ сидѣли воробушки и привѣтствовали утро своимъ щебетаньемъ. Все приходило въ движеніе и съ веселымъ видомъ принималось за ежедневныя за-

нятія; молочница развозила молоко изъ дома въ домъ, и показалась мнѣ довольнѣе всѣхъ молочницъ, которыхъ я когда-либо видѣла, и молоко ея было бѣлѣе и жирнѣе обыкновеннаго. Весь міръ перемѣнился въ моихъ глазахъ и даже я сама. Когда я глядѣлась въ зеркало, мнѣ казалось, что глаза мои стали больше, вся моя наружность — лучше и много-значительнѣе. Въ сосѣдней комнатѣ проснулись дѣти, эти безсмертные человѣчки, которыхъ я взялась вести къ вѣчной жизни. Чуденъ былъ этотъ день, въ который обновился для меня внѣшній міръ и вмѣстѣ съ нимъ міръ души моей. Я уже не была ничтожнымъ, безполезнымъ существомъ; я пріобрѣла важность и цѣну въ собственныхъ глазахъ своихъ.

Дѣятельная, спокойная жизнь, какую я вела съ этаго дня, совершенно соотвѣтствовала моимъ склонностямъ. Съ этой минуты я была въ-ладу сама съ собою, и каждый день чувствовала себя счастливѣе. День часто проходилъ въ трудахъ и заботахъ, но тѣмъ пріятнѣе былъ вечерній отдыхъ, и мысль, что я провела день съ пользою, освѣжала мнѣ душу. Дѣти причиняли мнѣ много заботъ, много труда; но они наполняли собою прежнюю пустоту моей жизни; они были отрадою моего сердца, и чѣмъ больше они мнѣ приносили безпокойства и наслажденія, заботъ и радостей, тѣмъ милѣе и драгоцѣннѣе они становились мнѣ. Я не думаю, чтобы родной матери дѣти могли быть дороже, нежели мнѣ моя Карина и Лаура. Въ

новомъ моемъ положеніи я, и какъ дочь и какъ сестра, стала также добрѣе и нѣжнѣе, нежели до того; я могла утѣшать моихъ престарѣлыхъ родителей гораздо болѣе, нежели тогда, когда бы осталась у нихъ въ домѣ безполезнымъ, ничтожнымъ существомъ. Теперь только я могла извлекать истинную пользу изъ хорошаго воспитанія, какое получила. При благотворной дѣятельности, при опредѣленной цѣли жизни и сердечныхъ отношеніяхъ, мнѣ удалось мало по малу освободиться отъ тщеславія и неправды. Пріобрѣтеніе мудрости и познаніе истины сильно подѣйствовали на мое сердце и мои поступки съ тѣхъ поръ, какъ я въ жизни, такъ сказать, пустила корень.

Эвелина кончила свой расказъ. Всѣ слушали ее со вниманіемъ, но особенно Лагманъ. Новая сторона жизни открылась его взорамъ, и самое искреннее участіе изобразилось въ его мужественныхъ чертахъ. Описаніе такаго зависимаго существованія, такаго тяжкаго, затруднительнаго положенія возбудило въ немъ жалость—и уже въ головѣ его бродили планы, какимъ образомъ разломать тутъ затворы, уничтожить преграды и освободить окованное, стѣсненное существованіе.

«Ахъ, да!.», сказала фру Гунилла съ легкимъ вздохомъ, «каждому изъ насъ приходится нести свой крестъ на земномъ пути. Но тотъ, кто живетъ въ страхѣ Божіемъ, тотъ наконецъ таки-добредетъ до

спокойнаго пристанища. Господь Богъ никого не оставитъ безъ призрѣнія». И фру Гунилла медленно втянула въ носъ обильную щепотку табаку.

«Не забудьте orbis pictus!» сказала она Элизѣ, когда та вмѣстѣ съ мужемъ сбиралась итти домой. «И главное, заставляйте дѣтокъ вашихъ смотрѣть почаще на изображеніе души, для развитія ихъ способностей! Хе, хе, хе, хе!»

СИРОТА.

Вечерѣло. Эрнстъ и Элиза сидѣли въ гостиной у окна. При взаимной откровенности и взаимномъ участіи, супруги чувствовали себя счастливыми другъ въ другѣ и были въ-ладу съ жизнію. Въ эту минуту они молчали; но предчувствіе, которое какъ сладкое созвучіе напѣвало обоимъ, что они каждый день будутъ счастливѣе другъ съ другомъ, озарило ихъ лице тихимъ спокойствіемъ. Между-тѣмъ начало смеркаться; мелкій дождь билъ объ окна. Изъ залы раздавался звучный голосъ Кандидата, который тѣшилъ дѣтей расказами, и иногда прерывался, чтобы отвѣчать на ихъ вопросы и восклицанія. Отрадное чувство счастливаго отца семейства овладѣло сердцемъ Эрнста; онъ съ нѣжностію взялъ жену за руку и весело глядѣлъ на ея кроткое лицо, и оба шутя занялись коекакими распоряженіями по хозяйству. Вдругъ Лагманъ нахмурился и на глазахъ его навернулись слезы. «Что съ тобой, Эрнстъ?» спросила съ нѣжной заботливостью Элиза, слегка отирая глаза его.

«Ахъ!» отвѣчалъ онъ. «Мы такъ счастливы; смотря на тебя, и слыша веселые голоса нашихъ дѣ-

токъ, я не могу не вспомнить о несчастной дѣвочкѣ, которая живетъ противъ насъ, и пропадетъ въ этомъ окаянномъ домѣ!»

«Ахъ, да!» сказала со вздохомъ Элиза. «Да призритъ Господь всѣхъ несчастныхъ сиротъ на землѣ!»

Тутъ глаза обоихъ невольно обратились на ближайшее окно печальнаго дома. Что-то зашевелилось у окошка; какая-то женщина встала на подоконникъ; смуглое дѣтское личико показалось у ногъ ея, но его оттолкнули, и большая бѣлая простыня быстро спустилась и въ минуту скрыла все, что за нею происходило.

«Онъ умеръ!» сказали въ одинъ голосъ мужъ и жена, поглядѣвъ другъ на друга.

Лагманъ тотчасъ послалъ узнать, что тамъ дѣлалось. Посланный пришелъ съ извѣстіемъ, что г. N. только-что скончался.

Тутъ за простынею засвѣтился огонь, и казалось, что въ комнатѣ происходило большое движеніе. Лагманъ съ видимымъ безпокойствомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. «Бѣдный ребенокъ! Несчастная сирота! что съ нею будетъ?» повторилъ онъ нѣсколько разъ. Элиза видѣла насквозь душу своего мужа. Уже съ нѣкоторыхъ поръ она, соображаясь съ желаніемъ, ка-

кое замѣчала въ немъ, таила мысль, которую и въ эту минуту долго не рѣшалась выговорить. Наконецъ, удерживая вздохъ, она сказала:

«Эрнстъ! за столомъ, гдѣ бываютъ сыты шестеро малютокъ, будетъ сытъ и седьмой!»

«Ты думаешь?» воскликнулъ онъ радостно, и глаза его заблистали. Онъ нѣжно обнялъ жену, сѣлъ возлѣ нея и сказалъ: «Но ты не раскаешься ли въ томъ? Не слишкомъ ли много ты берешь на себя? Но если ты думаешь, что у тебя станетъ на это силъ, то ты исполнишь мое искренее желаніе, призрѣвъ бѣдную сиротку!»

«Эрнстъ, ты знаешь, я слаба, сказала Элиза и отерла слезинку, но у меня есть добрая воля; я буду дѣлать, что могу, а ты будешь поддерживать меня!»

«Разумѣется; мы будемъ помогать другъ другу. Благоларю тебя, Элиза, милый другъ»! продолжалъ онъ, нѣжно цѣлуя руку ея. «Сейчасъ же пойду и приведу дѣвочку сюда, не правда ли? Но я боюсь, что она не захочетъ итти со мной!»

«Хочешь, я пойду съ тобой?»

«Это было бы хорошо. Но на дворѣ скоро ночь и притомъ дождь идетъ!»

«Что жъ? мы можемъ взять зонтикъ. Я пойду надѣну старой салопъ и тотчасъ буду готова!» Элиза пошла одѣваться, а за нею отправился и Лагманъ, чтобы помочь ей; онъ подалъ ей салопъ, надѣлъ колоши и всячески ухаживалъ за нею. Когда Элиза кончила свои распоряженія съ Бригиттой, супруги вышли изъ дому. Дѣти между-тѣмъ собрались въ кружокъ для разныхъ предположеній и догадокъ на счетъ таинственнаго ухода родителей.

Эрнстъ и Элиза, перейдя улицу въ ужасный вѣтеръ и дождь, и взобравшись по темной лѣстницѣ, вошли наконецъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Дверь была отворена, въ комнатѣ стояла свѣчка, которая, догорая, бросала на предметы неопредѣленный трепетный свѣтъ, но тамъ не было ни души; тамъ было пусто и мертво, какъ будто послѣ грабежа. Одиноко лежалъ покойникъ на своемъ одрѣ, подлѣ него не видно было ни слѣда тѣхъ пособій, какія обыкновенно употребляются для облегченія борьбы умирающаго со смертію. Лице его было накрыто платкомъ. Лагманъ подошелъ и поднялъ платокъ, безмолвно смотрѣлъ нѣсколько минутъ на обезображенныя черты усопшаго, потомъ пощупалъ его пульсъ и опять тихонько накрылъ лице его. Блѣденъ былъ Эрнстъ, когда поворотился къ Элизѣ.

«Гдѣ же ребенокъ?» сказалъ онъ торопливо. Они стали искать вокругъ себя. Что-то черное какъ

тѣнь пошевельнулось въ углу комнаты. То была малютка покойнаго, которая, какъ ночная птица, сидѣла, плотно прижавшись къ стѣнѣ. Элиза подошла и хотѣла взять ее на руки, какъ вдругъ поднялась маленькая рученка и ударила ее со всего размаху. Элиза въ-испугѣ отскочила; но черезъ минуту она опять приблизилась и ласковыми словами начала уговаривать маленькую дикарку; та опять было-размахнулась, но на этотъ разъ рученки ея были внезапно схвачены сильной рукой мущины, и на ней остановился такой строгій и повелительный взоръ, что она задрожала, почувствовала неровность борьбы и перестала противиться. Лагманъ поднялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣна. Она дрожала всѣмъ тѣломъ. «Не бойся насъ, душенька!» сказала Элиза ласковымъ голосомъ; «мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ. Пойдемъ ко мнѣ; у меня есть такія же маленькія дѣвочки, какъ ты, и я тебѣ дамъ свѣжаго молока съ булочками, а потомъ положу тебя спать въ кроватку съ розовымъ одѣяломъ.» Молоко, розовое одѣяло и кроткій голосъ Элизы, казалось, подѣйствовали на воображеніе дѣвочки.

«Я пожалуй-пойду съ тобой,» сказала она; «но что скажетъ папа, когда онъ проснется?»

«Онъ будетъ доволенъ этимъ!» отвѣчала Элиза, окутывая ее теплымъ платкомъ.

Въ эту минуту послышался на лѣстницѣ шумъ. Маленькая Сара вскрикнула отъ испуга и опять начала дрожать. Вошла ключница покойнаго N. съ двумя мальчиками. Лагманъ объявилъ ей, что онъ рѣшился взять Сару и оставшееся по ея отцѣ имущество подъ свою опеку. При этихъ словахъ она начала кричать и браниться, но угрозы Лагмана скоро ее принудили замолчать. Онъ послалъ однаго изъ мальчиковъ къ хозяину дома, и переговоривши съ нимъ о мѣрахъ, какія надобно было принять для сохраненія наслѣдства покойника (если бъ что оказалось), онъ взялъ Сару на руки, закуталъ ее въ свой плащь и отправилъ съ Элизой домой.

Между-тѣмъ любопытство маленькихъ Франковъ было возбуждено въ высшей степени. Элиза, уходя, сказала, что, можетъ быть, приведетъ имъ маленькую сестрицу; и трудно описать, какую тревогу эти слова произвели въ маленькой шайкѣ, и сколько они породили предположеній и догадокъ. Кандидатъ не поспѣвалъ удовлетворять всѣмъ распросамъ, которыми его осыпали, и чтобы сколько-нибудь успокоить волненіе умовъ, онъ заставилъ дѣтей скакать по-вороньи, и самъ пустился впереди всѣхъ. Стая настоящихъ воронъ не могла бы подняться такъ быстро, какъ этѣ, когда отворилась дверь и вошелъ Лагманъ съ женой. Петрея вся превратилась въ любопытство, когда Лагманъ, раскрывъ свой широкій плащь, тихонько поставилъ на полъ что-то маленькое, что Пет-

рея приняла-было за трубочиста; но по внимательномъ осмотрѣ оказалось, что то была миніатюрная, худощавая девятилѣтняя дѣвочка, съ черными волосами, смуглымъ лицемъ и необыкновенно большими черными глазами, которая съ угрюмою, почти грозною миною смотрѣла на бѣлокурыхъ малютокъ, толпившихся вокругъ нея въ великомъ удивленіи.

«Вотъ вамъ еще одна сестричка, дѣти!» сказалъ отецъ, подводя къ нимъ малютку. «Сара! это твой братецъ и твои сестрицы! Любите другъ друга, мои дѣти, и живите въ мирѣ и согласіи.»

Дѣти съ недоумѣніемъ посматривали другъ на друга; наконецъ Генрихъ и Луиза, съ видомъ покровительства, взяли маленькую незнакомку за руку; тутъ и прочія дѣти бросились привѣтствовать ее, каждый по своему.

Накрыли столъ для дѣтскаго ужина, принесли нѣсколько свѣчь. Все вмѣстѣ представляло живую, веселую картину. Всѣ старались какъ-нибудь услужить маленькой Сарѣ. Луиза поднесла ей двѣ конфетки, которыя лежали у нея чуть ли не цѣлый годъ, и коробочку для ихъ храненія.

Генрихъ поднесъ красную трубу и кромѣ того, безвозмездно, выучилъ искуству трубить въ нее.

Фанни подарила свою куклу Іозефину, въ новомъ красномъ газовомъ платьѣ.

Леонора зажгла для черноглазой малютки свои зеленыя и красныя восковыя свѣчи.

А Петрея. . . . . . ахъ! и она такъ искренно желала дать что-нибудь. Она перерыла всѣ свои углы, но, увы! не нашла ничего кромѣ обломковъ. Вотъ кукла безъ рукъ, вотъ столъ о трехъ ножкахъ, вотъ одна половина сахарнаго поросенка, вотъ собака безъ головы и безъ хвоста! Всѣ Петреины игрушки, въ слѣдствіе разныхъ экспериментовъ, которымъ она ихъ обыкновенно подвергала, пришли въ разрушеніе, а пряничное сердечко, которое служило ей приманкою для Габріэли, какъ нарочно въ тотъ самый день, въ несчастную минуту искушенія, отправилось въ Петреино горлышко. Однимъ словомъ, у Петреи не было рѣшительно ничего такаго, что бы она могла подарить, не осрамивъ себя. Она въ этомъ увѣрилась со вздохомъ; сердце ея стѣснилось, и уже слезы начали капать на носъ, какъ вдругъ ей пришла на умъ счастливая мысль. Женщина у розоваго куста! . . Это сокровище было еще цѣло; оно въ первобытномъ своемъ видѣ висѣло надъ ея кроваткой, подъ стекломъ и въ рамкѣ съ голубыми кокардами. Минута нерѣшимости... и вотъ Петрея уже взлѣзаетъ на кровать, снимаетъ картину; глаза ея сверкаютъ отъ радости, щеки горятъ, и она спѣшитъ отдать единствен-

ную свою драгоцѣнность, торжественно провозглашая Сару владѣтельницей женщины у розоваго куста.

«Маленькая Африка» смотрѣла довольно равнодушно на приношенія маленькихъ Европейцевъ. Она приняла, но скоро отложила всѣ подарки и больше объ нихъ не заботилась, отъ чего Луиза и предложила ей взять ихъ къ себѣ на сохраненіе.

Между-тѣмъ, какъ все это происходило, пришелъ Асессоръ; онъ осмотрѣлся испытующимъ взоромъ, улыбнулся и сказалъ про себя: ну, такъ и есть! я ужъ зналъ это! «Прекрасно!» сказалъ онъ громко и угрюмо, дружески пожимая руку своимъ друзьямъ; «вамъ, кажется, мало еще своихъ ребятъ, что вы набираете чужихъ? Сколько вамъ еще нужно? нельзя ли завтра навязать себѣ еще однаго? Видно, вамъ не изъ чего было жить безъ цѣлой полудюжины дѣвчонокъ? Чѣмъ это кончится? Скоро здѣсь проходу не будетъ отъ ребятишекъ; чай нашли кладъ или золотую руду, что можете сорить деньгами. Ну, поздравляю, поздравляю!»

Лагманъ и Элиза въ отвѣтъ на воркотню Мунтера только улыбались и просили остаться у нихъ весь вечеръ. Но онъ извинился недосугомъ и ушелъ, не забывъ однако передъ уходомъ вынуть изъ кармана нѣсколько грушъ и каждому изъ дѣтей положить по одной на тарелку подъ салфетку. У всякаго былъ на

салфеткѣ какой-нибудь отличительный знакъ, а у Сары была желтая ленточка. На ея тарелкѣ нашли подъ грушею дорогую ассигнацію. Асессоръ дарилъ ее бѣдной сироткѣ, но никакъ не хотѣлъ въ томъ сознаться. Таковъ былъ его обычай.

Когда мать взяла Сару за руку, чтобы уложить ее спать, Петрея несказанно обрадовалась, увидѣвъ, что Сара изъ всѣхъ своихъ подарковъ взяла только женщину у розоваго куста, на которую она, казалось, не могла наглядѣться. Войдя въ веселую дѣтскую, Сара вдругъ предалась сильной горести. Слезы полились у нея ручьями, и она начала громко звать своего отца. Элиза спокойно держала ее на рукахъ и дала ей выплакаться на своей груди.

Потомъ она тихонько ее раздѣла и взяла на руки, чтобы положить въ постель. Сладостное чувство проникло въ ея сердце, когда утомленная плачемъ малютка вдругъ обвила свои рученки вкругъ ея шеи. Женщина у розоваго куста лежала на постелѣ у Сары, но, казалось, что «маленькая Африка» не найдетъ покою на своихъ бѣлоснѣжныхъ подушкахъ. Она дико повертывала на всѣ стороны свои черные глаза, и руки ея судорожно вцѣпились въ бѣлое платье Элизы. «Не уходи!» шептала она, «а то они придутъ и убьютъ меня!» Элиза взяла дѣвочку за руку и начала подсказывать ей простую дѣтскую молитву, ту самую, которой она выучила всѣхъ своихъ малютокъ.

Сара повторяла слова, и хоть выговаривала ихъ машинально, она мало по малу успокоилась· но такъ-какъ она все еще безпрестанно вздрагивала и держала Элизу за платье, то Элиза сѣла возлѣ нея и по просьбѣ прочихъ дѣтей,» ахъ мама, спой же пѣсеньку про голубка! спой пожалуста!» запѣла тихимъ и прiятнымъ голосомъ пѣсню, которую сама написала для дѣтей.

На вѣткѣ лилейной, съ небесъ прилетя,
Сидитъ голубокъ бѣлоснѣжной;
Вотъ Господу молится ангелъ-дитя,
И слушаетъ голубь такъ нѣжно.

Но вдругъ онъ, крылами взмахнувъ, поднялся
И съ жаркой молитвой дитяти
Къ Отцу непорочныхъ малютокъ взвился
Въ обитель живой Благодати.

Потомъ прилетѣлъ онъ на вѣтку опять
И милость Господню съ собою
Принесъ голубокъ, чтобъ тому передать,
Кто съ чистой молился душою.

Молись же, молись, дорогое дитя,
Спасителю благоговѣйно:
Тебя голубокъ, съ высоты прилетя,
Услышитъ на вѣткѣ лилейной.

Пока Элиза пѣла, голубокъ пріосѣнилъ миромъ душу малютки. Улыбающіеся образы носились въ воображеніи Сары. Женщина у розоваго куста и пѣсня Элизы слились въ одно: розы упоительно благоухали, а когда длинныя черныя рѣсницы Сары стали все болѣе и болѣе склоняться къ щекамъ, ей показалось, будто въ самомъ дѣлѣ бѣлая птица, лаская и успокоивая ее чуднымъ пѣніемъ, расширяла надъ нею свои крылья. Мало по малу рука малютки разжалась и выпустила платье; закрылись заплаканные глаза, и сладкій сонъ принялъ сирую въ свои объятія.

Элиза тихонько встала и пошла къ кроваткамъ другихъ дѣтей. «Голубокъ» усыпилъ и ихъ; слегка приложивъ губу къ щекѣ каждаго малютки и переговоривъ о новоприбывшей съ доброю, вѣрной Бригиттой, которая просила ее не безпокоиться и положиться на нее, Элиза воротилась къ мужу.

Съ большимъ вниманіемъ слушалъ онъ, что она ему раскazывала о Сарѣ. Этотъ новый членъ въ его семействѣ, это удвоеніе заботъ, казалось, расширяли и оживляли его душу. На глазахъ его блеснула слеза, когда онъ говорилъ о будущности этаго ребенка. Исторія Эвелины, живо запечатлѣвшаяся въ памяти обоихъ супруговъ, какъ будто подстрекнула его составить для дѣтей своихъ новый планъ воспитанія.

«Мы воспитаемъ дѣтей нашихъ не для себя, а для нихъ самихъ!» сказалъ онъ съ чувствомъ. «Ихъ благо, ихъ счастіе будетъ нашею единственною цѣлью, и мы найдемъ способы привести ихъ къ этой цѣли, если только будемъ умѣть пріобрѣсть и сохранить ихъ довѣренность. И если врожденная строгость, угрюмость моего нрава будутъ удалять ихъ отъ меня, то будь ты, Элиза, посредницей между ними и мной, передавай мнѣ ихъ тайныя заботы и желанія.»

«Да въ комъ же мнѣ и искать прибѣжища, какъ не въ тебѣ?» сказала Элиза со всею искренностію. «Ты моя опора, въ тебѣ вся моя сила, вся моя твердость. Безъ тебя какъ бы я была слаба!»

«А безъ тебя, Элиза, моя сила перешла бы въ суровость. Я отъ природы склоненъ къ деспотизму. Много труда стоило мнѣ и еще до сихъ поръ часто стоитъ побѣждать эту склонность, но съ Божіею помощію я надѣюсь исправиться. Ахъ, Элиза, будемъ стараться совершенствовать себя для нашихъ дѣтей; для ихъ счастія мы должны заботиться объ улучшеніи своемъ.»

«Ахъ, да, Эрнстъ: мы должны и будемъ заботиться объ этомъ! Пусть домашнее согласіе отъ раннихъ лѣтъ поселитъ духъ согласія въ ихъ душѣ.»

«Мы сдѣлаемъ ихъ счастливыми»! продолжалъ отецъ съ возрастающимъ жаромъ. «Богъ поможетъ намъ воспитать ихъ такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался нравственнымъ уродомъ или недоросткомъ. Нѣтъ, мои милыя дочки! вамъ не быть незрѣлыми, жалкими существами. Мечты не помѣшаютъ вамъ наслаждаться истиннымъ богатствомъ жизни. Всѣ благородныя стремленія души вашей будутъ удовлетворены. Нѣтъ птицы подъ небесами, которая бы не нашла себѣ пищи на землѣ, и нѣтъ человѣка, который не нашелъ бы себѣ круга дѣйствія по своимъ склонностямъ. Вы будете итти бодро и весело по пути жизни; вы познаете дѣйствительную жизнь, и она прольетъ благословеніе на каждый день, сообщитъ прелесть каждой минутѣ, дастъ значеніе каждому занятію вашему; она поселитъ въ васъ миръ и гордое самосознаніе въ горѣ и радости, въ жизни и смерти.»

Эти слова подѣйствовали на душу Элизы, какъ освѣжительный вѣтерокъ. Въ эту минуту она чувствовала себя способною на величайшія пожертвованія. Всѣ труды и заботы жизни казались ей легки передъ такою прекрасною цѣлью. Она гордилась преданностію пылкой, возвышенной души своего мужа, который хотѣлъ жить для ея блага и для блага ея дѣтей; она радовалась его превосходству, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство уничиженія смирило ея сердце. Она наклонилась на его руку и поцѣловала ее съ жаромъ.

Лагманъ не любилъ этаго, потому-что, какъ всякій мущина, сознающій свое превосходство и самостоятельность, онъ лучше любилъ поклоняться женщинамъ, нежели быть предметомъ ихъ — по крайней мѣрѣ наружнаго—поклоненія.

И потому онъ съ легкимъ неудовольствіемъ отнялъ свою руку.

«Зачѣмъ ты не позволяешь мнѣ цѣловать тебѣ руку, если это доставляетъ мнѣ удовольствіе»? спросила Элиза.

«Потому-что мнѣ это не доставляетъ удовольствіе, и я прошу тебя впредь избавить меня отъ этаго.»

«Хорошо, хорошо; тебѣ совсѣмъ не нужно запрещать это мнѣ такъ строго, дружокъ; я и сама въ другой разъ не захочу.»

«Тѣмъ лучше!»

«Богъ знаетъ! Однако пора намъ итти спать!»

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

НАПОЛЕОНЪ И СЫНЪ ЕГО.

Ei fu . . . .
Manzoni.

Ни о комъ не писали такъ много, какъ о Наполеонѣ; никто, подобно ему, не возбудилъ такаго всеобщаго вниманія; никого не возносили такъ высоко (за то какое паденіе!); ни къ кому не питали ни такой восторженной любви, ни такой ненависти непримиримой, какъ къ нему, этому геніальному баловню фортуны. И что разительнѣй примѣра Наполеона можетъ доказать, какъ ничтоженъ человѣкъ со всѣмъ своимъ умомъ, если счастіе перестаетъ ему служить! Всѣ знатоки военнаго дѣла единодушно увѣряютъ, что нигдѣ стратегическій геній Бонапарта не выказался такъ блистательно, какъ во время его послѣднихъ походовъ во Франціи; но счастіе утомилось служить герою Пирамидъ и Аустерлица— и Наполеонъ, не смотря на свои побѣды, все терялъ . . . все терялъ . . . и палъ наконецъ тотъ, передъ кѣмъ все дрожало. Ei fu, сказалъ Манцони въ своей прекрасной одѣ: Il cinque Maggio. *Онъ былъ*! Отъ чего, спрашиваютъ, иногда въ одномъ словѣ заключается гораздо болѣе мыслей, нежели въ цѣлыхъ томахъ фразъ? Отъ того, что есть многозначительныя сло-

ва и ничтожныя фразы. Вотъ почему изъ одной странички, написанной человѣкомъ геніальнымъ, вы извлечете гораздо болѣе полезнаго и хорошаго, нежели изъ десяти фоліантовъ, написанныхъ дюжиннымъ авторомъ.

Въ прошломъ году вышли въ Парижѣ Записки графа Бельяра, генералъ-лейтенанта и пѣра Франціи. Графъ Бельяръ (le comte Belliard) родился 25 мая 1769. Онъ былъ еще въ школѣ, когда началась Французская революція. Бросивъ книги и перо, онъ схватился за мечь; дрался отчаянно противъ Вандейцевъ, отличился при Вальми и Жеммапѣ; потомъ, во время Итальянскаго похода, познакомился съ Наполеономъ, и съ тѣхъ поръ всегда находился при немъ, и въ Египтѣ и въ Россіи. Лудовикъ XVIII пожаловалъ его пѣромъ Франціи: Лудовикъ Филиппъ послалъ его въ Вѣну съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ, и назначилъ его посломъ въ Бельгію: онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ по дѣлу о раздѣленіи Бельгіи съ Голландіей, и пользовался любовью и довѣренностію Бельгійцевъ. Графъ Бельяръ на 63 году отъ рожденія умеръ отъ апоплексическаго удара. Это случилось въ 3 часа пополудни 28 января 1832 года.

Графъ Бельяръ, говоритъ издатель его Записокъ Вине, былъ добръ, справедливъ, безкорыстенъ, любезенъ въ обхожденіи, и столь же великодушенъ,

сколько и храбръ. Ужасный на полѣ брани, онъ, когда сраженіе было кончено, неусыпно старался о ухажденіи всѣхъ бѣдствій, неразлучныхъ съ войною. Онъ былъ любимъ своими солдатами, потому-что самъ ихъ любилъ. На доброе дѣло онъ былъ всегда готовъ — и тогда никакія препятствія не могли его удержать. Такимъ образомъ въ Мадритѣ, не смотря на самыя строгія приказанія, онъ отсрочилъ казнь маркиза Сен-Симона, и доставилъ дочери его случай видѣть Императора, который, уступая слезамъ и просьбамъ безутѣшной, подарилъ ей жизнь ея отца. Этотъ поступокъ приноситъ одинаковую честь и Бельяру и Наполеону. Въ тотъ день, когда предавались землѣ смертные останки Бельяра, послѣ надгробной рѣчи, произнесенной г. Леономъ (Lehon), посломъ Бельгійскимъ, изъ толпы раздается голосъ и говоритъ:

«Онъ спасъ мнѣ жизнь. Вотъ и моя надгробная рѣчь.»

Тутъ мало словъ, но много краснорѣчія.

Записки графа Бельяра написаны просто, безъ всякихъ претензій на авторскую славу и, сколько возможно участнику въ описываемомъ дѣлѣ, довольно безпристрастно. Извлекаемъ нѣсколько страницъ для любопытства читателей.

§ 1. Капитуляція Парижа.

Договоръ о выводѣ войскъ нашихъ изъ Парижа былъ подписанъ. Я получилъ приказаніе (это расказываетъ графъ Бельяръ отправиться со всею кавалеріею, которая въ то время находилась подъ моимъ начальствомъ, къ Фонтенбло, для развѣданія, не была ли дорога эта занята непріятелемъ. Армія должна была слѣдовать за мною. Я остановился въ Cour de France, предполагая провести здѣсь ночь. Едва я успѣлъ расположить свою команду, какъ изъ Фонтенбло прискакалъ курьеръ Императора съ извѣстіемъ, что Е. В. тотчасъ будетъ. Минуты черезъ двѣ Императоръ пріѣхалъ. Движеніе войскъ, имъ замѣченное, какъ мнѣ показалось, очень его безпокоило. Высунувъ голову изъ кареты, онъ спросилъ:

— Кто тутъ есть?

— Генералъ Бельяръ, Государь, отвѣчалъ курьеръ.

Я подошелъ къ каретѣ.

Онъ велѣлъ отворить дверцы, выпрыгнулъ и отвелъ меня въ сторону.

— Eh bien, Belliard! что это значитъ? спросилъ онъ, продолжая итти по дорогѣ впередъ. По какому случаю вы съ кавалеріей здѣсь? Гдѣ непріятель?

— У вратъ Парижа, Государь.

— А армія? спросилъ Наполеонъ.

— Слѣдуетъ за мною.

Съ-мигъ, не долѣе, продолжалось молчаніе.

— Кто жъ охраняетъ Парижъ?

— Онъ оставленъ нашими, отвѣчалъ я. Завтра въ 9 часовъ утра въ него вступятъ непріятели. Національная гвардія содержитъ пока караулы при заставахъ.

— Но жена моя? но сынъ мой? Что сдѣлалось съ ними? Гдѣ Мортье? гдѣ Мармонъ?

— Императрица, сынъ вашъ и весь Дворъ еще третьяго дня отправились въ Рамбулье. Полагаю, что они поѣхали далѣе по дорогѣ въ Орлеанъ. Маршалы же Мортье и Мармонъ, вѣроятно, еще находятся въ Парижѣ для окончанія распоряженій. . .

Я долженъ былъ, какъ можно короче и скорѣе, расказать Императору обо всемъ, что происходило. Я объяснилъ ему позиціи, которыя занимали во время послѣдняго сраженія войска непріятельскія и наша крошечная армія; сказалъ ему, сколько однако жъ совершила подвиговъ изумительныхъ въ этотъ памятный день горсть Французовъ.

Князь Бертье и герцогъ Виченскій слѣдовали за Императоромъ.

— Вы слышите, господа, что говоритъ Бельяръ. Мнѣ нужно въ Парижъ. Ѣдемъ! Коленкуръ, велите подать карету.

Мы уже прошли довольно далеко; я осмѣлился доложить Императору, что ему невозможно ѣхать въ Парижъ, что тамъ уже не было болѣе войскъ нашихъ. . .

— Но тамъ есть національная гвардія; войска подоспѣютъ; время еще не ушло; еще можно поправить дѣла.

— Но я повторяю В. В., что вамъ ѣхать въ Парижъ никакъ нельзя: хотя національная гвардія, согласно заключенному договору, и должна охранять заставы города, въ который непріятель можетъ вступить не раньше завтрашняго утра; но очень можетъ

быть, что непріятель вступитъ ранѣе — и тогда В. В. можете встрѣтить у заставы, на бульварѣ, даже въ самомъ Парижѣ, Прусскіе или Русскіе патрули.

— Все равно. Я хочу ѣхать. Карету! Вы ступайте за мною съ вашей кавалеріей.

Въ ту минуту мнѣ это своенравіе показалось непонятнымъ.

— Но, Государь, сказалъ я, повторяю еще разъ, что вы подвергаете себя опасности быть взятымъ въ плѣнъ, или предать Парижъ разграбленію. Я уже имѣлъ честь докладывать В. В., что 120-тысячная армія окружила Парижъ и заняла всѣ позиціи. Что жъ касается до меня, то я вышелъ изъ Парижа въ-слѣдствіе договора, и не могу туда возвратиться.

— Что это за договоръ? Кто его заключилъ? По чьему приказанію? Что сдѣлали съ моею женою, съ моимъ сыномъ? Что дѣлаетъ Іосифъ? Гдѣ военный министръ?

— Я не знаю подробностей договора, Государь; герцогъ Тревизскій сказалъ мнѣ, что договоръ заключенъ, и приказалъ отправиться къ Фонтенбло. Я слышалъ, что договаривались маршалы Мортье и Мармонъ. Во весь день мы не получали никакихъ приказаній. Каждый маршалъ дѣйствовалъ самъ за себя

и защищалъ который-нибудь изъ путей, ведущихъ къ Парижу. Я не могу доложить, что сдѣлалось съ Іосифомъ и военнымъ министромъ: они не показывались сегодня войскамъ, по крайней мѣрѣ корпусу маршала Мортье. Что же касается до Императрицы, короля Римскаго и Двора, то я уже имѣлъ честь доносить В. В., что они отправились въ Рамбулье.

— Но зачѣмъ они оставили Парижъ?

— На это я ничего не могу сказать В. В., развѣ только то, что носились слухи, будто бы это дѣлалось по приказанію вашему.

— Надобно ѣхать въ Парижъ. Безъ меня тамъ дѣлаютъ однѣ глупости.

Князь Бертье и Коленкуръ, слѣдуя моему примѣру, также стали упрашивать Императора не ѣхать. Императоръ не слушалъ и продолжалъ требовать кареты. Коленкуръ говорилъ: «она тотчасъ будетъ,» а кареты все не было. Императоръ сердился, шелъ все далѣе, и ни на минуту не переставалъ меня распрашивать.

— Нужно было, говорилъ онъ, держаться долѣе и подождать прихода арміи. Нужно было разшевелить Парижанъ, которые врядъ ли могутъ быть рады Русскимъ; заставить дѣйствовать національ-

ную гвардію, размѣстивъ ее по укрѣпленіямъ, которыя я приказалъ военному министру возвесть и покрыть пушками; она умѣла бы защитить ихъ. Но, какъ кажется, тамъ ничего путнаго не сдѣлали.

— Мнѣ кажется, Государь, что сегодня сдѣлали гораздо болѣе, нежели сколько можно было и требовать и ожидать. Дѣйствующая армія наша, которая состояла лишь изъ 15 или 16 тысячь человѣкъ, должна была бороться съ 120-тысячною арміею, и право совершила чудеса храбрости, потому-что продолжала держаться—и до 4-хъ часовъ вечера, когда было заключено перемиріе, отбивала всѣ нападенія непріятеля, не переставая надѣяться на прибытіе ваше, Государь. Въ теченіе дня вдругъ распространилось по Парижу и достигло арміи извѣстіе о прибытіи В. В. Тогда отовсюду послышались восторженные крики: *Vive l'Empereur!* Тогда сильнѣе стали напирать солдаты наши; одно ваше имя удесятерило ихъ мужество. Непріятель призадумался; его движенія впередъ сдѣлались медленнѣе, осторожнѣе. Онъ протянулся къ St. Denis, на который напалъ и которымъ желалъ завладѣть, чтобы тѣмъ прикрыть свой правый флангъ. Потомъ онъ пошелъ по дорогѣ de la Révolte, и тѣмъ обнажилъ часть своего центра. Еслибъ въ эту минуту у насъ было 20 тысячь человѣкъ болѣе, мы могли бы занять пустое мѣсто, напасть съ боку на правой флангъ непріятеля и разбить его

на́-голову. Національная гвардія, которой одинъ баталіонъ стоялъ на Монмартрѣ, была размѣщена по заставамъ; она же охраняла по лѣвую сторону нашу Нёльийскую и Сен-Денискую дорогу. Та небольшая часть ея, которая находилась въ дѣлѣ, дралась превосходно: между ними были даже люди, которыхъ мы принуждены были удерживать, потому-что они опережали самыхъ застрѣльщиковъ нашихъ. Что же касается до укрѣпленій, то я никакихъ не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ на той сторонѣ, на которой самъ находился.

— Гдѣ жъ вы стояли?

— Передъ Виллеттой, начиная отъ Уркскаго канала до второй Сен-Денискои дороги.

— Сколько было съ вами кавалеріи? спросилъ Наполеонъ.

— Около полторы тысячи лошадей, въ томъ числѣ и дивизія генерала Русселя.

— Это хорошій офицеръ, сказалъ Императоръ, благородный человѣкъ. Но, продолжалъ онъ, переходя съ своею обыкновенною быстротою къ другому предмету, Монмартръ долженъ быть укрѣпленъ, обставленъ пушками большаго калибра, и слѣдовательно могъ сдѣлать сильный отпоръ непріятелю.

— Къ-счастію, Государь, непріятель былъ одняго съ вами мнѣнія о Монмартрѣ, потому-что онъ подошелъ къ нему не ранѣе 3-хъ часовъ и то еще съ большими предосторожностями. На бѣду нашу ни сколько не позаботились объ укрѣпленіи этаго мѣста: ибо тамъ было лишь 6 небольшихъ пушекъ.

Наполеонъ остановился.

— Что они сдѣлали со всѣми моими пушками? спросилъ онъ. Въ Парижѣ ихъ должно быть около 200 и болѣе 200,000 выстрѣловъ. Почему все это не было выстроено въ батареяхъ передъ фронтомъ вашимъ?

— Не знаю, Государь. Исключая 6 большихъ пушекъ, поставленныхъ на дорогѣ передъ Виллеттой, съ количествомъ зарядовъ, очень скоро истощившимся, и шести другихъ пушекъ, размѣщенныхъ на Монмартрѣ, мы, по крайней мѣрѣ на той сторонѣ, гдѣ я находился, должны были довольствоваться нашими обыкновенными полевыми орудіями; и тутъ даже я вынужденъ былъ къ 2 часамъ почти прекратить стрѣльбу, потому-что у насъ не доставало патроновъ, не смотря на многократныя, но безполезныя требованія командующаго нашею артиллеріей. Уркскій и Сен-Денискій каналы, равно какъ и остатки прежнихъ укрѣпленій Парижа, принесли намъ большую поль-

зу: всѣ выгоды, какія только они могли намъ доставить, были извлечены изъ нихъ.

Наполеонъ сдѣлалъ жестъ нетерпѣнія и пошелъ впередъ.

— Дѣлать нечего, сказалъ онъ; я вижу, тамъ всѣ съ-ума сошли. Я начинаю вѣрить тому, что мнѣ сказалъ Савари: «Вотъ что значитъ употреблять людей, которые не имѣютъ здраваго смысла.» И однако жъ Іосифъ воображаетъ, что онъ великій полководецъ! Онъ убѣжденъ, что имѣетъ врожденную способность командовать, и что можетъ столько же хорошо, какъ и я самъ, предводительствовать арміей. Что жъ до Кларка (Clarke), то онъ ничего не знаетъ; это ничтожный человѣкъ, который по навыку умѣетъ заниматься службой канцелярской, а ужъ дальше ничего не видитъ. Гдѣ жъ былъ я въ это время, Бельяръ?

Слишкомъ далеко, Государь, на пагубу нашу. Если бъ вы изволили быть съ арміей въ Парижѣ, мы непремѣнно побѣдили бъ. Непріятель, который во весь день ходилъ какъ-то ощупью и маневрировалъ такъ не удачно, что не разъ подвергался опасности быть очень легко разбитымъ, былъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, смятъ и прогнанъ В. В. И Франція торжествовала бъ теперь свое освобожденіе.

Наполеонъ молчалъ.

— Какъ вели себя Парижане? спросилъ онъ вдругъ.

— Очень хорошо, Государь. Они молились за успѣхъ оружія нашего; заботились о раненыхъ, сажали ихъ въ кареты и отвозили въ госпиталь, снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ. Когда мы вошли въ городъ; когда мы прошли бульвары, чтобы перейти черезъ Сену по мосту Ботаническаго сада—несмѣтная толпа окружала насъ; лица всѣхъ были блѣдны и ясно носили на себѣ слѣды душевной печали; съ чувствомъ глубокой скорьби они смотрѣли на насъ, какъ мы проходили.

Наполеонъ продолжалъ итти, не говоря ни слова. Мы уже отошли-было на милю отъ станціи, когда наткнулись на авангардъ пѣхоты.

— Какой это отрядъ?

— Корпуса маршала Мортье, Государь!

— Позовите маршала.

— Я послалъ за Мортье; онъ былъ еще въ Парижѣ.

Тутъ лишь только Императоръ, уступая возобновленнымъ просьбамъ Князя, Коленкура и моимъ, согласился возвратиться въ Cour de France. Онъ здѣсь отужиналъ и вслѣдъ за-тѣмъ отправился въ Фонтенбло, давъ напередъ приказаніе всѣмъ войскамъ собраться завтра на дорогѣ Эссонской. Когда мы возвратились на станцію и подали свѣчи, я старался попристальнѣй разсмотрѣть Императора, котораго не могъ видѣть прежде на дорогѣ ночью. Лице его нисколько не измѣнилось; никто бы не прочиталъ на немъ, какое впечатлѣніе произвели на него всѣ извѣстія, мною ему сообщенныя. Онъ казался лишь очень усталымъ; но это происходило отъ того, что онъ проскакалъ верхомъ около 30 лье, желая поспѣть скорѣе и прибыть въ Парижъ прежде событія, которое онъ долженъ былъ предвидѣть, когда узналъ, что союзныя арміи опередили его и идутъ къ Парижу. Наполеону и удалось бы непремѣнно перегнать непріятеля, если бы ему не пришло въ голову итти на Витри, въ твердой увѣренности, что союзники послѣдуютъ за нимъ.

Наполеонъ ошибся и былъ за то наказанъ.

§ 2. Отреченіе Императора.

Маршалы Ней, Макдональдъ и герцогъ Виченскій, отправляясь изъ Фонтенбло въ Парижъ для свиданія съ союзными Монархами, должны были заѣхать

въ Эссонь за маршаломъ Мармономъ, герцогомъ Рагузскимъ. У Мармона, какъ кажется, тогда уже были начаты переговоры съ непріятелемъ. Не смотря на это, онъ однако жъ все-таки отправился вмѣстѣ съ прочими, въ качествѣ коммисара Императора, которому уже успѣлъ измѣнить, а начальство надъ своимъ корпусомъ передавъ на-время своего отсутствія генералу Сугему (Souham). Коммисары прибыли въ Парижъ; они сперва навѣстили о себѣ временное правительство и потомъ союзныхъ Монарховъ. Судя по извѣстіямъ, отъ нихъ полученнымъ въ теченіе ночи, переговоры шли удачно, и они надѣялись, что въ аудіенцію, обѣщанную имъ на слѣдующій день союзными Монархами, успѣютъ все привести къ счастливому концу; они говорили также, что армія наша все еще внушала страхъ, и что ей стоитъ лишь сохранить свой грозный видъ для того, чтобы принудить непріятеля быть посговорчивѣй.

Но въ эту же самую ночь весь корпусъ герцога Рагузскаго перешелъ на сторону непріятеля и былъ направленъ къ Версалю. Такимъ образомъ вся Фонтенблоская дорога осталась открытою, и любой казачій полкъ могъ бы безъ всякаго препятствія пройти до самаго Фонтенбло. Передовые отряды маршала Мортье, бывшаго на лѣвомъ флангѣ, не встрѣтили на слѣдующее утро по дорогѣ къ Эссони ни одного солдата. Одинъ изъ офицеровъ штаба генерала Борд-

су (Bordesoult), узнавъ о происходящемъ, тотчасъ же поскакалъ къ Императору, чтобы извѣстить его объ измѣнѣ Мармона. Вскорѣ послѣ того маршалъ Мортье подтвердилъ это извѣстіе. Императоръ приказалъ мнѣ, для прикрытія дороги, размѣстить по ней нѣсколько кавалерійскихъ полковъ: онъ казался очень разстроеннымъ отъ происшествія, котораго никакъ не могъ себѣ объяснить. Онъ отдалъ мнѣ приказаніе осмотрѣть лично, заняты ли снова оставленныя позиціи; потомъ, помолчавъ съ-минуту, сказалъ мнѣ:

— Кто бы могъ ожидать подобнаго поступка отъ Мармона, отъ человѣка, съ которымъ я раздѣлилъ свой кусокъ хлѣба, котораго я извлекъ изъ ничтожества, которому я далъ и состояніе и имя!... Но такова участь Государей: за всѣ ихъ добрыя дѣла имъ всегда платятъ неблагодарностію.... Не можетъ быть однако жъ, чтобы корпусъ Мармона зналъ, куда его ведутъ; невѣроятно, чтобъ эти храбрые солдаты, которые еще вчера показали мнѣ столько знаковъ своей преданности и своей отваги, могли меня такъ низко, такъ подло оставить: но пусть такъ; поѣзжайте, Бельяръ, осмотрите все и возвращайтесь скорѣе.

Всѣ приказанія его были въ-точности исполнены, я донесъ объ этомъ Императору; онъ одобрилъ всѣ сдѣланныя распоряженія.

§ 3. Письмо капитана Маньена.

«Я былъ прикомандированъ къ штабу генерала Бордсу, начальствовавшаго первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, который находился подъ вѣдѣніемъ герцога Рагузскаго; я разстался съ нимъ лишь въ Эссони, тогда-когда армія маршала Мармона начала свое предательское движеніе на Версаль, гдѣ генералъ Сугемъ, временный начальникъ этой арміи, надѣялся получить дальнѣйшія приказанія Б., маршала, находившагося уже два дня въ Парижѣ.

«Рано утромъ, 3 или 4 Апрѣля, не помню хорошенько числа, армія потянулась по дорогѣ къ Парижу, не встрѣтивъ ни малѣйшаго препятствія (всѣ эти мѣста были оставлены непріятелемъ) Всѣмъ начальствующимъ въ арміи былъ отданъ приказъ находиться передъ фронтами своихъ полковъ и соблюдать величайшій порядокъ въ походѣ Это было сдѣлано для того, чтобы лишить офицеровъ возможности сходиться, потому-что они, не понимая вовсе цѣли предпринятаго движенія, начинали уже роптать и безпокоиться. Лишь нѣсколько генераловъ были участниками этаго заговора, а именно: дивизіонные начальники Сугемъ и Бордсу. Узнавъ о происходящемъ, я рѣшился сообщить объ этомъ генераламъ Габеру и Латуръ-Фруасеку, и я твердо убѣжденъ, что если бъ мнѣ удалось исполнить намѣреніе, намъ не пришлось бы сѣтовать о тѣхъ несчастіяхъ,

которыя были послѣдствіемъ этой бѣдственной измѣны. Ночь была такъ темна, что ни зги не было видно; кто-то, на-бѣду, подслушалъ меня, когда я приказывалъ своему лакею возвратиться на Фонтенблоскую дорогу. Я замѣтилъ, что за мною стали присматривать; самъ генералъ Бордсу безпрестанно освѣдомлялся о мнѣ. Наконецъ, удалившись на минуту, я разслышалъ, какъ было приказано отыскать меня. Тогда я подумалъ, что время побѣга настало; я поскакалъ во весь опоръ и остановился лишь тогда, когда подъѣхалъ къ самому Фонтенблоскому дворцу Въ ту жъ секунду я потребовалъ свиданія съ дежурнымъ Генераломъ. Меня отвели къ графу Бельяру, которому я обо всемъ расказалъ. Генералу сначала показалось, что я брежу въ припадкѣ сумашествія; но его заблужденіе продолжалось не долго. «*Несчастный*, сказалъ онъ, *какое горестное извѣстіе привезли вы!*» и взявъ меня за руку, онъ повелъ меня по коридору. *Послѣдній ударъ нанесенъ*, примолвилъ онъ, отворяя двери, и я встрѣтился лицемъ къ лицу съ Императоромъ. Заложивъ на спину руки, онъ ходилъ взадъ и впередъ по огромной залѣ. Генералъ Бельяръ, видимо растроганный, сказалъ ему:

— Государь, дурныя вѣсти умножаются.

«Императоръ подошелъ ко мнѣ и съ невѣроятнымъ спокойствіемъ спросилъ меня :

— Откуда вы?

«Я ему тотчасъ объяснилъ всѣ обстоятельства несчастнаго дѣла, что долженъ былъ повторить до трехъ разъ. Онъ надавалъ мнѣ множество вопросовъ, которые однако жъ считаю излишнимъ повторять. Онъ между-прочимъ сказалъ: «Какъ! . . . Бордсу и Сугемъ.... Они себѣ самимъ вредятъ гораздо болѣе, нежели мнѣ.» Потомъ, минуты черезъ двѣ или три, онъ сказалъ еще: «Но такъ-какъ тебѣ нельзя было увѣдомить тѣхъ генераловъ, которые могли бы отмѣнить движенiе войскъ на Версаль, за-чѣмъ не размозжилъ ты голову этому Бордсу? Вотъ какъ поступилъ бы на твоемъ мѣстѣ настоящiй молодецъ: впрочемъ, я знаю, ты объ этомъ не подумалъ». Я уже собирался выйти, думая, что Императоръ не имѣетъ ничего болѣе сказать мнѣ, какъ вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ графомъ Бельяромъ, который только лишь успѣлъ возвратиться съ генераломъ Флаго (Flahault). Онъ очень ласково спросилъ меня, не имѣю ли я къ нему какой-либо просьбы. На отвѣтъ мой, что я ничего не желаю, кромѣ счастiя быть причисленнымъ къ его свитѣ, онъ горько улыбнулся и сказалъ:

— Мы увидимъ. Я увѣренъ, что всегда и вездѣ, чтобы ни случилось, могу на тебя положиться.

«Потомъ, обращаясь къ генералу Бельяру, онъ примолвилъ:

— Вотъ, генералъ, изъ цѣлаго корпуса моей арміи единственный офицеръ, который не позволилъ себя обмануть. Прошу имѣть его всегда въ-виду. Я вамъ его поручаю. Въ слѣдствіе сего я былъ причисленъ къ штабу графа Бельяра, которому и обязанъ, что въ 1815 году не палъ жертвою тѣхъ людей, которые играли ролю въ этой измѣнѣ.

Маньенъ (Magnien).»

За пять дней до того генералъ Сугемъ получилъ еще отъ Императора 40,000 франковъ золотомъ.

§ 4. Маршалъ Мармонъ.

Во весь этотъ денъ Императоръ былъ пасмуренъ: съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Парижа, чтобы узнать, какія послѣдствія имѣли переговоры, начатые наканунѣ, и которые, судя по первымъ слухамъ, должны были кончиться благополучно. Наконецъ прибылъ курьеръ, посланный коммисарами, съ дурною вѣстію, что переговоры, благодаря измѣнѣ Мармона, не удались. Вскорѣ за-тѣмъ явился маршалъ Макдональдъ, и извѣстивъ Императора о всемъ происходившемъ, совѣтовалъ ему рѣшительно и не медля отказаться отъ престола, потому-что союзные

Монархи изъявили намѣреніе возстановить династію Бурбоновъ. Макдональдъ очень долго разговаривалъ съ Императоромъ и, вышедъ отъ него, остановился на нѣкоторое время въ адъютантской комнатѣ, гдѣ и расказалъ мнѣ подробно, что и какъ было. Вотъ его расказъ: «Отправившись изъ Фонтенбло, мы за- «ѣхали въ Эссонь за маршаломъ Мармономъ, какъ »однимъ изъ 4 коммисаровъ, назначенныхъ Импера- »торомъ для переговоровъ съ союзными Монархами. »Когда я пріѣхалъ къ Мармону и объявилъ ему о »порученіи Императора, онъ казался смущеннымъ, »долго отнѣкивался и наконецъ кончилъ признаніемъ, »что получилъ предложеніе отъ союзныхъ Монарховъ, »и въ слѣдствіе того вошелъ уже съ ними въ пере- »говоры. Я спросилъ его, не заключилъ ли онъ съ »ними какихъ-либо условій; онъ увѣрилъ меня, что »нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я ему, нечего и »толковать объ этомъ, и мы слѣдовательно всѣ вмѣ- »стѣ начнемъ согласно дѣйствовать отъ имени всей »арміи. Онъ на это далъ мнѣ замѣтить, что не мо- »жетъ быть коммисаромъ; тогда я сказалъ ему: ваши »поступки кажутся, по крайней мѣрѣ, странными; »чтобы оправдать себя, вамъ остаются только два »средства: или отправиться въ Фонтенбло и признать- »ся во всемъ Императору; или поѣхать съ нами въ «Парижъ, такъ-какъ вы увѣряете, что не заключа- »ли никакихъ условій съ непріятелемъ. Онъ рѣшил- »ся на послѣднее, потому-что первое средство ему »казалось черезъ-чуръ затруднительнымъ: онъ боялся

»жандармовъ Наполеона. Мы отправились вмѣстѣ. »Прибывъ въ главную квартиру князя Шварценбер»га, которому мы должны были объяснить причину »нашего пріѣзда. Мармонъ сказалъ мнѣ: я не хочу »показываться... Такъ оставайтесь въ каретѣ; я вый»ду. Я посѣтилъ князя Шварценберга, потомъ за»шелъ къ принцу Виртембергскому, который въ »разговорѣ сказалъ мнѣ, что корпусъ маршала Мар»мона оставляетъ насъ и передается на ихъ сторону. »Я замѣтилъ Принцу, что все это лишь одни пред»положенія; но онъ увѣрилъ меня, что всѣ условія, »предложенныя Мармономъ, были приняты, и что о »всемъ уже уговорились и условились, въ чемъ и по»ручился мнѣ своимъ честнымъ словомъ. Это мнѣ »показалось очень страннымъ послѣ всего того, что »говорилъ Мармонъ; я не хотѣлъ ничего болѣе слы»шать и возвратился къ князю Шварценбергу, гдѣ »оставилъ свою карету и въ ней маршала Мармона. Я »очень удивился, найдя карету свою пустою; Мармонъ »разговаривалъ съ княземъ Шварценбергомъ, къ ко»торому вошелъ тогда, когда я оттуда вышелъ. Я »отправился за нимъ; мы распрощались съ Княземъ »и поѣхали далѣе по дорогѣ въ Парижъ. Я раска»залъ Мармону о разговорѣ моемъ съ принцемъ Вир»тембергскимъ; онъ снова побожился, что все мною »слышанное, была одна выдумка; а когда я сказалъ »ему, что очень удивился, найдя его у Шварценбер»га, тогда-какъ онъ увѣрялъ, что не хотѣлъ съ нимъ »видѣться; то онъ отвѣчалъ мнѣ: Князь вѣроятно отъ

»людей узналъ, что я въ каретѣ; онъ самъ при-»шелъ просить меня зайти къ нему, и я слѣдователь-»но не имѣлъ никакой возможности отказаться.

»По прибытіи нашемъ въ Парижъ, мы, т. е. »герцогъ Виченскій, Ней и я, посѣтили временное »правительство; Мармонъ не показывался; мы объ-»явили о причинѣ нашего пріѣзда. Вечеромъ мы имѣ-»ли аудіенцію у Россійскаго Императора, и тутъ же »сдѣлали предложеніе объ отреченіи Наполеона въ »пользу его сына. Временное правительство на каж-»домъ шагу дѣлало новыя возраженія и шло явно »противъ насъ; Императоръ Россійскій однако жъ »признавалъ предложенія наши удобоисполняемыми, »и такимъ образомъ все, по-видимому, клонилось къ »увѣнчанію успѣхомъ предпринятой нами негоціаціи. »Окончательное заключеніе договора отложили до »слѣдующаго утра. Мы особенно упирались на не-»измѣнную волю арміи, а этотъ доводъ, какъ намъ »казалось, имѣлъ большой вѣсъ; армія наша все еще »продолжала внушать и страхъ и уваженіе. На утро »слѣдующаго дня мы отправились къ Россійскому »Императору и должны были бороться съ новыми »затрудненіями: временное правительство успѣло скло-»нить умы къ принятію его системы, которая рѣши-»тельно противорѣчила нашей; не смотря на все од-»нако жъ мы, казалось, уже успѣвали въ своемъ »предпріятіи, какъ вдругъ кто-то вошелъ и доложилъ »по-Русски Императору Александру, что маршалъ

»Мармонъ перешелъ на ихъ сторону. Герцогъ Виченскій, который понималъ по-Русски, сказалъ намъ: «дурныя вѣсти!» И въ-самомъ дѣлѣ съ этихъ поръ »все перемѣнилось. Императоръ Россійскій сказалъ »намъ: «Господа, вы особенно ссылаетесь на волю »арміи? Но точно ли вы убѣждены въ ея вѣрности? »Знаете ли вы, что теперь происходитъ? Знаете ли, »что весь безъ исключенія корпусъ Мармона пере»шелъ на сторону князя Шварценберга?» Мы отвѣ»чали ему, что все это намъ кажется невѣроятнымъ, «и что Е. В., должно быть, обманутъ ложными до»несеніями. Тогда Императоръ сказалъ намъ: «Чи»тайте!» и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ намъ только лишь »имъ полученное письмо отъ князя Шварценберга и »подлинный договоръ, заключенный съ маршаломъ «Мармономъ. Наши руки опустились: мы не могли »долѣе сомнѣваться. Тогда Е. В. объявилъ намъ, »что обстоятельства эти перемѣняютъ весь ходъ дѣла, »и, побужденный къ тому временнымъ правитель»ствомъ, сталъ уже требовать безусловнаго отреченія »отъ престола императора Наполеона. Онъ объявилъ, »что учрежденіе регенства теперь не можетъ имѣть »мѣста, и что династія Бурбоновъ будетъ возстановле»на. Такимъ образомъ все рушилось въ ту жъ самую »минуту, когда мы думали-было все кончить, »какъ нельзя лучше! Виною въ этомъ одна лишь из»мѣна Мармона; если бъ онъ остался вѣрнымъ, мы, »имѣя всю армію на нашей сторонѣ, безъ всякаго со«мнѣнія имѣли бы регенство съ сыномъ Императора.

»Старанія наши были тщетны, ничто не помогало: »Императоръ Россійскій остался твердъ въ предпри»нятомъ намѣреніи. Намъ ничего другаго не остава»лось дѣлать, какъ прекратить безполезные перегово»ры и возвратиться въ Фонтенбло за новыми инструк»ціями. На дорогѣ мы встрѣтили корпусъ маршала »Мармона, который, въ рядахъ непріятельскихъ, на»правлялъ свой путь въ Версаль. Поступокъ Мармо»на безпримѣренъ: онъ ужаснулъ всѣхъ и удивляетъ »даже самыхъ союзниковъ, которые никакъ не ожи»дали *подобнаго* успѣха. Сугемъ командовалъ инфан»теріей, а кавалеріей Бордсу. Солдаты шли съ поник»шими головами, въ безмолвіи, и я увѣренъ, что ес»ли бъ въ эту минуту показался Мармонъ, ему бы »несдобровать».

§ 5. Послѣдній разговоръ Наполеона.

. . . . . Маршалъ Макдональдъ возвратился изъ Парижа съ договоромъ, заключеннымъ и утвержденнымъ союзными Монархами. Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ маршалъ Макдональдъ и герцогъ Виченскій поступили какъ благородные люди; они сдѣлали все, что можно было сдѣлать въ пользу Императора.

Въ тоже время Макдональдъ привесъ намъ и извѣстіе, что Бурбоны скоро вступятъ на престолъ Франціи; что графъ Артуа, въ качествѣ генералъ-лей-

тенанта королевства, уже находился въ Парижѣ. Императоръ внималъ всему съ ненарушимымъ хладнокровіемъ; другой бы подумалъ, что говорятъ о вещахъ, нисколько до него не касающихся. Наполеонъ много разговаривалъ и казался совершенно спокойнымъ.

— Теперь все уже кончено, сказалъ онъ намъ, и такъ-какъ мнѣ нельзя остаться, то лучшее, чего мы можемъ желать, есть возвращеніе Бурбоновъ. Они должны согласить всѣ партіи. Король приметъ Францію въ такомъ видѣ, въ какомъ ее захотятъ ему вручить; я же могъ бы ее сохранить только такою, какою она была во время моего царствованія. Король имѣетъ умъ, имѣетъ свѣдѣнія и не лишенъ хорошихъ способностей. Онъ старъ и хворъ: ему вѣроятно не захочется соединить свое имя съ дурнымъ царствованіемъ. Если онъ желаетъ поступить благоразумно, то долженъ лечь въ мою постель, перемѣнивъ на ней лишь только одно бѣлье; онъ добръ, ему хорошо въ ней будетъ спать. Если его семейство не станетъ вести себя безразсудно, вы будете счастливы, вы будете жить спокойно. Нужно обойтись ласково съ арміей, не вспоминать стараго, ибо въ противномъ случаѣ царствованіе не можетъ быть продолжительно; въ особенности же не нужно трогать національныхъ имѣній (biens nationaux); это могло бы подать поводъ ко всеобщему возстанію. Это фундаментъ, на которомъ все зданіе покоится: выньте только одинъ камень — равновѣсіе будетъ нарушено,

и все зданіе неминуемо падетъ. Королю много будетъ хлопотъ съ Сенжерменскимъ предмѣстіемъ. Если онъ хочетъ долго царствовать, то долженъ поступать вопреки его понятіямъ. Предмѣстіе это кажется мнѣ какою-то чуждою колоніей посреди царства, колоніей, которая все любитъ относить къ себѣ, очень мало заботится о благѣ Франціи, и лишь думаетъ о сохраненіи своихъ привиллегій, почестей и богатствъ, воображая, что для нихъ только и сотворилъ его Господь Богъ.

— Если бъ я былъ на мѣстѣ Короля, продолжалъ Наполеонъ, я бы не сохранилъ моей гвардіи: только я одинъ могу ею предводительствовать; къ-тому жъ она мнѣ такъ хорошо служила, что навсегда сохранитъ о мнѣ воспоминанія. Я бы хорошо обошелся съ нею, но я бы распустилъ ее; тѣхъ же офицеровъ и солдатъ, которые захотѣли бы продолжать службу, я бы распредѣлилъ по разнымъ армейскимъ полкамъ, и составилъ бы себѣ новую гвардію изъ солдатъ арміи.

Императоръ разговаривая продолжалъ ходить по комнатѣ. Переставъ говорить, онъ остановился, посмотрѣлъ на насъ долго и пристально и сказалъ намъ:

— Господа, съ того времени, какъ я перестаю царствовать, вы уже имѣете другое правительство

и должны привязаться къ нему искренно и служить ему такъ же хорошо, какъ вы мнѣ служили. Я вамъ это совѣтую, я вамъ даже приказываю. И такъ если кому-нибудь изъ васъ хочется быть въ Парижѣ прежде, нежели я отправлюсь, то каждый воленъ поступить, какъ ему заблагоразсудится; тѣ же изъ васъ, которые желаютъ остаться, должны послать писменное согласіе на признаніе новаго правительства.

Князь Бертье, который всю ночь продумалъ о томъ, на что ему рѣшиться, на слѣдующій день прочиталъ намъ написанное имъ согласіе арміи на условія договора, прочиталъ намъ эту бумагу нѣсколько разъ, сдѣлалъ нѣкоторыя въ ней поправки и отослалъ ее въ Парижъ.

§ 6. Отравленіе Наполеона.

. . . Императоръ велѣлъ подать себѣ пистолеты, находившіеся въ каретѣ, въ которой онъ намѣревался отправиться въ свою ссылку, долженствовавшую, противъ всякаго чаянія, такъ скоро кончиться. Пистолеты отнесли въ спальню Наполеона. Ихъ положили на столъ, объяснивъ Императору, что они заряжены. Когда онъ осмотрѣлъ ихъ, камердинеръ его Констанъ хотѣлъ ихъ снова отнести въ карету; но онъ не позволилъ и велѣлъ ихъ оставить на столѣ. Это случилось въ первый разъ: Наполеонъ никогда не оставлялъ пистолетовъ въ своей комнатѣ. Кон-

станъ снова спросилъ, не вынести ли ихъ, и получивъ прежній отвѣтъ, подумалъ, не имѣетъ ли Императоръ намѣренія покуситься на жизнь свою, и побѣжалъ объявить объ этомъ опасеніи своемъ шталмейстру, который ожидалъ возврата пистолетовъ, чтобы положить ихъ на-мѣсто.

Въ тотъ же вечеръ Императоръ послалъ за своимъ докторомъ Иваномъ (Ivan) и угрозами принудилъ его сказать ему, какъ великъ долженъ быть пріемъ опіума, достаточный для умерщвленія человѣка. Императоръ всегда имѣлъ при себѣ въ шкатулкѣ 16 грановъ опіума. Поздно вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Императоръ положилъ въ чашку съ чаемъ пріемъ опіума, назначенный докторомъ, и часть тутъ же выпилъ; но вскорѣ раскаялся въ этомъ; позвалъ своего камердинера, и выпилъ много теплой воды для возбужденія рвоты. Всю ночь онъ промучился сильными конвульсіями. Къ полудню ему стало лучше; вечеромъ онъ принялъ насъ, пять или шесть человѣкъ, у себя въ комнатѣ; онъ былъ блѣденъ, и лице его казалось искаженнымъ судорогами. Распространили слухъ, будто Императоръ имѣлъ припадокъ болѣзни, который давно уже былъ подверженъ: всѣ повѣрили, исключая, разумѣется, тѣхъ 6 или 7 человѣкъ, которымъ тайна была извѣстна.... Когда опасность Императора миновалась, Иванъ вышелъ отъ него блѣдный, какъ

смерть, и уѣхалъ изъ Фонтенбло, съ тѣмъ, чтобъ уже болѣе никогда не возвращаться.

§ 7. Сынъ Наполеона.

Слабость Короля снова повергла Францію въ бездну возмущеній: 29 Іюля самыя буйныя страсти готовились завладѣть правительственною властью; изъ-за каждаго угла выглядывала республика; мѣсто веселія заступилъ ужасъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ благонамѣренные люди откровенно пристали къ сторонѣ герцога Орлеанскаго, думая обрѣсти въ немъ якорь спасенія для отечества, и генералъ Бельяръ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые, уступая своимъ убѣжденіямъ и надеждамъ, окружили возникающую династію Лудовика-Филиппа.

Желая прежде всего усмирить народное броженіе, король Французовъ призналъ за самое необходимое сохранить миръ съ Европой, тѣмъ болѣе, что наши арсеналы были пусты, наши укрѣпленія разорены, а наша армія такъ малочисленна, что лишь съ большимъ трудомъ можно бы было собрать около 100.000 войскъ. Генералъ Бельяръ, котораго прежняя служба была во всѣхъ отношеніяхъ достойна похвалы, по назначенію Короля отправился въ Вѣну къ г. Меттерниху съ предложеніемъ о признаніи новаго правительства Франціи. Онъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ успѣлъ упрочить за нею миръ своей родинѣ, который,

по крайней мѣрѣ на первую пору, былъ ей необходимъ.

Но онъ напрасно умолялъ позволить ему, какъ старому солдату Наполеона, увидѣть и поговорить съ сыномъ своего прежняго Государя-героя, умѣвшаго вознести такъ высоко имя, славу и могущество Франціи...Ему отвѣчали, что герцогъ Рейхштадскій, до своего совершеннолѣтія, никого не принимаетъ, но что онъ, если желаетъ, можетъ увидѣть его вечеромъ въ театрѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ тамъ увидѣлъ Принца, котораго встрѣтили общія рукоплесканія. Его наружность была прекрасна и полна граціи; станъ его былъ благороденъ и гибокъ, а глаза его горѣли, какъ взоры того великаго—и все въ немъ показывало желаніе нравиться и быть любимымъ. Но дни его уже были сочтены, и безпощадная смерть уже заносила свою косу надъ его драгоцѣнной, благородной головой!

Но довольно выписывать.

Гизо говоритъ: «каждый геній является въ свое время, приводитъ въ порядокъ матеріалы, собранные вѣками — и умираетъ, окончивъ подвигъ своего назначенія.» И жребій Наполеона совершился. «До сихъ поръ — и не дальше», сказала судьба—и Наполеонъ, не смотря на свои силы Титана, долженъ былъ покориться волѣ, превосходящей его волю желѣзную.

Жизнь Наполеона—цѣлая эпопея, которой не достаетъ лишь Гомера.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучь безсмертія горитъ.

Еще нѣсколько словъ о запискахъ. Мемуары вообще заключаютъ въ себѣ то достоинство, что служатъ какъ бы дополненіемъ исторіи. Исторія говоритъ о герояхъ; записки знакомятъ васъ съ человѣкомъ. Исторія — важный судья, повѣствуетъ о жизни публичной; записки—неразборчивый говорунъ, раскрываютъ передъ вами всѣ тайны жизни домашней. Что же касается собственно до записокъ Бельяра, онѣ кажутся весьма интересными: въ нихъ вы найдете, между прочимъ, много любопытныхъ извѣстій объ Египетскомъ походѣ, о дѣлахъ Бельгійскихъ въ 1831 году и нѣсколько писемъ Наполеона къ Мюрату.

Вотъ анекдотъ изъ Египетскаго похода.

Солдаты были изнурены, не видѣли конца ни пескамъ пустыни, ни своимъ страданіямъ; часто нуж-

дались въ пищѣ, принуждены были пить грязную, вонючую воду, и иногда даже и этаго не имѣли. Солдатъ переноситъ много; но всему есть границы, даже терпѣнію Наполеоновскаго солдата. Они стали роптать, сперва про себя, потомъ во всеуслышаніе.

— Ужъ не въ Индію ли вы насъ задумали вести, Генералъ? сказалъ одинъ гренадеръ, выступая изъ рядовъ.

Наполеонъ окинулъ его взоромъ и съ насмѣшкою отвѣчалъ:

— Не съ такими, какъ вы, солдатами я бы могъ предпринять подобное путешествіе.

Это слово пристыдило солдатъ. Они скрѣпились духомъ, собрались съ силами и пошли—скоро, бодро, безропотно.

Чего не могъ предпринять Наполеонъ съ подобными солдатами? Нужно умѣть расшевелить солдата, задѣть его за-живое; тогда онъ становится героемъ, львомъ, которому и Альпы ничего. Вотъ въ чемъ заключается, по крайней мѣрѣ, большая часть тайны успѣховъ великихъ полководцевъ. Наполеонъ владѣлъ этимъ искуствомъ въ высочайшей степени. Такимъ же образомъ поступалъ и нашъ Суворовъ.

Не помню хорошенько, въ которомъ изъ сраженій Италіанскаго похода, наши дрогнули и побѣжали. Суворовъ побѣжалъ ихъ шибче. «Летите, ребятушки, говорилъ онъ, заманивайте врага-то, заманивайте!» И солдатъ убѣдился, что бѣжитъ не потому, что страшно стало, а потому, что такъ нужно. Вдругъ Суворовъ остановился. «Стой!» «раздалось по рядамъ. «Направо кругомъ»! и Русскіе штыки прогнали непріятеля, который уже готовился торжествовать побѣду.

Кстати о Суворовѣ

Князь Италійскій, какъ всѣмъ извѣстно, терпѣть не могъ *немогузнаекъ*, а очень любилъ толковать обо всемъ и про все. Расказываютъ, что разъ какъ-то за обѣдомъ зашла рѣчь и объ орнитологіи—и Суворовъ, говоря между прочимъ о канарейкахъ, притворился, что забылъ это имя, и обращаясь къ одному изъ офицеровъ, тутъ же сидѣвшихъ, спросилъ его:

— Какъ-бишь зовутъ эту маленькую желтобокую птичку?

Офицеръ этотъ, Малороссъ огромнаго роста, съ огромными усами, и кажется, съ огромнымъ носомъ, съ трудомъ проглотилъ огромный кусокъ говядины, только лишь положенный въ ротъ, и утирая усы, сквозь слезы отвѣчалъ:

— *Журавль*, Ваше Сіятельство !

Суворовъ и не поморщился, но съ своею обыкновенною важностію поблагодарилъ офицера за скорый отвѣтъ.

К. Петерсонъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ ВЪ ДѢТСТВѢ.

(Изъ записокъ о моемъ знакомствѣ).

Когда это было, въ 1810, 1811, или не позднѣе, какъ въ началѣ 1812 года, и въ какую именно пору, право этаго хорошенько и точно я теперь сказать не могу. Тридцать лѣтъ назадъ—порядочная работа для памяти человѣческой!

Впрочемъ, сознаюсь въ моей слабости, я люблю и очень люблю подъ-часъ занять себя и лѣтописью и хроникою; за-то ужъ на года, точно также, какъ на мѣсяцы и числа, меня недостанетъ никогда. Повѣрите ли, что даже, когда бываю въ присутствіи, то обыкновенно спрашиваю секретаря: *а что, какое нынче у насъ число?* Секретарь, аккуратный Нѣмецъ, а притомъ и юридическаго факультета студентъ, всегда улыбается этому почти ежедневному моему вопросу. Да! я думаю, пусть его улыбается; а я буду его спрашивать о числахъ. Числа и *числительное* — великое дѣло на бѣломъ свѣтѣ: для *него* и для *нихъ* живутъ...

По другому пункту всякую философію въ сторону — и я обращаюсь къ простому дѣлу. Съ инаго взгляда, говорю я, можно утверждать, что *числа, мѣсяцы* и *годы* могли быть и поставлены въ той *моей запискѣ,* о которой шествуетъ рѣчь; да этой ставкѣ измѣнили чернилы: частехонько бывало (въ моей чернильницѣ) ученическія, блѣдныя, водяныя — по этому-то и стерлось все. И *моего всего* какъ будто бы и неродилось! все пропало! Такимъ - то образомъ о вышеупомянутыхъ годахъ я ничего не могу сказать съ *числительною* достовѣрностію.

Однако жъ я очень помню, что въ этотъ годъ, да, именно въ этотъ, когда я узналъ Александра Сергѣевича *Пушкина*, я, начиная съ Октября, или съ Ноября мѣсяца, непремѣнно, какъ по-должности, каждосубботно являлся въ *Нѣмецкую* слободу къ графу Дмитрію Петровичу *Бутурлину*, и потомъ, въ слѣдствіе *оной-то* моей явки, танцовалъ тамъ до упаду! Мнѣ никакъ нельзя отказаться отъ истинной моей страсти къ танцамъ: вѣдь многіе еще очень помнятъ тѣ забавные стишонки, въ которыхъ такъ просто, безъ всякихъ обиняковъ, поименованы были всѣ тогдашніе мои современники, Московскіе танцовщики, *бальники* и даже дѣвицы тѣхъ же временъ, *бальницы* – танцовщицы. Посудить, такъ это дѣло святотатственное. Ужъ какая кому нужда трогать дѣвицъ? Но тутъ же и я грѣшный выставленъ былъ въ презабавной каррикатурѣ, какимъ-то гусемъ, съ

какими-то Англійскими шагами и съ упрекомъ, не въ бровь, а въ самый глазъ, что я же, въ то время, жилъ самымъ курьёзнымъ, или, вѣрнѣе сказать, самымъ смѣшнымъ журналистомъ. Издатель Русскаго Вѣстника, благородный Сергій Николаевичъ *Глинка*, назвалъ всѣ упомянутые съ *поименовкою* стихи пасквилемъ и напечаталъ о нихъ препорядочную статейку.

Поразмыслишь теперь, такъ вдоволь смѣшны были эти дни моей юности! Я и многіе *очень* рады были, что попали въ реченный пасквиль: мы тогда смѣялись *ему* отъ души, а другіе на то же сердились. Но что говорить о томъ, что такъ давно миновало и что здѣсь совсѣмъ мнѣ не къ-дѣлу? Мало ли что шло и что бывало!...

Я обѣщалъ говорить о маленькомъ *Пушкинѣ*, который въ самое это же время, когда я припрыгивалъ, былъ еще совершеннымъ ребенкомъ, ни мною, ни всѣми моими товарищами-прыгунами почти незамѣчаемый. Такъ было; но думаю, что и нынѣшній прыгунъ едва ли замѣчаетъ что-нибудь подобное? Credo di si!

Подлѣ самаго *Яузкаго* моста, т. е. не переѣзжая его къ *Головинскому* дворцу, почти на самой *Яузѣ*, въ какомъ-то полукирпичномъ и полудеревянномъ домѣ жилъ Сергій Львовичъ *Пушкинъ*, отецъ нашего знаменитаго Поэта — и вотъ всѣ гости, которые

бывали тогда на субботахъ графа Д. П. *Бутурлина*, бывали и у *Пушкина*. Домъ Бутурлиныхъ и домъ Пушкиныхъ имѣли какую-то старинную связь, стѣну о стѣну, знакомство короткое; къ этому же присоединилось и настоящее близкое сосѣдство квартиры Пушкиныхъ съ домомъ Графа Бутурлина; къ этому же, то есть *къ заѣзду* въ одно время и къ Пушкинымъ и къ Бутурлинымъ, много способствовала даже и дальняя отъ гнѣзда Московской аристократіи (Поварской и Никитской съ товарищами) Нѣмецкая слобода (*прибрежья* Головинскія) — и вотъ потому-то какой нибудь житель Тверской улицы, или Арбатской, не безъ пользы и для себя и для коней своихъ всегда расчитывалъ, что, ѣхавши въ Нѣмецкую слободу къ *тому-то*, кстати тамъ же заѣхать еще и къ *тому-то* и къ *третьему*. Да, *Москва—дистанція огромнаго размѣра!*...

Въ самомъ-дѣлѣ: на примѣръ, мнѣ съ *Большой* Никитской улицы отъ *Стараго* Вознесенья, въ приходѣ котораго я жилъ, тутъ было путешествіе порядочное; а были еще люди, которые ѣздятъ и ѣзжали туда же, въ *Нѣмецкую* слободу, изъ-за *Москворѣчья*, съ *Прѣсни*, съ *Защѣпы* и проч. и проч. Этакихъ гостей ужъ можно и должно было называть совершенно дорожными.

С. Л. *Пушкинъ* и насъ прыгуновъ очень часто, да и почти всегда, приглашалъ къ себѣ также наряду съ другими.... У меня на умѣ тогда бывала

какая-то баронесса Б... премиленькая, прехорошенькая, немножко блѣдненькая. Да, я именно для нея только никакъ не манкировалъ ни Бутурлинскими, ни Пушкинскими вечерами. *Она*, тогда, какъ моя звѣздочка-*путеводительница*, являлась или тамъ, или сямъ непремѣнно.

Я обыкновенно посѣщалъ Сергія Львовича или съ братомъ его Василіемъ Львовичемъ, или еще чаще, ибо Василій Львовичь не всегда жилъ въ Москвѣ, съ княземъ . . . . или съ Ст . . . ромъ. . . .

Молодой Пушкинъ, какъ въ эти дни мнѣ казалось, былъ скромный ребенокъ; онъ очень понималъ себя; но никогда не вмѣшивался въ дѣла большихъ, и почти вѣчно сиживалъ какъ-то въ уголочкѣ, а иногда стаивалъ прижавшись къ тому стулу, на которомъ угораздивался какой-нибудь добрый ораторъ, басенной эпиграмистъ, а еще чаще подлѣ *какаго же нибудь графчика чувствъ;* этотъ тоже читывалъ и проповѣдывалъ *свое*; и если тамъ, или сямъ, то есть, у того или другаго, вырывалось что-нибудь превысиренне-піитическое, забавное для отрока, будущаго поэта, онъ не воздерживался отъ улыбки. Видно, что и тутъ ужъ онъ очень хорошо зналъ цѣну поэзіи.

Однажды точно, при подобномъ же случаѣ, когда одинъ поэтъ-морякъ провозглашалъ торжественно свои стихи и гдѣ какъ-то пришлись:

И этотъ кортикъ,
И этотъ чортикъ!

Александръ Сергѣевичь такъ громко захохоталъ, что Надежда Осиповна, мать поэта Пушкина, подала ему знакъ — и Александръ Сергѣевичь насъ оставилъ. Я спросилъ однаго изъ моихъ пріятелей, душою преданнаго настоящему чтецу: «что случилось?» — «Да вотъ шалунъ, повѣса!» отвѣчалъ мнѣ очень серьёзно добрякъ-товарищъ. Я улыбнулся этому замѣчанію, а жившій у Бутурлиныхъ ученый Французъ *Жиль* дружески пожалъ Пушкину руку, и оборотясь ко мнѣ сказалъ: «чудное дитя! какъ онъ рано все началъ понимать! Дай Богъ, чтобы этотъ ребенокъ жилъ и жилъ; вы увидите, что изъ него будетъ!» *Жиле* хорошо разгадалъ будущее Пушкина; но *его дай Богъ* не дало *большой* жизни Александру Сергѣевичу.

Въ теплый Майскій вечеръ мы сидѣли въ Московскомъ саду графа Бутурлина; молодой Пушкинъ тутъ же рѣзвился, какъ дитя, съ дѣтьми. Извѣстный графъ П. . . упомянулъ о дарѣ стихотворства въ Александрѣ Сергѣевичѣ. Графиня Анна Артемьевна (Бутурлина), необыкновенная женщина въ свѣтскомъ обращеніи и привѣтливости, чтобъ какъ-нибудь не огорчить молодаго поэта, можетъ быть, нескромнымъ словомъ о его піитическомъ дарѣ, обращалась съ похвалою только къ *его* полезнымъ занятіямъ, но *никакъ* не хотѣла, чтобъ *онъ* показывалъ намъ свои

стихи; за-то множество жившихъ у Графини молодыхъ дѣвушекъ иностранокъ и Русскихъ почти тутъ же окружили Пушкина съ своими альбомами и просили, чтобъ онъ написалъ для нихъ хоть что-нибудь. Пѣвецъ-дитя смѣшался. Нѣкто N. N., желая поправить это замѣшательство, прочелъ дѣтскій *катренъ* поэта и прочелъ по-своему, какъ замѣтили тогда, по образцу высокой рѣчи на *о*. Александръ Сергѣевичь успѣлъ только сказать: ah! mon Dieu—и выбѣжалъ.

Я нашелъ его въ огромной библіотекѣ графа Дмитрія Петровича; онъ разглядывалъ затылки сафьянныхъ фоліантовъ и былъ очень недоволенъ собою. Я подошелъ къ нему и что-то сказалъ о книгахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: повѣрите ли, этотъ г. N. N. такъ меня озадачилъ, что я не понимаю даже и книжныхъ затылковъ.

Вошелъ графъ Дмитрій Петровичь съ дѣтьми, чтобъ показать имъ картинки какаго-то фоліанта. Пушкинъ присоединился къ нимъ, но очень скоро ушелъ домой.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ одни начали толковать о молодомъ Пушкинѣ, нѣкоторые все еще не вѣрили его дарованіямъ и очень нерѣдко приписывали его стихотворенія другимъ поэтамъ (такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говаривали о многихъ изъ его пьесъ), самъ Мерзляковъ, нашъ учитель пѣсни,

не видалъ въ Пушкинѣ ничего классическаго, ничего университетскаго; а послѣдняя бѣда, для многихъ, была горше первой.

Владиміръ Васильевичъ *Измайловъ*, первый достойно оцѣнилъ дарованія Пушкина; онъ напечаталъ многія изъ его пьесъ въ своемъ журналѣ *Музеумъ*. Кто не помнитъ тамъ *Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ*, *Посланій къ Батюшкову*, *Къ**** и проч. и проч. Тутъ свѣтились дарованія Пушкина ясно. Дядя его, Василій Львовичь, также предвидѣлъ въ этихъ опытахъ многое; но никакъ не сознавался, чтобъ Александръ Сергѣевичь могъ когда-нибудь превзойти его, какъ поэта и чтеца, въ совершенствѣ чистаго. « Mon cher, говорилъ онъ мнѣ,» ты знаешь, что я люблю Александра, онъ поэтъ, поэтъ въ душѣ; mais je ne sais pas il est encore trop jeune, trop *libre*, и право я не знаю, установится ли онъ когда, entre nous soit dit, comme nous autres etc. etc?»

Пріятель нашъ Борисъ Кириловичь *Бланкъ* нерѣдко споривалъ объ этомъ съ Васильемъ Львовичемъ и говорилъ противъ него за Александра Сергѣевича; но Василій Львовичь стоялъ на-своемъ: увидимъ, mon cher, вотъ онъ поучится; mais, entre nous soit dit, я радъ и тому, что Александровы стихи не пахнутъ Латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго.» Таковы, или почти таковыми

были тогда всѣ заключенія поэта-дяди о его великомъ поэтѣ-племянникѣ.

Наконецъ и Василій Львовичъ Пушкинъ призналъ своего племянника поэтомъ съ отличіемъ, но иногда вѣтренымъ, самонадѣяннымъ. Другіе пѣвцы-старожилы тутъ же явно зачувствовали переломъ классицизму. Не вѣрите? Я покажу, на этотъ счетъ, письмо ко мнѣ покойнаго графа Д. И. Хвостова. Одинъ только И. И. Дмитріевъ, въ иную пору, говаривалъ намъ, что классическая такта и въ стихахъ и въ прозѣ лишаетъ насъ многаго хорошаго — мы какъ-то не смѣемъ не придерживаться къ *Краткому руководству къ ораторіи Россійстей*. Послѣднее заключеніе — слово въ слово *заключеніе* Дмитріева.

Въ дѣтскихъ лѣтахъ, сколько я помню Пушкина, онъ былъ не изъ рослыхъ дѣтей и все съ тѣми же Африканскими чертами физіономіи, съ какими былъ и взрослымъ; но волосы въ малолѣтствѣ его были такъ кудрявы и такъ изящно завиты Африканскою природою, что однажды мнѣ И. И. Дмитріевъ сказалъ: «Посмотрите, вѣдь это настоящій Арабчикъ». Дитя разсмѣялось и, оборотясь къ намъ, проговорило очень скоро и смѣло: «По крайней мѣрѣ отличусь тѣмъ и не буду *рябчикъ*.« Рябчикъ и Арабчикъ оставались у насъ въ цѣлый вечеръ на зубахъ.

Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ Александра Сергѣевича на похоронахъ добраго Василья Львовича. Съ примѣтною грустью молодой Пушкинъ шелъ за гробомъ своего дяди; онъ скорбѣлъ о немъ, какъ о родственникѣ и какъ о поэтѣ.

И. И. Дмитріевъ, подозрѣвая причиною кончины Василія Львовича холеру, не входилъ въ ту комнату, гдѣ отпѣвали покойника. Александръ Сергѣевичь увѣрялъ, что холера не имѣетъ прилипчивости и, отнесясь ко мнѣ, спросилъ: да не боитесь ли и вы холеры? Я отвѣчалъ, что боялся бы, но этой болѣзни еще не понимаю. «Не мудрено, вы служите подлѣ медиковъ. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймутъ холеру. Тутъ все лекарство одинъ courage, courage и больше ничего». Я указалъ ему на словесное мнѣніе Ѳ. А. Гильтебранта, который почти тоже говорилъ. «О, да! Гилтебрантовъ немного», замѣтилъ Пушкинъ.

Именно такъ было, когда я служилъ по дѣламъ о холерѣ. Пушкинское магическое слово *courage, courage* спасало многихъ отъ холеры.

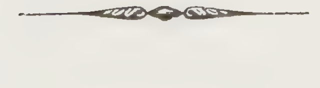
Послѣ этаго я ужъ никогда не видалъ Александра Сергѣевича.

Замѣтить ли тутъ еще нѣчто? Московской нашъ домъ, на большой Никитской, до 1812 года былъ

изъ окна въ окно съ домомъ покойной Катерины Андреевны Новосильцевой, моей двоюродной, а тестя Пушкина, Н. А. Гончарова, родной бабки. Въ этомъ-то домѣ Николай Аѳанасьевичь часто живалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и я часто у него обѣдывалъ.

Случилось, что за такимъ обѣдомъ мы всѣ гости пили здоровье хозяина и желали ему всѣхъ благъ, а при томъ, какъ превосходному скрипачу, вѣчнаго покровительства музъ. »Покамѣстъ не всѣхъ,« шутя отвѣчалъ нашъ хозяинъ; «но вотъ, какъ подростутъ дѣти, тогда немудрено, что къ моей музыкѣ прильется и поэзія!« Она прилилась скоро — а гдѣ же и то и другое? . . .

М. Макаровъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

20. Сельское чтеніе. *Книжка, составленная изъ трудовъ А. Ѳ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке,* Княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. *Въ 8;* 133 *стран. Съ картинками, рѣзанными на деревѣ, и чертежемъ Европы.*

Уже нѣсколько разъ благонамѣренные сочинители начинали у насъ писать для простаго народа. При Императрицѣ Екатеринѣ II Фонвизинъ представилъ образецъ прекрасной проповѣди сельскаго священника. При Государѣ Александрѣ Павловичѣ напечатана Ѳ. Н. Глинкою сказка въ стихахъ, очень удачно принаровленная къ понятіямъ простыхъ людей. Восхитительные переводы В. А. Жуковскаго изъ Гебеля тоже можно причислить къ опытамъ Сельскаго Чтенія. Не упоминая о множествѣ другихъ сочиненій въ этомъ родѣ, удачныхъ и заслуживающихъ, чтобы собрать ихъ въ одно изданіе для людей низшаго клас-

са, замѣтимъ только, отъ чего этотъ родъ литературы до сихъ поръ не произвелъ своего благодѣтельнаго дѣйствія. На опыты сіи всѣ привыкли смотрѣть какъ на шутку или минутную прихоть. Сочинители сами, не только ихъ читатели, отдѣляютъ на подобные труды одни легкіе часы отдохновенія, занимаются ими какъ постороннимъ дѣломъ, не носятъ въ сердцѣ убѣжденія, что здѣсь есть также свое призваніе, и что для удовлетворенія всѣмъ требованіямъ сельской литературы необходимо посвятить жизнь изученію всѣхъ предметовъ, нравовъ, языка, словомъ, обширнѣйшаго круга сельскаго быта. Почти всѣ сочинители, соединившіе статьи свои въ изданной нынѣ книжкѣ, давно извѣстны какъ люди съ талантами, знаніями; они пріобрѣли много успѣховъ на поприщѣ такъ называемой серьёзной литературы. Нѣкоторые изъ нихъ удачно занимались еще сочиненіями для дѣтскаго чтенія, которое у насъ, подобно сельскому, не находитъ писателей, себя исключительно ему посвящающихъ. Отъ одной причины одинаковыя выходятъ и слѣдствія. На кого мы указать можемъ, кромѣ автора *Исторіи Россіи въ расказахъ для дѣтей*, такъ удачно и такъ неутомимо теперь издающаго свою *Звѣздочку*, кто бы посвятилъ себя этому прекрасному роду сочиненій для дѣтей? И такъ до тѣхъ поръ, пока, вмѣсто множества лицъ, хоть два, хоть одно, не отдѣлится навсегда въ область занятій сельскою литературою, мы не распространимъ вліянія умственныхъ трудовъ на

совершенствованіе понятій и сужденій людей простаго класса. Нынѣшняя книжка, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ, останется, подобно предшествовавшимъ ей сочиненіямъ, попыткою и, подобно имъ, забудется. Посмотрите на нашу же Финляндію, какъ тамъ дѣйствуютъ для распространенія нравственности, религіозности и благаго просвѣщенія по всему краю. Уже нѣсколько лѣтъ постоянно лучшими писателями издаются тамъ для народа и листки въ видѣ газетъ, и понятныя для нихъ нравоучительныя книжки, и учебники, и проповѣди. Ни время, ни труды, ни таланты не считаются потерянными въ этомъ патріотическомъ, истинно благородномъ и слѣдственно болѣе славномъ занятіи, нежели наши подражанія Французскимъ романамъ и другія литературныя предпріятія. Дай Богъ, чтобы издатели Сельскаго чтенія не охладѣли къ этому труду, который они начали въ видѣ опыта, и чтобы сбылось не разъ, а повторялось по крайней мѣрѣ ежемѣсячно ихъ похвальное обѣщаніе: «А выразумѣешь «все, тогда напечатаемъ другую такую книжку.» Только мы не можемъ догадаться, кто же и какъ имъ скажетъ, что первая прочитана и выразумлена?

21. *Историко-критическія изслѣдованія* о Руссахъ и Славянахъ. Ѳ. Л. Морошкина. *Въ* 8; 172 *стр.*

Сочинитель въ своей книгѣ разсматриваетъ преимущественно два главные предмета: Руссовъ въ нашемъ отечествѣ, и Руссовъ внѣ его предѣловъ. По

его доказательствамъ Руссы, происходящіе отъ древнѣйшаго Славянскаго народа, обитали не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитъ ихъ наша исторія подъ этимъ именемъ, но и во всѣхъ другихъ Славянскихъ земляхъ, хотя историки и даютъ имъ иныя наименованія. Такимъ образомъ весь Славянскій міръ совокупляется въ то имя, которое прежде признавалось заимствованнымъ отъ Нормановъ, призванныхъ Новгородскими Славянами. Авторъ наибольшую часть своихъ доказательствъ столь новаго мнѣнія основалъ на этимологіи слова Русь (роща, лѣсъ). По нашему мнѣнію, это болѣе остроумно, нежели убѣдительно. Этимологическія доказательства по большой части являются произвольными. Ничего нѣтъ легче, какъ играть смысломъ, отбрасывая или прибавляя буквы, смотря по надобности. Впрочемъ и выигрышъ отъ новой ипотезы мы не считаемъ большимъ. Разноименные Славяне, и не нося общаго имени Руси, всегда признаваемы были за единоплеменниковъ. Мы только пріобрѣтаемъ часть Нормановъ, называемыхъ доселѣ Варягами: они теперь являются Славянскими Руссами.

22. **Описаніе памятника**, *сооруженнаго съ Высочайшаго соизволенія въ 1842 году въ городѣ Симферополѣ, на главной площади противъ собора,* **въ честь князя Василья Михайловича Долгорукова-Крымскаго**, *внукомъ его оберъ-шталмейстеромъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Долгоруковымъ. Въ 4.*

Четыре барельефа, изсѣченные изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, представляютъ: 1) Князя Долгорукова-Крымскаго, 2) битву Русскихъ съ Татарскими дружинами, 3) гербъ князей Долгоруковыхъ и 4) также князя Долгорукова-Крымскаго, вручающаго законы покореннымъ народамъ. Эти барельефы произведены профессоромъ Штрейхенберхомъ.

23. Троицкая Сергіева Лавра. И. Снегирева, *Въ* 12; 149 *стран.*

Въ этой книжкѣ, написанной знатокомъ Московскихъ древностей, находится не только указаніе на нынѣшніе достопримѣчательности Лавры, но и обстоятельно расказана вся ея исторія.

24. Coup d'oeil historique sur le dernier quart-de-siècle de l'existence de l'Académie Imperiale des Sciences de Saint-Pétersbourg. *Discours prononcé dans la séance solennelle de cette Académie tenue en l'honneur de son Président le* 12/24 *Janvier* 1843 *par* M P. — H. Fuss *secrétaire perpétuel. Въ* 8; 28 *стран.*

Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ, въ 12 день Генваря 1843, праздновала совершившееся двадцатипятилѣтіе Президентства въ ней Его Высокопревосходительства Сергія Семеновича Уварова. Эпоха важная для ученаго общества. Дѣй-

ствовать четверть столѣтія по однимъ и тѣмъ же началамъ, равномѣрно стремиться къ высокой цѣли, принимать и чувствовать внушенія, развивающіяся изъ единой прекрасной мысли, жить полною жизнію по законамъ, органически исходящимъ—немногимъ обществамъ дается въ удѣлъ подобное счастіе. Еще рѣже судьба позволяетъ одному и тому же лицу сохранить столько лѣтъ свое вліяніе на составъ Представителей разныхъ отраслей Наукъ. Это празднество должно оставить въ душѣ виновника его, на всю жизнь, неизгладимое и конечно самое сладостное впечатлѣніе. Вотъ обстоятельство, по которому произнесъ рѣчь свою П. Н. Фуссъ, Непремѣнный Секретарь Академіи. Случай, заставившій его бросить взглядъ на Исторію Академіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, позволилъ ему исчислить только важнѣйшія событія и представить ихъ вкратцѣ, безъ особеннаго развитія; но истина и достоинство предметовъ увлекательнѣе всѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми авторъ могъ бы украсить свое сочиненіе. Онъ произнесъ его на языкѣ, который доставляетъ возможность всѣмъ ученымъ Обществамъ Европы принять участіе въ торжествѣ нашей Академіи. Но мы тѣмъ не менѣе вносимъ его въ лѣтопись литературы Русской, потому-что въ немъ, кромѣ звуковъ, все Русское: и мысли, и чувства, и факты, и дѣйствующія лица, и наконецъ самъ Представитель Академіи. Не можемъ удержаться, чтобы не представить нашимъ читателямъ хотя заключенія этой рѣчи.

»Счастливымъ почитаю себя (говоритъ ораторъ, обращаясь къ г. Президенту), что могу быть истолкователемъ чувствованій моихъ товарищей и выразить предъ вами общую нашу признательность и преданность, на которыя ваше отличное управленіе даетъ вамъ права самыя неоспоримыя. Еще задолго до возложенія на васъ званія Президента, Академія избрала васъ въ свои Почетные Члены изъ уваженія къ вашимъ блестящимъ успѣхамъ на поприщѣ наукъ и литературы, успѣхамъ, которые въ другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, доставили бы вамъ академическія кресла. Многіе изъ насъ еще вспоминаютъ съ гордостію то время, когда одна изъ первыхъ Академій въ мірѣ, и безпорно та, которой одобренія наиболѣе ищутъ, Французскій Институтъ, приняла васъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, въ число своихъ иностранныхъ общниковъ на мѣсто знаменитаго Князя Примаса Рейнской Конфедераціи и устранивъ двухъ знаменитыхъ совмѣстниковъ, *Герена* и *Сестини*. Изъ двенадцати Президентовъ Академіи, вы одни могли съ честію носить званіе ученаго и помѣщали въ собраніи трудовъ нашихъ произведенія высокаго ученаго достоинства; и между-тѣмъ, хотя вы въ особенности предавались занятіямъ одною отраслію человѣческихъ знаній, никогда ни малѣйшее пристрастіе не имѣло вліянія на дѣйствія ваши въ отношеніи къ Представителямъ другихъ наукъ, вамъ менѣе извѣстныхъ. Высокое положеніе, доставляемое вамъ вашими качествами и общественными связями, довѣрен-

ность Монарха, которою вы имѣете счастіе пользоваться, конечно много способствовали достиженію счастливыхъ результатовъ, о которыхъ мы говорили; но мы убѣждены, что всего болѣе возвысило Академію и придало ей чувство собственнаго достоинства — нравственное вліяніе, которое вы всегда имѣли на это ученое сословіе, довѣренность, которую вы оказывали ему во всѣхъ случаяхъ, благородный образъ воззрѣнія на ваши сношенія съ Обществомъ, въ которомъ вы предсѣдательствуете, сила, съ которою вы всегда защищали его права и преимущества, уваженіе, которое вы всегда оказывали къ свободѣ Академическихъ совѣщаній. Кто изъ насъ забудетъ когда-либо трогательныя доказательства привязанности, которыми вы почтили насъ, когда Государю Императору благоугодно было облечь васъ въ высокое званіе, уже десять лѣтъ вами носимое *? И когда новыя и важныя обязанности сего званія потребовали всего вашего вниманія и, противъ воли вашей, не оставили вамъ болѣе времени для занятія дѣлами Академіи, вы назначили вмѣсто себя мужа испытаннаго, достойнаго дружбы, которую вы къ нему питаете, мужа,

* Вступивъ въ управленіе Министерствомъ Народ. Просвѣщ., и обязанный по новому своему званію каждый понедѣльникъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ (день назначенный Регламентомъ Академіи Наукъ для ея Конференцій), Его Высокопревосходительство, равномѣрно желая продолжать присутствовать въ собраніяхъ Академіи, предложилъ ей избрать другой день, что немедленно и послѣдовало.

который ревностнымъ исполненіемъ вашихъ намѣреній, административными своими талантами и благородствомъ своихъ чувствованій, съ давняго времени уже пріобрѣлъ искреннее уваженіе и признательность всѣхъ насъ вообще и каждаго въ особенности. Примите же, Господинъ Президентъ, изъявленія благодарности, которую изъ глубины души приношу вамъ отъ имени всѣхъ моихъ товарищей, и да сохранитъ Божественное Провидѣніе дни ваши еще надолго, для блага Отечества, для славы Академіи, которая гордится тѣмъ, что имѣетъ счастіе состоять подъ вашимъ начальствомъ».

25. *Отчетъ* общества Русскихъ врачей въ Санктпетербургѣ за 1842 годъ. *Въ* 8; 47 *стран.*

По ходатайству Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Л. А. Перовскаго, Общество въ 1842 году получило Высочайше утвержденный Уставъ. Такимъ образомъ нынѣ опредѣлены всѣ права и обязанности членовъ его. Оно существуетъ уже девять лѣтъ — и постоянно представляетъ публикѣ Отчеты своихъ ученыхъ дѣйствій и прочихъ событій, до него касающихся. Въ теченіи прошлаго года въ немъ прочитано было въ семнадцати его собраніяхъ двадцать восемь оригинальныхъ сочиненій, касающихся до разныхъ частей медицинскихъ наукъ.

26. *Отчетъ Комитета, Высочайше утвержденнаго въ Москвѣ* для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни *за* 1841 *г. Въ* 8; 67 *стран.*

«Въ Москвѣ всегда замѣчаемо было много нищенствующихъ. Благочестивое милосердіе Царей, имѣвшихъ здѣсь постоянное пребываніе, благотворительность высшаго духовенства, нѣкогда весьма богатаго, и простосердечная, набожная щедрость жителей всѣхъ прочихъ состояній привлекали всегда къ Москвѣ, какъ нѣжной матери Русскаго Царства, всѣхъ постигаемыхъ несчастіемъ и нуждою, привлекали съ полною надеждою получить пособіе. Это народное вѣрованіе не истребилось донынѣ. Не смотря на дѣятельныя мѣры полиціи, обращаемыя противъ нищенства, количество людей, приходящихъ изъ окрестныхъ мѣстъ за милостынею, все еще значительно. Неурожаи прошедшихъ годовъ, сокращеніе промышленности и недостатокъ въ заработкахъ, съ своей стороны, весьма много къ тому способствовали. Отъ сихъ чрезвычайныхъ причинъ число истинно-нуждающихся неминуемо должно было увеличиться и между постоянными жителями столицы. При сихъ-то неблагопріятныхъ обстоятельствахъ учредился здѣсь особый *Комитетъ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни.* Изъ отчетовъ за 1839 и 1840 годъ усматриваются первые опыты сего Комитета къ обузданію умножившагося въ здѣшнемъ краѣ нищенства. Въ издаваемомъ нынѣ Отчетѣ за истекшій 1841 годъ

представляется краткое описаніе новыхъ его усилій къ отвращенію сей общественной тягости и ко введенію болѣе порядка въ необходимомъ вспомоществованіи нуждающимся согражданамъ. Постоянныя занятія Комитета, подобно прежнимъ годамъ, состояли во внимательномъ разборѣ и распредѣленіи нищихъ по открывающимся обстоятельствамъ каждаго. Къ сему присоединились и нѣкоторыя распоряженія, клонящіяся къ благовременному предотвращенію заразы нищенства отъ людей, которые, по стеченію злополучій и нуждъ, близки были къ тому, чтобъ приняться за сей предосудительный образъ существованія. Такимъ образомъ и нынѣ Отчетъ о дѣйствіяхъ Комитета раздѣляется на двѣ главныя части, изъ коихъ первая содержитъ мѣры, принятыя прямо къ пресѣченію нищенства, а вторая мѣры, служащія къ отвращенію сего зла. Третья, дополнительная часть, заключаетъ въ себѣ свѣдѣніе о пожертвованіяхъ поступившихъ въ распоряженіе Комитета и объ употребленіи ввѣренныхъ ему способовъ». Комитетъ въ 1841 году получилъ въ приходъ разныхъ суммъ: 35,756 р. 48⁵/₇ к. сер.; изъ нихъ онъ употребилъ въ семъ году: 23,130 р. 3⁴/₇ к. сер. Къ 1842 году осталось: 12,626 р. 45¹/₇ к. сер.

27. *Отчетъ* по Второму Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ *за* 1842 *годъ. Въ* 8; 25 *стран.*

Въ Современникѣ было уже говорено (Т. XXVII, стран. 81, *первой нумераціи*) о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, въ которой Члены, занимающіеся Отечественнымъ языкомъ, составляютъ Второе ея Отдѣленіе. Первый отчетъ о годичной дѣятельности сего Отдѣленія по-справедливости привлекаетъ всеобщее любопытство и участіе. Что для націи важнѣе и общеполезнѣе совершенствованія языка ея, этаго органа всѣхъ явленій духовной жизни, этаго двигателя чувствованій и мыслей, этаго представителя нашихъ дѣлъ, помышленій, этаго памятника, который одинъ на землѣ все переживаетъ? Напечатанный Отдѣленіемъ Отчетъ содержитъ 1) указанія на разныя любопытныя обстоятельства, сопровождавшія открытіе Отдѣленія, 2) окончаніе дѣлъ, получившихъ первоначальное движеніе въ Академіи Россійской; 3) дѣла, которыя вносимы были въ Отдѣленіе по предложеніямъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и Президента Академіи Наукъ; 4) занятія Академиковъ по обработыванію матеріаловъ для составленія Словаря и Грамматики Русскаго языка; 5) частные литературные труды каждаго изъ Академиковъ, и наконецъ 6) характеристику ученой жизни тѣхъ членовъ Отдѣленія, которыхъ оно лишилось въ 1842 году. Желая ввести нашихъ читателей въ образъ сужденія и самаго изложенія касательно послѣдняго изъ сихъ предметовъ, мы приводимъ отзывъ Отдѣленія о покойномъ *М. Т. Каченовскомъ.*

«Для Отдѣленія Русскаго языка и Словесности еще чувствительнѣе была потеря Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ординарнаго Академика, Михаила Трофимовича *Каченовскаго*, скончавшагося въ Москвѣ 19 Апрѣля 1842 года. Подобно многимъ ученымъ, утвердившимъ за собою извѣстность разнородными знаніями вопреки первоначальному своему назначенію, онъ всѣмъ былъ обязанъ собственной любознательности и постоянству въ трудахъ мышленія. По рожденію своему онъ происходилъ отъ Греческой бѣдной фамиліи, жившей въ Харьковѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе въ тамошнемъ Коллегіумѣ. Это было въ осьмидесятыхъ годахъ. Тогда въ духовныхъ училищахъ занимались наиболѣе древними языками, по системѣ, не очень благопріятствующей развитію умственныхъ способностей. Молодой *Каченовскій*, бывъ тринадцати лѣтъ, поступилъ въ военную службу. Такимъ образомъ, можно сказать, что и самаго поверхностнаго образованія ему не удалось вынести съ собою на жизнь изъ училища. Нужда житейская и потребность въ занятіяхъ, болѣе соотвѣтственныхъ его тайному еще призванію, были причиною, что онъ два раза изъ военной службы возвращался къ гражданской. Во все это время, т. е., до 27 лѣтняго его возраста, ничего не удалось ему сдѣлать для будущаго своего назначенія. Одно бѣдствіе, постигнувшее его неожиданно и съ его стороны безъ всякой вины, составило послѣ въ жизни его эпоху преобразованія умственныхъ его занятій. Принужденный оставаться

надолго въ невольной бездѣйственности, онъ воспользовался услугою своего Капитана, который ссудилъ его книгою: »Примѣчанія *Болтина* на исторію *Леклерка* и *Щербатова*.« Это случайное событіе рѣшило и будущее поприще и будущій характеръ *Каченовскаго*, какъ литератора. Замѣчательно, что услужливый Офицеръ былъ С. Н. *Глинка,* тотъ самый, который чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, ласковымъ пріемомъ слабой журнальной статьи, способствовалъ войти въ ряды писателей сочинителю »Исторіи Русскаго народа«, явившемуся на литературное поприще тоже безъ приготовленія. Въ Каченовскомъ на всю его жизнь остались отъ первыхъ напечатлѣній мыслящей силы Болтина эта наклонность къ историческимъ изслѣдованіямъ и это скептическое настроеніе, которое въ послѣдствіи времени сообщилось многимъ изъ его слушателей, поддерживаемое подражаніемъ подобному же ученію въ Германіи. Переходнымъ путемъ отъ военной службы къ вступленію въ Профессоры Университета для Каченовскаго были занятія его въ Библіотекѣ и Канцеляріи Графа А. К. *Разумовскаго*, который принялъ его къ себѣ, назначенный Попечителемъ Московскаго Университета и его округа. *Каченовскій* такъ успѣлъ восполнить недостатокъ перваго своего образованія, что въ два года пріобрѣлъ въ Университетѣ ученыя степени Магистра и Доктора Философіи и Изящныхъ Наукъ, а чрезъ три онъ уже былъ Экстраординарнымъ Профессоромъ. Но, можетъ быть, ничто столько не вы-

вело его изъ круга малоизвѣстныхъ людей, какъ литературное сближеніе съ лучшими нашими писателями: *Карамзинымъ* и *Жуковскимъ*, между которыми онъ пріобрѣлъ имя, какъ редакторъ Вѣстника Европы. Для Профессора практическія занятія литературою особенно полезны. Но они еще блистательнѣе довершаютъ его ученые успѣхи, когда онъ избираетъ въ образователи своего мышленія и вкуса — людей, одаренныхъ истинными талантами. Редакціею Вѣстника Европы *Каченовскій* вошелъ въ непосредственное соприкосновеніе со всѣмъ, что̀ относилось до Русской тогдашней литературы. Если бы онъ съ убѣжденіемъ принялъ начала и направленіе *Карамзина* и *Жуковскаго* въ литературѣ, и, пользуясь естественнымъ, постепеннымъ развитіемъ Изящныхъ Наукъ и Словесности, совершенствовалъ ихъ и послѣ въ первомъ, истинно-прекрасномъ ихъ настроеніи; то послѣдніе годы Вѣстника Европы не представляли бы такой несоотвѣтственности съ прежними. Причина этой перемѣны заключалась въ томъ, что его призваніемъ было *сомнѣніе*, а не живая воспріемлемость геніальныхъ созданій. Онъ стремился осязать ихъ, а не обнималъ чувствомъ. Такимъ образомъ онъ остался на всю жизнь Профессоромъ достойнымъ уваженія, не занявши мѣста между Литераторами, посреди которыхъ онъ стоялъ нѣсколько лѣтъ, какъ редакторъ ими основаннаго и прославленнаго журнала. Въ профессорскомъ своемъ званіи онъ произвелъ замѣчательное дѣло: онъ основалъ новую школу по части Оте-

чественной Исторіи. Но школа его, подобно ему самому, не поражаетъ производительными силами. Она извѣстна только духомъ отрицанія. Если бы въ ея основателѣ слились теоретическія знанія съ литературными успѣхами, вѣроятно и между послѣдователями его скорѣе обнаружились бы писатели въ собственномъ смыслѣ. Между-тѣмъ въ прямомъ своемъ назначеніи *Каченовскій* достигъ всего, чего только по праву требуютъ себѣ заслуга и достоинство. Въ Университетѣ, ни по ученой, ни по административной части, не было ни одной почетной должности, возложеніемъ которой выражаются уваженіе Совѣта и довѣренность высшаго Начальства, какой бы онъ не исполнялъ попеременно. Императорская Академія Наукъ и бывшая Россійская Академія, Кіевскій Университетъ Св. Владиміра и Одесское Общество Исторіи и Древностей торжественно изъявили сознаніе ученыхъ заслугъ Профессора, пріобщивъ его къ числу своихъ Членовъ. Доказавши множествомъ опытовъ не только несомнѣнныя свѣдѣнія свои по разнымъ отраслямъ историческихъ наукъ, но и проницательно-критическій умъ въ объясненіяхъ и изслѣдованіяхъ разныхъ вопросовъ, онъ обнаружилъ точно такое же въ себѣ настроеніе и въ отношеніи къ предметамъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Онъ здѣсь принесъ бы прямую пользу, какъ совѣтами, такъ и разработкою относительно частныхъ задачъ. Всѣ изданные имъ труды были опыты, замѣчательные по новости и основательности, но преимуще-

ственно отрывки, а не органическое цѣлое, въ чемъ бы выразилось живое созданіе. Какъ трудолюбивый ученый, онъ пріобрѣлъ почти энциклопедическія знанія въ языкахъ и наукахъ; но это самое обиліе дѣятельности и остановило его на однѣхъ попыткахъ. Внесенныя имъ сокровища въ общее достояніе отечественнаго просвѣщенія сохранятъ отъ забвенія память человѣка, который, къ довершенію заслугъ своихъ, въ теченіе почти 65 лѣтъ жизни, оставался всегда, какъ человѣкомъ, такъ и гражданиномъ, прямодушнымъ и добросовѣстнымъ. Московскій Университетъ, которому онъ не вотще посвятилъ 35 лѣтъ службы, многими чертами замѣчательной физіономіи своей выражаетъ бывшаго его Ректора. Это, конечно, самая лестная похвала, до какой только дожить можетъ представитель Сословія ученаго. Судьба послала ему кончину мирную. Въ первый день праздника Пасхи, послѣ обѣдни, онъ возвратился къ ученымъ своимъ кресламъ, расположился въ нихъ отдохнуть— и уснулъ на-вѣки, не потревоживъ ни одного любящаго его существа ни страданіями, ни жалобами. По избранію Конференціи Академіи Наукъ, его мѣсто въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности предоставлено Тайному Совѣтнику В. А. *Полѣнову*, на что воспослѣдовало и Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.»

28. Etudes de Philologie et de Critique *par* M. Ouvaroff, *Président de l'Académie Impériale des*

sciences de St. Pétersbourg, Associé étranger de l' Institut de France, Académie des inscriptions et belles-lettres; Membre des Académies et Sociétés savantes de Goettingue, de Copenhague, de Rome, de Madrid, de Naples, de Washington, etc. etc. Въ б. 8; 372 стран.

Справедливо обвиняли современную литературу нашу въ томъ, что она лишена интереса серьёзныхъ идей, что она не вводитъ читателей въ соприкосновенность съ предметами высшаго размышленія, что ея объемъ представляетъ одну мелочность содержанія. Но это обвиненіе должно падать на большинство печатаемыхъ нынѣ сочиненій, а не на духовную вообще жизнь цѣлой націи, въ чемъ по-преимуществу надобно видѣть характеръ и цѣнность Литературы какаго-нибудь народа. Разсматриваемая нами здѣсь книга представляетъ цѣлый рядъ умственныхъ изслѣдованій, которыя выражаютъ настроеніе духовной жизни автора въ продолженіе тридцати лѣтъ. Ему такъ близки и знакомы всѣ вопросы, возникающіе въ самобытной душѣ и занимавшіе любознательность первыхъ умовъ Германіи, Англіи и Франціи, что́ ихъ рѣшеніе, сообщая Русскому перу одну оригинальность свѣжей красоты и силы выраженій, не полагаетъ ни малѣйшаго разстоянія между писателемъ нашимъ и знаменитѣйшими мыслителями современной Европы. Между-тѣмъ всѣми прочими сторонами умственной дѣятельности своей авторъ непосредственно касался

жизни Русской, нашего общества и мужалъ подъ всѣми впечатлѣніями родной страны. Ни переходъ въ другой возрастъ, ни труды при разнородныхъ обязанностяхъ, ни преемничество являвшихся въ столь значительной періодъ жизни новыхъ вкусовъ, понятій и увлеченій, ничто не оставило на книгѣ слѣдовъ занятія суетнаго, не освященнаго внутреннимъ убѣжденіемъ и призываемаго на помощь тщеславію или подобострастію. Всѣхъ, напечатанныхъ здѣсь статей, числомъ девять. Онѣ писаны въ разныя эпохи: *Projet d'une Académie Asiatique*, въ 1810 году; *Essai sur les Mystères d' Eleusis*, въ 1812; *Nonnos von Panopolis, der Dichter*, и *Ueber das Vorhomerische Zeitalter*, въ 1817; *Examen critique de la fable d'Hercule*, въ 1818; *Mémoire sur les Tragiques Grecs*, въ 1824; *Notice sur Goethe*, въ 1833; *Vues générales sur la Philosophie de la Littérature*, въ 1840. *Le Prince de Ligne*, въ 1842. Сверхъ того въ книгѣ сей напечатана критическая статья Графа Іосифа Местра, въ которой содержатся замѣчанія на проектъ Азіатической Академіи, проектъ, которымъ авторъ нашъ, тогда еще юноша, предупредилъ послѣдующія соображенія многихъ изъ Европейскихъ Правительствъ, и что заставило Наполеона отдать приказаніе, чтобы о сочиненіи семъ приготовлено было для него обстоятельное донесеніе. Такимъ образомъ, судя по важности предметовъ изслѣдованія, по ученымъ и высшимъ на нихъ взглядамъ автора, по продолжительному и неизмѣнному его вниманію къ интересамъ обще-человѣческимъ, книга его является какъ оправ-

даніе Русской литературы, какъ вѣрное свидѣтельство, что намъ не чуждо благородное участіе въ возвышенномъ дѣлѣ мышленія, что мелочность и безвкусіе господствуютъ только въ низшихъ слояхъ писателей, надъ которыми дѣйствуютъ независимо умы истинныхъ представителей націи со стороны духовной ея жизни.

29. **Письма съ дороги** *по Германіи, Швейцаріи и Италіи,* Николая Греча. **Три части.** *Въ* 8; 268, 314 *и* 314 *стран. Съ картинками.*

Много разъ говорили мы въ Современникѣ, что легче всего составить книгу, заключающую въ себѣ описаніе путешествія, и труднѣе всего сообщить подобной книгѣ истинное достоинство литературнаго или ученаго произведенія. Самый опытной, самый благонамѣренный писатель, не получившій того, что называется талантомъ, или не посвятившій себя какому-нибудь кругу положительныхъ знаній, принужденъ бываетъ, во время путешествія, гдѣ такъ поражаютъ его предметы, нанизывать впечатлѣнія и замѣчанія свои безжизненно, поверхностно и утомительно для читателей. Авторъ разсматриваемой нами книги совершенно раздѣляетъ наше мнѣніе и, отбросивъ мелочное самолюбіе, вотъ что говоритъ между прочимъ о своихъ письмахъ: «Отмѣчаю и пишу все, что мнѣ «кажется и полезнымъ и любопытнымъ, предоста»вляя каждому читателю выбирать, что ему угодно

»или пріятно. — Для людей, читавшихъ на чужихъ »языкахъ подобныя описанія изображаемыхъ мною »странъ, въ очеркахъ моихъ будетъ мало новаго. — »Срокъ пребыванія моего въ чужихъ краяхъ былъ »очень ограниченъ, и потому, конечно, не могъ я »избѣжать въ описаніи моемъ ошибокъ и невѣрностей. »— Почтенная госпожа, мадамъ Курдюкова! дай мнѣ »перышко изъ крылышекъ, которыя носили тебя по »поднебесью, и игривыми своими стихами оживи »мою скучную, вялую прозу.»

30. Украинские анекдоты. *Сочиненіе* Павла Ильина. *Въ* 12; 36 *стран.*

Ничѣмъ незамѣчательная брошюрка

31. Богданъ. *Сцены изъ жизни Малороссійскаго Гетмана Зиновія Хмѣльницкаго. Сочиненіе* Е. Гребенки. *Въ* 8; 58 *стран.*

Вотъ небольшая, но замѣчательная внутреннимъ своимъ достоинствомъ поэма, о которой мы имѣли случай изложить наше мнѣніе прежде (Т. XIV Современника, стран: 137, *третьей нумераціи*), и отрывками изъ которой два раза украшенъ былъ нашъ журналъ (*ibid* и Т. XVII Совр., стран: 126, *третьей же нумер.*)

32. Стихотворенія Н. С. *Въ* 16; 32 *стран.*

Здѣсь много ошибокъ противъ смысла и стихосложенія, не говоря, разумѣется, о главной ошибкѣ, что въ книжкѣ нѣтъ поэзіи.

33. Виргиліева Энеида, *на Малороссійскій языкъ переложенная* И. Котляревскимъ. Шесть частей. *Въ* 8; 38, 42, 75, 71, 77 и 90 *стран. Сверхъ того приложенъ словарь Малороссійскихъ словъ, находящихся въ книгѣ, съ переводомъ ихъ на Русской языкъ.* 32 *страницы.*

Давно уже извѣстно это шутливое созданіе Малороссійской музы. Мы полагаемъ, что его не надобно называть Энеидою Виргилія, переложенною на Малороссійскій языкъ, а шуточнымъ подражаніемъ Энеидѣ. Любители и знатоки языка Малороссійскаго могутъ теперь наконецъ всѣ насладиться чтеніемъ книги, которая прежде ходила по рукамъ въ невѣрныхъ спискахъ.

34. Юность и Дряхлость, *или молодой мужъ и старуха жена. Драматическая быль въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч.* А. Лисаискаго. *Въ* 12; 75 *стран.*

35. Бурсакъ учитель, *комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч.* С. Г. *(писана лѣтомъ* 1840 *года). Въ* 8; 134 *стран.*

Драма написана по-Русски, а комедія по-Малороссійски. Вотъ одно между ними различіе. Во всемъ прочемъ обѣ сходны: ни представлять, ни читать ихъ не для чего.

36. Сочиненія Николая Гоголя. Въ четырехъ томахъ. Въ 8, въ I т. XVIII, 186, VIII и 259; во II 485; въ III 386; въ IV 590 *стран.*

Прошло не болѣе восьми лѣтъ, какъ публикѣ представлены были въ первый разъ первые опыты сочиненій Гоголя. Она приняла ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и любопытствомъ, какія возбуждаетъ всегда истинный талантъ. Не знали еще имени автора, которое и послѣ долго было тайною, но живо представляли воображенію прелестныя сцены, которыми сочинитель такъ очаровалъ ихъ. Съ появленіемъ Современника онъ принялъ въ немъ живое участіе. Смерть Пушкина была ударомъ для литературной его дѣятельности. Въ великомъ поэтѣ Гоголь утратилъ истиннаго своего судью, друга и вдохновителя. Никто не цѣнилъ его такъ строго и такъ вѣрно, какъ Пушкинъ. Вотъ его отзывъ о второмъ изданіи *Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки*: «Читатели (говоритъ »Пушкинъ) конечно помнятъ впечатлѣніе, произведен»ное надъ ними появленіемъ *Вечеровъ на Хуторѣ*: всѣ »обрадовались этому живому описанію племени поюща»го и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Мало»россійской природы, этой веселости, простодушной и

»вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, »которая заставляла всѣхъ смѣяться, мы, не смѣяв- »шіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благо- »дарны молодому автору, что охотно простили ему »неровность и неправильность его слога, безсвязность »и неправдоподобіе нѣкоторыхъ расказовъ, предоста- »вя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправ- »далъ такое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непре- »станно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ »Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, »самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за »тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ »прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутли- »вую, трогательную идиллію, которая заставляетъ »васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и »Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ- »Скотта (Т. I. Современ., 311 стран.).» Наконецъ долговременное молчаніе Гоголя прервано было въ прошедшемъ году поэмою его: *Мертвыя души.* Мы помѣстили уже подробный разборъ этаго произведенія (Т. XXVII Совр., стран. 19, *первой нумераціи).* Теперь передъ нами Гоголь весь съ его неистощимымъ запасомъ истинно-художническаго юмора, глубокой задумчивости, рѣзкой насмѣшливости, живыхъ представленій, то возвышенно-умилительныхъ, то неподражаемо-комическихъ. Онъ повсюду полонъ истины, силы, разнообразія и увлекательности. Въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій цѣлый томъ новыхъ пьесъ, которыя свидѣтельствуютъ, какъ этотъ вели-

кій талантъ расширяетъ передъ собою кругъ литературной дѣятельности. Пьеса: *Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи*, одна вмѣщаетъ въ себѣ всѣ сокровища драмы, критики, характеристики и комисма. Все блещетъ идеями высокой наблюдательности, знаніемъ страстей и нравовъ, яркими красками и оригинальностію соображеній. Самое неутомимое вниманіе не можетъ поспѣвать за движеніемъ сценъ и явленіемъ характеровъ. Авторъ влечетъ васъ, самъ увлекаемый потокомъ новыхъ образовъ, положеній и чувствованій. Онъ менѣе всего думаетъ объ окончательной отдѣлкѣ языка, довольствуясь одною точностію выраженій безъ отношенія ихъ къ требованіямъ гармоніи и словосочиненія. Его надобно не читать, а играть или представлять, какъ онъ и самъ обходится съ своими пьесами. Въ нихъ такъ мало соблюдено условій, принятыхъ въ книжномъ языкѣ, что, безъ сочувствія съ самимъ художествомъ, не оцѣнишь автора, вышедшаго совершенно изъ формъ искуственности, еще странно смѣшиваемой нами съ тѣмъ, что называется изящнымъ искуствомъ.

37. Практическая ороографія *съ предварительными къ ней замѣчаніями, составленная* Петромъ Перевлѣскимъ. *Въ 12; VI и 230 стран.*

38. Практическій синтаксисъ сложнаго предложенія и стихосложенія, *составленные* Петромъ Перевлѣскимъ. *Въ 12; 234 стран.*

39. *Руководство къ постепенному практическому изученію* Нѣмецкаго языка. *Сочиненіе* Ренгартона. *Въ 8; XV и* 119 *стран.*

40. Татарская Грамматика, *составленная* Мартиніаномъ Ивановымъ. *Въ* 8; *VI и* 341 *стран.*

41. Татарская хрестоматія, *составленная* Мартиніаномъ Ивановымъ. *Въ* 8; *VI и* 368 *стран.*

Всѣ сіи учебныя пособія, соотвѣтственно цѣли каждаго, должно признать за книги полезныя, потому что сочинители обработывали ихъ по соображеніямъ, выведеннымъ изъ практики.

42. *Начальныя основанія* Геометріи. *Сочиненіе* П. Татаринова. *Въ* 8; *XXV и* 303 *стран. съ чертежами.*

Эту книгу нельзя не отличить отъ подобныхъ ей руководствъ: въ ней прекрасно соединена чисто-ученая часть съ систематическимъ изложеніемъ учебника.

43. *Краткая* Европейская метрологія, *или описаніе главныхъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, въ Европѣ нынѣ употребляемыхъ. Съ двумя таблицами. Соч.* Ѳ. Петрушевскаго. *Въ* 8; 114 *стран.*

Между книгами, необходимыми образованному человѣку, сочиненіе г. Петрушевскаго займетъ не послѣднее мѣсто. Это своего рода лексиконъ, въ который такъ часто надобно заглядывать. Особенно большую выгоду доставляетъ книгѣ сравненіе Русскихъ мѣръ съ мѣрами прочихъ Европейскихъ державъ.

44. *Описаніе изобрѣтенія и постепеннаго усовершенствованія* паровыхъ машинъ, *составлено* Николаемъ Божеряновымъ. *Одобрено Императорскою Академіею Наукъ и напечатано по Высочайшему повелѣнію. Въ* 8; 169 *стран. Съ XI примѣчаніями; съ различными чертежами на XVI листахъ и портретомъ Уатта.*

Сочиненіе раздѣлено на 4 періода: *Первый* содержитъ описаніе машинъ, въ которыхъ паръ производитъ полезное дѣйствіе непосредственно; *второй* — когда паръ употребляется для произведенія пустоты; *третій* — описаніе машинъ, собственно такъ называемыхъ, простаго и двойнаго дѣйствія, низкаго давленія; *третій* — паровыхъ машинъ высокаго давленія. По изложенію, полнотѣ и самому изданію это одна изъ замѣчательнѣйшихъ новыхъ Русскихъ книгъ.

45. *Наставленіе, какъ обходиться съ* пневматическимъ отапливаніемъ *Въ 8; 28 стран.*

Употребленіе такъ называемыхъ Аммосовскихъ печей многимъ конечно давно извѣстно. Теперь предложены правила, которыхъ надобно держаться касательно сего общеполезнаго изобрѣтенія.

II.

46. Исторія Петра Великаго. *Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ.* Выпуски: 14 и 15. *Въ* 8; *отъ* 417 *до* 481 *стран.*

47. Московскій адресъ-календарь, *для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ* К. Нистремомъ. Томъ IV. *Въ* 8; 263 *стран.*

48. Государственная внѣшняя торговля 1841 года *въ разныхъ ея видахъ. Въ* 4; *X и* 125 *стран.*

49. Дагеротипъ. Тетради: 7, 8, 9, 10, 11 и 12. *Въ* 8; 36, 42, 119 *и* 38 *стран.*

50. Практическая фармакологія. *Составлена* Козьмою Лебедевымъ. Тетрадь вторая. *Въ* 8; 251 — 448 *стран.*

51. ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. *За* 1842 *годъ*. ТРЕТЬ ВТОРАЯ. *Въ* 8; 139 *стран*.

Смотр: Современника Т. XXVIII, стран. 88; *нумераціи первой*.

52. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО, *или правила для любителей пчелъ, и проч. Соч.* Н. Витвицкаго. ЧАСТИ III и IV. *Въ* 8; 240 *и* 237 *стран*.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

9. 12. Января 1843 года. *Въ 8; 25 стран.*

Переводъ брошюры, о которой въ нынѣшней же книжкѣ Современника говорено между новыми сочиненіями подъ N 24 мъ.

10. О распознаваніи грудныхъ болѣзней *посредствомъ постукиванія (груди) и выслушиванія (дыханія). Переведено съ Нѣмецкаго Л. А. Кр . . . Въ 8; 101 стран.*

Предметъ, излагаемый въ книгѣ, еще новъ и недовольно изслѣдованъ Русскими медиками. Тѣмъ болѣе ощутительна услуга переводчика. Въ его книгѣ, кромѣ способовъ, какъ распознавать болѣзни, излагается исчисленіе самыхъ недуговъ, для узнанія которыхъ надобно употреблять вышеобъясненный способъ врачеванія.

II.

11 *Всеобщая историческая библіотека.* Книжки 15, 16 и 17: Исторія Ломбардіи, *часть четвер-*

тая) — *отъ основанія Ломбардо-Венеціанскаго королевства до* 1827 *года;* Исторія Нѣмецкой Ганзы, *доктора* Раушника *(въ двухъ частяхъ). Въ* 8; *отъ* 600 *до* 691 *стран.*, *и отъ* 101 *до* 202.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

18. Таинственный монахъ, *или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Историческій романъ. Въ трехъ частяхъ.* Второе изданіе. *Въ* 12; 253, 262 и 206 *стран.*

НОТТУРНО.

О! любо на васъ засмотрѣться, свѣтлыя, яркія звѣзды,
Когда въ многочисленныхъ хорахъ, тѣсно, безъ счета,
безъ мѣры,
На небѣ ночномъ вы горите, зыблясь, мерцая, и сыпля
Сверкающихъ искръ милліоны! . . . Любо васъ видѣть,
о блестки
Покрова царицы природы, въ сумракъ и тайну одѣтой!
Но мнѣ и милѣй и отраднѣй, если случится какъ нынѣ,
Что послѣ ненастья, межъ тучь, гостьей нежданой
возникнетъ
Звѣзда одинокая въ полночь... явится словно улыбка,
Смѣняя прискорбія слезы... мглу небосклона разсѣетъ...
И средь облаковъ перелетныхъ свѣтитъ одна и недвижна,
И взоры манитъ такъ привѣтно, сердце влечетъ такъ
всесильно!
Да, любо и сладко мнѣ грустной молча звѣздой восхи-
щаться,
И долго и томно и нѣжно взглядъ возсылать къ ней
прекрасной,
Души, полной тайнъ и тревоги, исповѣдь ей повѣряя!
Мнѣ кажется, въ часъ сей безмолвный общаго сна и
покоя,

Когда все почило — и только я лишь одна ей любуюсь,
Звѣздою моей одинокой — кажется, мнѣ она блещетъ
Условнымъ, таинственнымъ знакомъ, чудной пророческой
вѣстью. . .
Не такъ ли она загорѣлась въ небѣ туманномъ и грозномъ,
Какъ радость зажжется когда-то послѣ страданій и муки?
Не такъ ли она въ мракѣ ночи свѣтлою точкой сіяетъ,
Какъ въ сердцѣ моемъ вѣковѣчно свѣтитъ завѣтная
мысль?

Графиня Е. Ростопчина.

Село Анна. 26 *Сентября,* 1842.

»Была ты съ нами неразлучна,
И вкругъ тебя, средь тишины,
Вились свѣтло, носились звучно
Младые призраки и сны.

Жила въ предѣлѣ мирно-тѣсномъ
Одна ты съ думою своей,
Какъ бы на островѣ чудесномъ,
За темной шириной морей.

Земныхъ желаній ты не знала,
Не знала ты любви земной;
И грохотъ жизненнаго вала
Ропталъ вдали какъ громъ глухой.

И стала нынѣ ты не наша!
Восторгъ погасъ, порывъ утихъ;
Познанья роковая чаша
Уже коснулась устъ твоихъ.

Забудешь тайну вдохновеній
Въ борьбахъ земнаго бытія;
Въ огнѣ страданій и волненій
Перегоритъ душа твоя!»

— Нѣтъ! не правъ вашъ ропотъ тайный!
Не мечтаній сладкій хмѣль,
Не души покой случайный
Ей назначенная цѣль!

Пусть пловца окрѣпнетъ сила,
Покоряя бурный валъ!
Пусть пройдетъ черезъ горнило
Неочищенный металлъ!

Осуждаетъ Провидѣнье
Сердце жаркое узнать
Горькихъ мукъ благословенье,
Жертвъ высокихъ благодать.

Нѣтъ! есть сила для полета
Въ смѣломъ трепетѣ крыла!
Та безпечная дремота
Жизнью духа не была.

Онъ зрѣлѣй теперь для дѣла,
Онъ свѣтлѣй для вольныхъ думъ;
Что умомъ тогда владѣло
Тѣмъ владѣетъ нынѣ умъ.

Средь дѣянія земнаго
Мигъ торжественный слетитъ,
Думы въ образъ, мысли въ слово
Животворно облачитъ.

И минутъ тѣхъ вдохновенье
Принесу тому я въ даръ,
Кто въ покорность и смиренье
Обратилъ мой праздный жаръ;

Кто меня крутой дорогой
Бытія вести умѣлъ,
И душѣ, съ любовью строгой,
Указалъ благой удѣлъ. —

К. П.

Іюнь, 1842.

ЗИМА.

Вездѣ зима пушисты ткани
Самодержавно навела,
Какъ будто шелковыя брани
Вокругъ богатаго стола.

Люблю зимы я воздухъ чистый
Видъ ослѣпительный снѣговъ,
Морозовъ иней серебристый,
Поверхность лаковую льдовъ.

Опять лѣса полны музыкой
Меланхолической и дикой;
Опять вздыхаютъ и гудятъ,
Какъ будто грусть дѣлить хотятъ.

Е. Милькѣевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXIX ТОМА.

Конецъ двадцать девятаго тома.